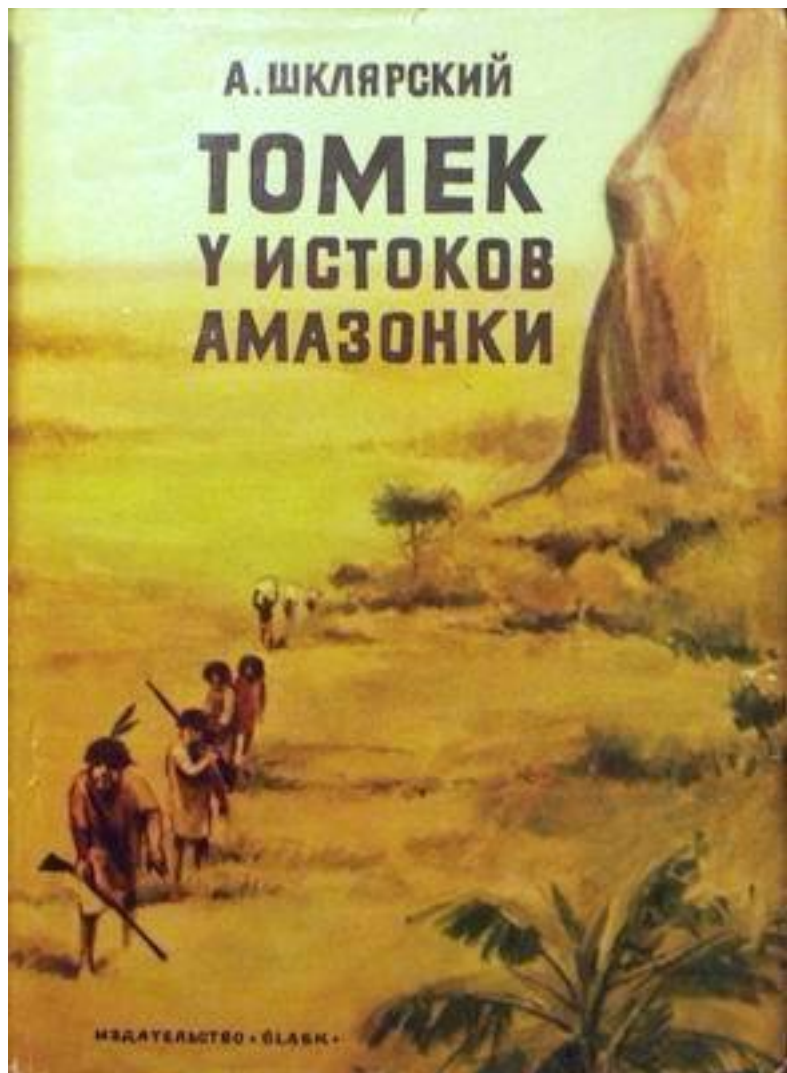

А. ШКЛЯРСКИЙ

ТОМЕК У ИСТОКОВ АМАЗОНКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БЛАК»

Альфред Шклярский
Томек у истоков Амазонки
Серия «Приключения Томека
Вильмовского», книга 7

Spellcheck by Wesh the Leopard

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125699

А.Шклярский. Томек у истоков Амазонки – Katowice: «Śląsk», 1972. – 332 с.: «Śląsk»; Katowice ; 1972

Аннотация

Альфред Шклярский принадлежит к числу популярнейших польских писателей, пишущих для молодежи. Польскому читателю особенно полюбился цикл приключенческих романов Шклярского. Цикл объединен образами главных героев, путешествующих по разным экзотическим странам земного шара. Несмотря на общность героев, каждый роман представляет из себя отдельную книгу, содержание которой определено путешествиями и приключениями Томека Вильмовского, юного героя романов, и его взрослых товарищей. Кроме достоинств, присущих вообще книгам приключенческого характера, романы Шклярского отличаются большими ценностями воспитательного и познавательного порядка. Фабула романов построена с учетом новейших научных достижений педагогики. Романы учат молодых читателей самостоятельности, воспитывают у них

твердость характера и благородство. Первое и второе издания серии приключений Томека Вильмовского разошлись очень быстро и пользуются большим успехом у молодых читателей, доказательством чему служат письма, полученные издательством со всех концов нашей страны. Мы надеемся, что и это издание будет встречено с такой же симпатией, и поэтому с удовольствием отдаем эту серию в руки молодых друзей.

Содержание

ПРОЛОГ	5
I	16
II	29
III	49
IV	67
V	79
VI	101
VII	122
VIII	135
IX	150
X	168
XI	188
XII	209
XIII	230
XIV	249
XV	267
XVI	287
XVII	303
XVIII	326
XIX	346
XX	366
XXI	383
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	398

А.Шклярский. Томек у истоков Амазонки

Alfred Szklarski

Tomek u źródeł Amazonki

Альфред Шклярский
(1912—1992)

Томек у истоков Амазонки

ПРОЛОГ

НАПАДЕНИЕ НА РАССВЕТЕ

На северо-западе Бразилии, почти в том месте, где сходятся ее границы с Перу и Колумбией, черные, тяжелые тучи преждевременно закрыли клонившееся к закату солнце. В чаще амазонской сельвы¹ зашуршали крупные капли до-

¹ Сельвасы, сельвас, ед. число – сельва, – тропические леса, покрывающие

жды. Монотонное пение бесчисленных цикад² прекратилось, как по команде. Умолкли шумные беседы попугаев. Кроны деревьев заколыхались под порывами резкого ветра. Лианы, свисавшие с деревьев, как фестоны, пружинисто задрожали.

В лагере сборщиков каучука³, расположенном вблизи берегов реки Путумайо⁴, началась лихорадочная суета. Обитатели лагеря наскоро крепили шалаши, прятали в них предметы домашнего обихода; они старались предотвратить ущерб, который может причинить надвигающаяся гроза.

Поднявшаяся в лагере суматоха и шум дождя, уже потоком лившего по сухим листьям кровли шалаша, разбудили стройного, молодого человека, спавшего на деревянной койке. Он с трудом приподнялся, опираясь на локоть. В помещении было темно, поэтому он выглянул из двери со вставленной проволочной сеткой, но снаружи тоже был темно. Джон

огромные площади бассейна Амазонки.

² **Цикады** (*Cicadidae*) – певчие цикады – семейство насекомых отряда равнокрылых хоботных. Обитают обычно в теплых краях. Питаются растительными соками. Размах крылышек у некоторых видов достигает до 18 сантиметров. Самцы цикад издают характерное «пение» с помощью отростков, находящихся в нижней части туловища.

³ Натуральный каучук содержится в виде млечного сока в каучуконосных растениях. Больше всего каучука содержится в растениях следующих видов: гевея, саниум; маниот, сем. молочайных; кастиллоа сем. тутовых; из рода фунтумия сем. кутропых; ландольфия сем. ластовневых. Каучуконосы особенно распространены в Южной Америке, некоторые виды растут в Африке и на Мадагаскаре.

⁴ **Риу-Путумайо** – река на северо-западе Южной Америки. Приток Амазонки. Начинается в северо-восточной Колумбии, течет через Перу и Бразилию.

Никсон – так звали молодого человека – раздвинул рукой москитьеру, висевшую вокруг койки и встал. Шатаясь, он подошел к двери и распахнул ажурную сетку. Сначала посмотрел в сторону барака, где находился склад собранного каучука. Ворота барака были заперты. Полунагие индейцы молча суетились у шалашей, в которых, видимо, спрятались от бури их жены и дети.

– Аукони! – слегка хриплым голосом позвал Джон Никсон.

– Син сеньор!⁵ – ответил индеец, подходя к порогу хижины.

– Где капангос?⁶ – спросил Никсон.

– Они ужинают у себя в бараке, – ответил индеец. Никсон насупил брови. Наемные надсмотрщики хороши только тогда, когда стоишь над ними с нагайкой. После минутного молчания Никсон спросил:

– Все ли серингеро⁷ вернулись из сельвы? Скоро разразится гроза!..

– Вернулись все, каучук уложен в складе, – ответил Аукони, предводитель группы индейцев племени сюбео, собиравших каучуковый латекс⁸ для компании⁹ «Никсон-Риу-Пу-

⁵ **Син, сеньор** (*португ.*) – Да, господин.

⁶ **Капангос** (*португ.*) – вооруженные надсмотрщики над рабочими.

⁷ **Серингеро** (*португ.*) – сборщик каучука.

⁸ **Латекс** – млечный сок каучуковых растений, например, гевеи.

⁹ **Компания** – здесь торговое общество.

ту-майо».

– Ты уже раздал продовольственные пайки?

– Син, сеньор, а сейчас я прикажу подать вам ужин, – ответил Аукони.

– К черту ужин! – вспыхнул Никсон. Марш отсюда!

На спокойном, как у каменного изваяния, лице индейца не дрогнул ни один мускул. Он только бросил испытующий взгляд на своего начальника. Убедился, что белый опять пил. После краткого размышления индеец сказал:

– Сеньор Уилсон ушел, злые люди близко, не пей больше...

Но белый не услышал обращенных к нему слов, потому что в этот момент черноту неба прорезала яркая молния и мощный удар грома заглушил доброжелательные слова индейца. На деревья джунглей налетел вихрь, с их верхушек посыпались листья и обломки веток. Вскоре буря разыгралась на полную мощь.

Джон Никсон с треском захлопнул наружные створки двери, сделанной из продольно распиленных, бамбуковых стеблей. Ощупью добрался до деревянного ящика, заменявшего в убогой хижине стол. Зажег фитилек керосиновой лампы. Из всех углов помещения сейчас же налетели ночные бабочки и стали кружить вокруг огня. Одна из них коснулась лица Джона. Он вздрогнул от отвращения. Ему опротивели насекомые и гусеницы, которыми кишел влажный, тропический лес. Никсон никак не мог привыкнуть к амазонской сельве,

тихой и казалось лишенной жизни днем, и оживающей тысячами таинственных голосов ночью. Кто способен отличить человеческие голоса от стонов и завывания животных? Может быть это краснокожие, дикие охотники за человеческими головами, или того хуже, белые охотники за рабами, перекликаются, готовясь к нападению? Вдобавок, частые дожди предвещали скорое наступление зимы, то есть дождливой поры, когда сельва превращается в болотистый лабиринт озер и болот.

Никсон уселся на скамью и стал удрученно прислушиваться к шуму ливня, бушевавшего за стенами хижины. Потом, видимо, несколько успокоившись, пробурчал:

– Во время грозы нечего бояться нападения, по крайней мере можно поспать спокойно...

Достал бутылку рома. Налил полный стакан и выпил. Алкоголь ударил ему в голову и Никсон, как был в одежде, повалился на кровать, задвинул москитьеру, сунул под подушку револьвер и погрузился в невеселые размышления. Он мечтал как можно скорее оставить амазонские леса. Он хотел вернуться в родной дом в Чикаго¹⁰, где согласно обещанию дяди, должен был возглавить филиал фирмы «Никсон-Риу-Путумайо». Лишь бы дядя поверил, что будущий совладелец фирмы уже достаточно ознакомился с делами. А пока что приходилось торчать здесь, в мрачной сельве, в обществе четырех грубых капангос и молчаливых, недоверчивых

¹⁰ **Чикаго** – город в штате Иллинойс в США.

индейцев, постоянно недосыпать, быть в неустанном напряжении, бдительно следить за всем, что происходит вокруг. Вблизи Риу-Путумайо бродили многочисленные, организованные спекулянтами-торговцами каучуком, стайки бандитов, со стороны которых в любую минуту можно было ожидать нападения и грабежа.

С тихим вздохом сожаления, молодой Никсон вспомнил Яна Смугу, первого помощника дяди. Этот знаменитый путешественник, человек отважный до безрассудства, не знал, казалось, чувства страха. В диком лесу он чувствовал себя как в своей стихии. Когда Смуга был с ним, в лагере сборщиков каучука все шло, как по маслу: не было ссор ни противоречий, все чувствовали себя в полной безопасности. С одинаковой свободой Смуга обращался с полудикими обитателями сельвы, и с более цивилизованными жителями Манауса¹¹, где находилась контора компании и главные склады каучука. Во время последнего пребывания в лагере сборщиков каучука Смуга обещал Никсону, что попросит дядю, как можно скорее, отозвать его с берегов Путумайо.

Никсон втайне завидовал Смуге, особенно его умению ла-

¹¹ **Манаус** – город в северной Бразилии, в штате Амазонас, на левом берегу реки Негру, вблизи места ее впадения в Амазонку. Город основан в 1660 году португальцами. С 1850 г. – столица штата; в настоящее время второй по важности город на Амазонке после Белема на протоке Пара, впадающем в бухту Маражо. Манаус – превосходный речной порт, из которого отправляются продукты со всего штата: какао, каучук, бразильский орех, древесина и фрукты. Манаус – важный торговый центр, расцвет которого приходится на время так называемой каучуковой лихорадки.

дить с людьми. Кроме того, Никсон знал, что индейцы презирают белых, не умеющих скрывать обуревавшие их чувства. Несмотря на это, он никак не мог совладать с собой и скрыть от посторонних взглядов чувство отвращения или страха, которое возбуждали у него насекомые и противные существа, населявшие джунгли. Поэтому теперь, когда ему пришлось послать в лагерь на реке Япуре своего помощника Уилсона, Никсону трудно было удержать в послушании и должной дисциплине ленивых капангос и индейцев, у которых он не сумел завоевать авторитет начальника.

Из расположенного поблизости барака доносились звуки гитары. Печальный перезвон гитарных струн иногда заглушался громким шумом тропического ливня. Играл на гитаре, видимо, надсмотрщик Матео, метис¹², с бурным и не очень похвальным прошлым. Слушая его низкий, страстный голос, трудно было поверить, что этот человек отличался холодной жестокостью, охотно пользовался ножом и кнутом.

Джон Никсон дремал под едва слышные звуки гитары. Его размышления прерывали неясные видения. Он засыпал. Сквозь сон ему показалось, что где-то в глубине сельвы слышались глухие звуки там-тамов. Это не возбудило в нем опасений. В этой части бассейна Амазонки сильно влияние негритянских обычаев, завезенных из глубины Африки многочисленными черными рабами. Дыхание молодого Никсона

¹² **Метис** – потомок смешанного брака между людьми белой и красной расы.
Мулат – потомок людей белой и черной расы.

становилось глубже и ровнее. В конце концов, белый человек крепко заснул...

* * *

Отряд вооруженных людей, в ночной темноте, крадучись окружал лагерь сборщиков каучука. Когда гроза и ливень прошли, вооруженные люди, прячась в густом подлеске сжали кольцо окружения вокруг раскорчеванной площадки. Это были индейцы племени ягуа, отличавшиеся светло-коричневым цветом кожи. Их нагие тела прикрывали только пышные юбки из рафии¹³, доходившие до щиколоток ног. Головы индейцев украшали огромные парики, сплетенные из желтого волокна рафии, свободно падавшего на их плечи и спины до пояса. У некоторых в париках торчали перья попугаев, засушенные птицы и мыши. Индейцы носили ожерелья из семян растений. Они были вооружены луками и длинными духовыми ружьями из стеблей бамбука¹⁴, из которых они выпускали небольшие, иногда отравленные стрелы. Южно-американские индейцы употребляли эти ружья для охоты, но если брали их с собой в военный поход, то эти ружья в их руках

¹³ **Рафия** – волокно одного из видов пальмовых деревьев. Идет на поделку шляп, корзин, обуви и пр., а также употребляется в садоводстве.

¹⁴ **Духовое ружье** – оружие индейцев Южной и Центральной Америк, туземцев Индонезии, Индокитая и Индии. Ружье делают из бамбукового стебля длиной 2—4 м, из которого сильным дуновением «выстреливают» небольшую стрелу.

превращались в грозное оружие. От попадания маленькой стрелы противник погибал почти мгновенно.

На востоке показались первые лучи восходящего солнца. День вставал сразу, без предрассветных сумерек. Один из индейцев, по-видимому, вождь, наклонился к двум белым мужчинам, сопутствовавшим краснокожим воинам, и гор-
таным голосом, на языке ягуа, шепнул:

– Жаримени яренумуйу¹⁵ дай сигнал!

Белый приложил палец к губам.

– Унжуй...¹⁶ – предупредил индеец.

Белый гневно насупил брови. Он тоже заметил дворнягу, высунувшуюся из индейского шалаша. Если собака почует чужих, она разбудит спящих сборщиков каучука. Весь искусно разработанный план готов тогда провалиться. Белый мужчина быстро повернулся к вождю ягуа, и взглядом показал ему на духовое ружье. Они поняли друг друга без слов.

Индеец достал из плетеной сумки миниатюрную стрелу, всунул ее в бамбуковую трубку, уплотнил хлопчатобумажным пыжом. Поднес утолщенный конец бамбуковой трубки ко рту, и направил второй, тонкий конец на собаку. Набрав полную – грудь воздуха, что есть силы дунул в трубку.

Еще не совсем проснувшаяся дворняга, внезапно вздрогнула и повалилась набок, словно сраженная молнией. Некоторое время собака шевелила ногами, скребя когтями зем-

¹⁵ Луна спать – то есть луна скрылась.

¹⁶ Унжуй – собака.

лю, но вскоре пала мертвой, не подав голоса.

Белый союзник индейца ягуа искоса взглянул на ужасного стрелка. Лицо вождя оставалось совершенно спокойным. На нем не отражались какие-либо чувства, но дерзкое поблескивание глаз и характерная гримаса жестокости на устах, не возбуждали к нему доверия. Белый мужчина инстинктивно коснулся рукоятки револьвера. Но в это мгновение дверь барака распахнулась. Один, за другим оттуда вышли трое капангос. Белый облегченно вздохнул. Он повернулся к вождю ягуа и крикнул:

– Вперед!

Утренние крики попугаев в сельве и протяжный, боевой клич индейцев ягуа раздались почти одновременно. Несчастные капангос не успели даже спрятаться в бараке. Прошитые множеством стрел из луков, они упали на землю. С адским воем из зарослей выскочили индейцы ягуа, ворвались в шалаши, откуда слышались крики ужаса и боли.

Притаившись в кустах, белые союзники ягуа, внимательно наблюдали за полем боя, держа в руках карабины. Они сразу же заметили Джона Никсона, который пинком ноги распахнул дверь хижины и остановился на ее пороге с револьвером в руке. Налитыми кровью и еще заспанными глазами он осмотрелся вокруг. Увидев погром своих людей, он побледнел от ужаса. Поднял револьвер и прицелился в подбегающего к нему индейца. Однако он не успел нажать курок. Один из белых союзников ягуа подбросил карабин к плечу.

Прежде чем рассеялся дым после выстрела, Джон Никсон упал на пороге своей хижины. Вождь ягуа подбежал к нему, размахивая острым бамбуковым ножом.

Белый убийца и его товарищ повернулись спиной к индейскому охотнику за человеческими головами. Слишком уж отвратительное было это зрелище. Белые направились в барак, откуда их краснокожие союзники уже выносили каучук.

Не прошло и часа после боя, как разбойники уже быстро уходили в джунгли, неся ценную добычу. Они взяли также в плен сборщиков каучука, вместе с их женами и детьми. Никто не посчитал нужным оглянуться на оставленный лагерь, в котором догорали бараки.

I

ПЕДРО АЛЬВАРЕС АТАКУЕТ

Ян Смуга проснулся от тихого стука в дверь комнаты, в которой он спал. Не вставая с койки, со всех сторон закрытой сеткой москитьеры, он крикнул:

– Войдите!

В комнату, погруженную в полумрак застенчиво заглянула молодая женщина.

– Извините меня, пожалуйста, я не хотела прерывать вашу сиесту¹⁷, но пришел мальчик из конторы, – стала оправдываться она, – говорит, что его прислал господин Никсон, по очень важному делу.

– Ты правильно поступила, Наташа, что разбудила меня, я уже вполне отдохнул. Может быть получены, наконец, известия с берегов Путумайо. Впустите посланца!

Смуга высунул руку из-под москитьеры, достал коробку с табаком, лежавшую на столике рядом с койкой. Набил трубку и закурил.

Вскоре в комнату вошел мальчуган, отличавшийся деловитостью движений и умным выражением лица. Он был одет только в длинную цветную рубашку, спускавшуюся свободно ниже колен, подпоясанную набедренной повязкой из

¹⁷ **Сиеста** – послеобеденный сон.

цветного ситца. Ему, видимо, было лет четырнадцать, не больше. Красновато-коричневый цвет кожи, черные жесткие волосы, подстриженные кружком, косые глаза и выдающиеся скулы на лице явно свидетельствовали о его индейском происхождении.

– Бом диа, сеньор!¹⁸ – сказал он на португальском языке.

– Бом диа, Гого! Подними жалюзи в окнах, – сказал Смуга и добавил на польском языке: – Наташенька, дай мне, пожалуйста, стакан чаю.

– Сейчас приготовлю, – ответила молодая женщина, улыбаясь «своему опекуну».

Индеец поднял жалюзи на окнах и приоткрыл портьеру, заслонявшую дверь на веранду. Яркий свет тропического солнца ворвался в комнату. Мальчик остановился рядом со Смугой и сказал:

– Сеньор Никсон приказал идти к сеньор Смуга. Злые люди напали на акампаменто¹⁹ Риу-Путумайо. Они убили прямо²⁰ сеньора Никсона.

Смуга резким жестом отстранил москитьеру и вскочил с койки.

– Это точно? – спросил он кратко.

– Приехал один боа женте²¹ из акампаменто, – добавил

¹⁸ **Бом диа, сеньор** (*порт.*) – добрый день, господин.

¹⁹ **Акампаменто** (*португ.*) – лагерь, стоянка.

²⁰ **Примо** (*португ.*) – родственник.

²¹ **Боа женте** (*португ.*) – хороший человек.

индеец.

– Значит, началось! Беги к Никсону и скажи, что я скоро приду!

Индеец немедленно вышел из комнаты. Смуга снял с гвоздя пояс с кобурой револьвера, и начал тщательно заряжать оружие.

Видя зловещие приготовления, Наташа побледнела. С самого приезда в Манаус, она никак не могла отделаться от предчувствия, что здесь ее ожидает несчастье. Несмотря на то, что город кипел жизнью, Наташа не могла привыкнуть к нему и все время ожидала несчастья. Манаус, расположенный на расстоянии 1690 километров от ближайшего, восточного берега океана, стоял на берегу огромного, величественного и одновременно грозного водного пути – реки Амазонки, в молочно-желтых, мутных водах которой человека поджидала смерть. Как и все города штатов Амазонас и Пара, Манаус был отрезан от остальной страны. Если не считать берегов Риу-Негру, Манаус со всех сторон был окружен первобытными, болотистыми лесами – очагом малярии и проказы – кишевшими ядовитыми змеями, надоедливыми насекомыми, странными животными. Кроме того, там можно было встретить воинов непокоренных до сих пор индейских племен, избегающих встреч с белыми людьми.

К причалам порта Манаус ежедневно приставали суда, баржи и лодки, на которых из глубины джунглей свозили в порт сок каучуковых деревьев, переработанный в шары или

плиты черного цвета. Здесь каучук меняли на чистое золото. Поэтому город рос и развивался изо дня в день, превращаясь в настоящий человеческий муравейник. Банкиры, торговцы, авантюристы и истощенные непосильным трудом рабочие, которым удалось унести из зеленого ада головы и заработанные тяжелым трудом деньги, пили вино и шампанское в третьеразрядных кабаках.

В девственных лесах Амазонки до сих пор царил закон сильнейшего. Чтобы добыть рабочих, каучуковые спекулянты часто организовали так называемые коррериас, то есть охоту за индейскими рабами. Кто раз попал в рабство, вынужден был оставаться в нем до самой смерти. Поэтому индейцы первоначально относившиеся к белым довольно доброжелательно, теперь уходили все дальше и дальше в дикие и недоступные места. Они возненавидели белых, ставших для них олицетворением насилия, зла и жестокости.

Всего лишь полтора года назад, во время экспедиции в Новую Гвинею²², Наташа мечтала поселиться где-нибудь в одном из очаровательных экзотических уголков земного шара. Именно тогда отец Томека Вильмовского сказал, что идиллические на первый взгляд уголки в действительности никак не соответствуют понятию земного рая. Но только очутившись в Манаусе, Наташа убедилась, насколько прав был Вильмовский. Этот благородный человек не преувели-

²² Приключения Томека в Новой Гвинее описаны в романе «Томек среди охотников за человеческими головами».

чивал, когда раскрывал перед Наташей ужасную правду о жизни в колониях. Теперь Наташа стремилась как можно скорее уехать из экзотической Бразилии. Сознание, что люди ее расы причиняли столько зла, угнетало Наташу, и наполняло ее сердце печалью.

После благополучного возвращения из экспедиции в Новую Гвинею молодые супруги – Томек Вильмовский и Салли – уехали в Англию, чтобы продолжать образование. Отец Томека и капитан Новицкий находились в Гамбурге, где по поручению Гагенбека разрабатывали проект устройства нового отделения в этнографическом музее.

Збышек Карский, двоюродный брат Томека, еще в Австралии женился на молодой русской девушке Наташе, с которой вместе бежал из сибирской ссылки. Збышек мечтал принять участие в какой-нибудь экспедиции и путешествовать по примеру Томека.

Как раз в это время Ян Смуга, неизменный спутник Томека, получил предложение поехать в Бразилию. Торговая компания «Никсон-Риу-Путумайо» решила поручить Смуге вооруженную охрану рабочих компании, занятых сбором каучука в бразильской сельве. Компания Никсона, не в пример другим, стремилась не применять принудительного, рабского труда и добросовестно платила своим рабочим. По этой причине ее возненавидели многочисленные конкуренты, в частности, Педро Альварес, люди которого тоже собирали каучук в окрестностях реки Путумайо и часто бежали от же-

стокого спекулянта в лагерь Никсона.

Смуга очень любил опасные приключения. Поэтому, воспользовавшись перерывом в охотничьих экспедициях, в которых он участвовал вместе со своими друзьями, принял предложение компании Никсона. Збышек обратился к Смуге с просьбой порекомендовать его на работу в каучуковой компании. Рекомендация Смуги была принята благосклонно и молодая супружеская чета очутилась вскоре в Манаусе, где проживала уже целый год.

Вскоре после приезда в Бразилию, Карские легко поняли почему рост потребления каучука принес столько несчастий туземным жителям Бразилии. Каучуковые деревья росли в амазонской сельве. Добывать ценный сок этих деревьев могли только индейцы, привычные к тяжелой работе, так как в бассейне Амазонки, кроме индейцев почти нет другого населения²³. Поэтому каучуковые спекулянты, стремившиеся к обогащению во что бы то ни стало, устраивали кровавые походы на туземцев, хватали их, сжигали жилища и принуждали пойманных рабов добывать каучук. Хотя в 1775 году индейцы Бразилии были по закону уравниены в правах с представителями остального населения, а рабство было оконча-

²³ В 1910 году Бразилия занимала площадь 8514 тыс. кв. км. Численность населения составляла 22 216 000 человек. В настоящее время население Бразилии увеличилось до 93,5 миллиона человек (1970 г.). Средняя плотность населения не превышает 12 человек на кв. км. Однако заселена Бразилия крайне неравномерно. В бассейне Амазонки, занимающем свыше 90 процентов площади страны, живет только 7 процентов всего населения.

тельно осуждено и уничтожено в 1888 году, но в глубине амазонских лесов закон вершили по-прежнему кнут и пуля. Во время каучуковой лихорадки погибли десятки тысяч индейских рабов. Белые спекулянты ревниво оберегали свои интересы, и вели между собой жестокую борьбу за лучшие участки каучуконосной сельвы.

Зная об этом, Наташа беспокоилась о муже, который по молодости лет увлекался мнимыми удовольствиями больших приключений. Правда, опытный путешественник, Смуга, следил, чтобы Збышек вел себя благоразумно, но несмотря на это Збышек в любую минуту мог очутиться в ловушке. Наташа инстинктивно почувствовала, что как раз теперь наступил опасный момент. Смуга молча проверял оружие. Гневный блеск его стальных глаз не предвещал ничего хорошего. Наташа верила в рассудительность своего опекуна и меткость его выстрела, но опасалась не слишком ли трудную задачу он берет теперь на себя?

А Смуга совсем не думал об опасности. Он давно уже привык отвечать ударом на удар. Заряжая оружие, он одновременно обдумывал план действий. Через каких-нибудь четверть часа раздумий, он решительно поднялся со стула и повязал вокруг бедер пояс с двумя револьверами. С вешалки взял фетровую шляпу с широкими полями.

– Можно мне пойти с вами? – робко спросила Наташа. Смуга взглянул на нее, словно только теперь вспомнил об ее существовании. Морщины на его лице разгладились и он

улыбнулся.

– В контору Никсона можем пойти вместе, – ответил он. – Тебя, видимо, интересуют эти тревожные вести? Спасибо тебе за чай.

Смуга подошел к столику.

– Может быть подлить немного рома? – предложила Наташа.

– Спасибо, у меня не такая крепкая голова, как у капитана Новицкого. У него не задрожит рука даже после целой бутылки!

У Наташи замерло сердце. Значит, случилось несчастье! Отхлебывая чай, Смуга исподлобья наблюдал за молодой женщиной.

– Ничего не бойся. Збышеку ничто угрожать не будет, – успокоительно сказал Смуга. – В Манаусе еще пока соблюдают видимость законности, а на берега Путумайо я его не возьму.

– Вы берете на себя всегда все самое трудное, – тихо ответила Наташа. – Я боюсь... Как жаль, что здесь нет наших друзей!

– Ты права, – согласился Смуга. – Особенно Томек и капитан – они неоценимые товарищи в такого рода приключениях. Однако идём, Никсон ждет.

Они вышли из дому. Город Манаус расположен на возвышенности: его узкие, крутые улочки спускаются к превосходной пристани на берегу Амазонки. Из-за жаркой полуденной

поры улицы почти опустели. Богатые белые жители предавались сиесте в своих коттеджах с красными, черепичными крышами, осененными султанами стройных пальм. Вокруг их удобных домов простирались ковры красочных цветов. Туземцы, наоборот, в огромном большинстве случаев ютились на плотках, в хижинах, покрытых тростником или соломой. Плоты стояли привязанные к столбам на берегу реки. Над городом возвышались колокольни нескольких церквей и фронтоны крупных зданий. Их построили в спешке, рассчитывая на быстрое развитие города²⁴.

В подавленном состоянии Наташа шла рядом со Смугой. На этот раз она не обращала внимания ни на великолепные здания, ни на безработных, лежавших в тени складов. На пустынных в эту пору дня улицах города изредка встречались мужчины в огромных соломенных шляпах и с оружием у поясов.

Сразу же за площадью стояло небольшое одноэтажное здание. Окна были плотно закрыты от солнца жалюзи. Над входной дверью виднелась вывеска: «Никсон-Риу-Путумайо». Смуга отворил двери и вошел внутрь дома, пропустив вперед Наташу. Вскоре они очутились в кабинете Никсона. Там они застали уже Збышека Карского и еще двух служащих фирмы.

²⁴ Во время сильнейшего накала каучуковой лихорадки в Манаусе насчитывалось свыше 100 тысяч жителей. После падения конъюнктуры число жителей уменьшилось наполовину.

Увидев Смугу, Никсон вынул изо рта сигару и сказал:

– С берегов Путумайо приехал Уилсон. Привез очень плохие вести. На лагерь совершено нападение, мой племянник убит. Часть наших индейцев уведена в плен, остальные бежали в сельву.

– Пожалуйста, примите выражение моего сочувствия, господин Никсон, – серьезно сказал Смуга. – Когда это случилось?

– Точно двадцать дней назад, – спешно ответил Уилсон. – Я отправился в путь сразу же после нападения.

– А где вы были во время нападения? – спросил Смуга.

– Господин Джон послал меня в лагерь на реке Япуре. Один из наших индейцев прибежал туда ко мне и сообщил о нападении. Бандиты напали на наших неожиданно, воспользовавшись грозой, которая разразилась ночью. Когда молодого Никсона убили, и индейцы разбежались, мой человек сразу направился ко мне с печальной вестью. Несмотря на то, что индейцы не любят находиться ночью в сельве, он шел всю ночь. Благодаря этому, я очутился на месте нападения сразу же на следующий день.

– Были ли расставлены часовые, как я приказал? – спросил Смуга.

– Увы, нет.

– Уилсон не хочет повторять неприятную мне правду, – вмешался Никсон, – Мой племянник вечером пил вино. Если бы я не вызвал вас в Манаус, возможно, ничего бы не слу-

чилось.

– Я вас предупреждал, что этот молодой человек плохо переносит пребывание в лесу, – сказал Смуга. – Я вас просил отозвать его оттуда.

Никсон молча опустил голову на грудь.

– Где похоронен убитый, Уилсон? – продолжал вопросы Смуга.

– В лагере... Ему отрезали голову... Это сделали индейцы, принимавшие участие в нападении под командованием двух белых.

– Итак, все-таки охотники за человеческими головами!.. Кто-нибудь узнал этих белых?

– К сожалению, нет! – ответил Уилсон.

– Я постараюсь найти убийц. Не трудно догадаться кто организовал это нападение. Завтра я отправлюсь на берега Путьмайю.

– Поеду с вами, – заявил Никсон. – Господин Карский будет меня замещать здесь.

– Может быть я поеду вместо вас? – предложил Збышек.

– Останешься в Манаусе, – категорически потребовал Смуга. – А теперь, господин Никсон, пойдем побеседуем с Педро Альваресом. Этот жадный метис наверное замешан в организацию нападения.

– Я пойду с вами! – сказал Збышек. – В случае скандала я могу пригодиться.

– Я тоже пойду! – заявил Уилсон.

– Прекрасно! – согласился Смуга. – Захватите оружие! Но стрелять только по моему приказанию. Наташа, ты останешься в конторе. Идем!

Было уже около семи часов вечера. Педро Альварес в это время обычно сидел в «Тешоурру»²⁵, то есть в одном из кабаков, где просиживал до поздней ночи. Туда и повел Смуга своих друзей. Вскоре они очутились у входа в одноэтажный домик; из-за тяжелых, желтых занавесок, висевших на окнах, доносились крикливые звуки музыки.

– Ты Збышек, и вы, Уилсон, станете у двери. Внимательно наблюдайте за всем, что делается в доме и вокруг, – приказал Смуга.

Он толкнул вращающуюся дверь и вошел в помещение таверны. Сразу же заметил Альвареса. Тот сидел за столом у оркестра, в обществе веселой компании. Оркестр играл мотив негритянского самбо.

Смуга медленно подходил к метису.

В этой таверне собирались сторонники Педро Альвареса, прекрасно осведомленные о его борьбе с компанией Никсона. Поэтому появление сразу четырех представителей конкурентной компании все заметили сразу. Присутствующие знали также меткость Смуги в стрельбе, и предупредительно уступали ему дорогу. Смуга остановился рядом со столиком, за которым сидел метис. Оркестр умолк. В зале воцарилась тишина.

²⁵ **Тешоурру** (*португ.*) – сокровище, в данном случае название таверны.

Смуга в молчании смерил противника суровым взглядом и сказал:

– Боа тарде²⁶, сеньор Альварес!

Смуглое лицо метиса покрылось смертельной бледностью. Он бросил взгляд индейцу, сидевшему за столом, который сразу же схватился за рукоятку ножа, висевшего у него за поясом. Смуга заметил это, но не сделал ни одного движения. Опустив руки вдоль бедер, он стоял, слегка наклонившись над Альваресом.

– Боа тарде, сеньор! – повторил он.

– Боа тарде, сеньор Смуга! – неуверенно ответил метис. – Что вам нужно от меня?

– Я не люблю, когда увидев меня, хватаются за рукоятку ножа. Прикажи своему слуге, чтобы сидел спокойно, иначе очень скоро потеряешь одного молодчика!

Альварес сказал несколько слов на местном наречии. Рука индейца легла на стол.

– Я не бью без предупреждения, – продолжал Смуга. – Поэтому и пришел сюда. На наш лагерь в Путумайо совершенно нападение, причем убили молодого Никсона. Я еду туда завтра, чтобы убедиться в правильности моих подозрений. Если найду доказательство, один из нас погибнет. Берегись, Альварес!

Смуга повернулся и медленно вышел на улицу в сопровождении Никсона. За ними последовали Збышек и Уилсон.

²⁶ **Боа тарде** (португ.) – добрый вечер.

II

ИЗМЕНА

Со времени приезда Смуги в разграбленный лагерь на берегу Путумайо прошло уже больше десяти дней. Все это время Смуга тщательно искал следы, которые помогли бы ему раскрыть тайну, куда ведут нити преступления. Задача была не из легких. За время истекшее со дня нападения на лагерь, а прошло ведь несколько недель, почти все следы, оставленные преступниками затерлись. Из четырех капангос, в живых остался только метис Матео, но от него ничего путного добиться было нельзя. Он утверждал, что услышав выстрелы и шум битвы, проснулся, и убедившись в гибели трех товарищей, убежал в лес. Бежали и несколько индейцев сюбео. Они, правда, вернулись в лагерь, но добиться от них вразумительного рассказа о нападении Смуге тоже не удалось.

Стояло раннее утро. Смуга уселся на ствол сваленного дерева, на краю лагерной площадки. Задумчивым взглядом он следил за индейцами, хлопотавшими на постройке нового барака. Плечистый и рослый Матео выходил из себя, подгоняя индейцев, и за малейшую оплошность грозил им длинной и тяжелой нагайкой, которую держал в руках. Он позволял индейцам передохнуть только в самые жаркие часы дня. Поэтому теперь, рядом с бараком, в котором помеща-

лась контора, стояли уже почти готовые стены склада под каучук. Оставалось только закончить помещения для серингеров и их семей.

Хозяин компании Никсон, в обществе Уилсона, с самого утра работал в конторе. Они обсуждали способ расчетов за собранный каучук и возможности его доставки в Манасус. После трагической смерти племянника, Никсон назначил Уилсона начальником лагеря. Возобновить эксплуатацию каучуконосов можно было в любое время, потому что кроме индейцев, вернувшихся в лагерь из сельвы, где они спасались после нападения, Никсон распорядился направить на Путумайо рабочих из лагеря на реке Япуре.

Попыхивая трубкой, Смуга наблюдал за работающими индейцами и раздумывал над ничтожностью результатов проведенного расследования. Только одно не подлежало сомнению – нападение совершили индейцы из племени ягуа. Но кто были их белые спутники и предводители? Верна ли догадка, что это люди Альвареса? Откуда знали бандиты, что в лагере нет Уилсона, который очень редко оставлял неопытного Никсона одного? Смуга напряженно искал ответы на эти мучительные вопросы. Разочарованный безрезультатностью раздумий, Смуга потянулся в карман за кисетом. Вдруг он почувствовал на себе чей-то взгляд. Смуга быстро обернулся назад. В тени огромного палисандрового дерева стоял индейский мальчик с темно-коричневым лицом и черными, густыми волосами, подстриженными кружком. Увидев

на лице Смуги поощрительную улыбку, мальчуган подбежал к нему.

– В чем дело, Маленький Следопыт? – спросил Смуга.

– Сеньор, на берегу реки много капибара!²⁷

– Я вижу, ты очень хочешь поохотиться на них! – сказал Смуга.

– Да, сеньор! Скорее возьми ружье, я покажу место, где много капибара!

Смуга задумался. Капибара не очень заманчивая дичь. Мясо старых водосвинок потребляют только индейцы и негры. Съедобна на европейский вкус, пожалуй, одна лишь корейка молодых водосвинок. Смуга украдкой наблюдал за мальчиком, стоявшим рядом в ожидании его согласия. Бандиты, напавшие на лагерь увели с собой родителей мальчугана. Сам он спрятался в разрушенном шалаше и избежал их судьбы. Деваться ему было некуда, и Никсон оставил мальчугана в лагере. Когда приехал Смуга, мальчик ни на шаг не от-

²⁷ **Капибара** или **водосвинка** (*Hydrochoerus capybara*) грызун из семейства свинковых, к которому принадлежат также повсеместно известные морские свинки (*Cavia porcellus*) и мара (*Dolichotis patagonica*) – один из интереснейших грызунов, обитающий в пустынях и степях, похожий по виду на зайца, только со значительно более длинными ногами и более короткими закругленными на концах ушами. Капибара (от индейского «капи-уара», то есть «обитатель трав» отличается короткими ушами, рассеченной верхней губой и перепонками между пальцами всех четырех ног. Обитает в Южной Америке от Ориноко до Ла-Платы и от берегов Атлантического океана до подножия Анд. Излюбленное местообитание – густые леса по берегам водоемов. Ночью жирует на открытых местах; приносит вред плантациям кукурузы, бахчевых и сахарного тростника. Размножается во все времена года.

ходил от него. Дитя природы, индейский мальчуган инстинктивно чувствовал, что Смуга принадлежит к числу честных людей, готовых всегда постоять за правду и стать на защиту обиженных. Смуга, будучи человеком опытным, видел, что мальчик нуждается в дружбе и защите и потому льнет к старшему белому. Мальчуган очень любил охоту и постоянно бродил по лесу в поисках следов животных. Разве можно было ему отказать в такой мелочи, как охота на капибар?

– Прекрасно, давай пойдем на охоту! – согласился Смуга. – Жди меня у барака.

– Сейчас туда иду – ответил мальчуган.

Смуга встал с места, на котором сидел и пошел за штуцером: он прекрасно знал повадки крупнейших грызунов мира и их привычку жировать по ночам.

Не прошло и часа, как наши охотники уже шли по густой чаще леса. В тропической пуще была как раз самая оживленная пора. Звери и птицы, ведущие ночной образ жизни спешили на отдых в свои гнезда, норы и логова, дневные – отправлялись на утреннюю жировку. Поэтому в лесу слышались бесчисленные голоса, шум и шорох. Вверху, в кронах диких фруктовых деревьев, оживленно суетились сказочно красочные, огромные красные, синие ары и несколько меньшие красношлемные ары²⁸. Ары, или вернее арары, с лег-

²⁸ **Арары**, или **ары** – красивейшие и крупнейшие попугаи из рода клинохвостых. Достигают размеров галки или вороны. Клюв крупный, загнутый, с длинным, заостренным концом. Основание клюва, пространство вокруг глаз и передняя часть «лица» обнажены, хвост – длинный. Живут супружескими стаями. Не

костью расправлялись с самыми крепкими орехами и твердыми, как камень плодами различных пальм. Они крошили твердую скорлупу своими мощными, загнутыми вниз клювами. Еще больше шума делали зеленые амазонские попугаи²⁹, отличающиеся светло-голубым цветом головы и насыщенной окраской клюва, желтым цветом горлышка и красными перышками в изгибе крыльев. Они с шумом сновали взад и вперед, и с громким криком обседали кроны деревьев, увешанные плодами.

Наши охотники прекрасно знали все тайны тропического леса, поэтому не обращали внимания на царившую во круг суету. Они внимательно выбирали место куда ставить ногу, по шли быстро. В сияющей от утренней росы сельве, крылись многочисленные ловушки, незаметные на первый взгляд: гнилые стволы поваленных деревьев, как правило, были обиталищами тысяч опасных насекомых; достаточно было иногда коснуться плечом или рукой ветки растущего дерева, как оттуда могли посыпаться клещи-кровососы, часто не больше булавочной головки; свободно свисающая лиана, на деле могла оказаться ядовитой змеей, притаившейся

так скоро обучаются говорить, как другие попугаи. Синие арары включают три вида (*Ara hyacinthinus*, *Ara glaucus* и *Ara lear*). Род арар насчитывает 14 видов. К числу наиболее известных принадлежит красносиний ара (*Ara macao*).

²⁹ **Зеленые амазонские попугаи** (*Amazona aestiva*) относятся к виду тупохвостых попугаев. Отличаются коротким и широким хвостом. Родина амазонского попугая Центральная и Южная Бразилия и Аргентина. Весьма понятливые птицы. Некоторые из них могут исполнять несложные мелодии. Часто встречаются в зоологических садах.

в засаде на легкомысленную жертву.

Маленький следопыт шел несколько впереди Смуги. Он очень гордился своей ролью проводника столь знаменитого охотника. Поэтому старался держать себя серьезно как взрослый житель тропических джунглей. Он шел пружинистым шагом, ловко обходил встречные препятствия, внимательно смотрел вокруг, чутко прислушивался к голосам леса. Смуга одобрительно наблюдал за своим маленьким проводником, хотя и сам отличался превосходным зрением и слухом и умел хорошо ориентироваться на неизвестной местности. Но Смуга знал, что ему никогда не удастся достичь в этом деле совершенства первобытных обитателей джунглей, которые с раннего детства, общаясь непрерывно с дикой природой, обладают обостренными чувствами и отличаются многими другими качествами, недоступными цивилизованному человеку. Физическая выносливость и обостренное чутье могли стать уделом только людей, само существование которых зависит от развития всех пяти чувств.

Индийский мальчуган стал идти осторожнее, почти бесшумно. Уже слышался плеск воды близкой реки. Действительно, вскоре охотники вышли на ее берег, кишевший жизнью еще больше, чем джунгли. Смуга притаился за росшим поблизости кустом. Однако не успел он устроиться в засаде, как в кронах деревьев послышался громкий клекот, похожий на пулеметное стрекотание аиста. Это оранжевые перцеяды³⁰

³⁰ **Оранжевые перцеяды** или **туканы** (*Rhamphastos ariel*), как и все перцея-

заметили охотников и с резким шумом крыльев поднялись в воздух. У самого берега реки, совсем близко от места, где сидел в засаде Смуга, стояли в воде злобные и сварливые цапли³¹, которые принимали самые различные позы, высматривая рыбу. Они бродили крадущимися шагами, словно на ходулях. Откидывали назад, почти на спину, изогнутые шеи, чтобы в момент, когда покажется жертва, с силой выбросить на встречу длинный острый клюв, который впивается в добычу, как копьё.

Индеец махнул рукой, давая Смуге знать, что они пришли на место. Охотники присели за стволом дерева. Маленький Следопыт молча протянул руку, показывая Смуге животных. Несколько водосвинок, покрытых щетиной рыжевато-коричневого цвета находились на берегу реки. Одни из них щипали траву и объедали кору молодых деревьев, другие сидели на задних лапах, как это делают собаки и всматривались в воду реки. Они издавали звуки, похожие на свиное хрюканье. У взрослых особей длина туловища доходила до метра, а высота в холке – около пятидесяти сантиметров. Водосвинки бегают не очень быстро, но Смуга знал, что потревоженные, они способны бежать огромными прыжками. Поэтому Смуга решил не терять напрасно времени. Стал высматривать

ды отличаются оригинальным большим, зазубренным, на подобие пилы клювом. В тропической Америке насчитывается до 60 видов перцеядов.

³¹ Семейство **цапель** (*Ardeidae*) относится ко второму подвиду голенастых. Широко распространены на всем земном шаре, за исключением полярных областей.

водосвинку помоложе. Прицелился и нажал курок. Меткий выстрел уложил на месте животное. Остальные немедленно плюхнулись в реку и, глубоко нырнув, исчезли из виду.

Не успели, однако, охотники подойти к убитой водосвинке, как прилетели огромные урубубы³², то есть американские черные грифы с совершенно голыми головами и частично голыми шеями. Мрачные, неуклюжие птицы, хлопая большими крыльями расселись на ветвях деревьев, а некоторые приземлились рядом с мертвой водосвинкой. Присутствие Смуги и маленького индейца заставило птиц терпеливо ждать своей очереди начать пир.

Смуга решил взять водосвинку в лагерь целиком. Он знал, что шкура водосвинок годится на выделку седел и сбруи; кроме того, ему приходилось слышать, что топленый жир водосвинок отличается целебными свойствами. Индейский мальчик взял у Смуги нож, вырезал толстую жердь и привязал к ней лианами мертвое животное. Так им легче будет нести добычу, вес которой был не меньше пятидесяти килограммов.

Смуга задумчиво наблюдал за действиями мальчика. Он

³² В Южной Америке есть пять родов (6 видов грифов. Из них распространены не только в горах, но и на равнинах гриф индюшачий (*Cathartes aura*) и американский черный гриф (*Cathartes urubu* v. *Ceragyps atratus*). Оба вида характерны неярым оперением и отличаются друг от друга окраской голых частей головы и шеи. Индюшачий гриф распространен по всей Америке от Канады до Магелланова пролива, в основном на побережья, тогда как черный – обитает в Южной Америке, Мексике и в южных Штатах США. По образу жизни и повадкам грифы похожи на других стервятников.

намередвался отдать его под опеку Уилсона, а потом дать ему работу в конторе компании в Манаусе. Смуга знал, что большинство индейцев любит держать в своих домах разных животных и птиц, поэтому, желая как-нибудь утешить одинокого мальчика, сказал:

– Послушай, Маленький Следопыт, хочешь ли ты иметь собственную собачку? У меня в Манаусе есть умнейший щенок. Я могу тебе его подарить!

В глазах мальчика на мгновение появился блеск радости, но он сразу же постарался замаскировать это чувство выражением равнодушия на лице. Мальчик умел скрывать свои чувства не хуже взрослых индейцев.

– Да, сеньор, хочу, – сдержанно ответил он.

– Прекрасно – щенок твой. Я пришлю его с первым же обозом с продуктами. Я его назвал Неро, но ты можешь называть его как хочешь. Щенок молодой – он быстро привыкнет.

– А он любит индейцев? – с любопытством спросил Маленький Следопыт.

– А почему бы ему не любить такого хорошего паренька, как ты? – вопросом на вопрос ответил Смуга.

Маленький Следопыт замолчал и только после длительной паузы шепнул:

– Собака сеньора Матео ненавидела индейцев. Я не смел даже подойти к ней.

– Вероятно ее так глупо выдрессировали, – ответил Смуга

и прекратил беседу. Некоторое время он размышлял о чем-то, потом отозвался снова: А что случилось с собакой Матео? В лагере я видел только индейских собак.

– Он взял ее с собой на охоту, а когда вернулся, сказал, что собака бежала от него.

– Матео, пожалуй, был очень сердит на собаку за ее бегство, – сказал Смуга и рассмеялся, как будто считал смешной историю с беглой собакой. Смуга знал, что чужие неудачи, как правило, смешат индейцев.

– Да, но он только притворялся злым, – ответил мальчик. – Ведь он сам отвязал пса и погнал в лес.

– Тебе, вероятно, все это снилось, – пошутил Смуга. – Ты ведь не мог видеть, как Матео изгоняет пса. Ведь Матео не приглашал тебя на охоту!

– Нет, нет сеньор! Он не приглашал меня. Он тоже ненавидит индейцев. Но я как раз шел по следам дикобраза, когда сеньор Матео появился в лесу со своей собакой. Я спрятался в чаще и все видел. Он что-то привязал к ошейнику собаки, спустил ее с поводка и прогнал в лес.

– А ты помнишь когда это было? – спросил Смуга, заинтересованный рассказом мальчугана.

– Помню, это было за одну луну до нападения на лагерь. Тревожное чувство охватило Смугу. Вдруг он вздрогнул, внезапно догадавшись в чем дело. Но притворился, что следит за полетом урубу, паривших в воздухе над падалью. После длинного молчания, равнодушно спросил:

– Как видно, Матео всегда ходил на охоту со своей собакой?

– Он не мог всегда ходить с ней. Собака у него появилась всего лишь на несколько лун перед нападением на лагерь! – возмутился мальчик, потому что считал, что белые всегда обо всем должны знать и не задавать лишних вопросов.

– Да, конечно, ты прав, – согласился Смуга и улыбнулся. – А кто ему подарил эту собаку?

– Не знаю. Он привез собаку с Амазонки, где разгружал судно с продуктами.

– А что за предмет привязал Матео собаке? – спросил Смуга.

– Я не видел. Мне нельзя было подойти близко. Я боялся, что пес почует меня.

– Собака в лагерь больше не возвращалась?

– Нет, не возвращалась. Она, наверное, боится сеньора Матео. Это плохой человек!

– Может быть и правда, плохой, – согласился Смуга. – Ты ему не говорил, что видел его тогда с собакой? Он может тебя обидеть.

– Не скажу, сеньор. Я боюсь его.

Смуга прекратил беседу. Набил табаком трубку, закурил и стал размышлять. Он старался связать ничтожные следы, обнаруженные в лагере с только что полученными сведениями. В лагерь он вернулся с мальчиком только к вечеру. Этой ночью он долго не мог заснуть.

На следующий день утром, Смуга, как всегда, проснулся на рассвете. Быстро позавтракал, надел пояс с двумя револьверами и вышел из барака. На пороге встретил Никсона, который обратился к нему со словами:

– Алло! Смуга, я как раз хотел с вами поговорить. Пора возвращаться в Манаус. Матео парень что надо, подогнал работу. Уилсон может уже приступить к сбору каучука. Мне здесь делать больше нечего.

– Когда вы намерены ехать? – спросил Смуга.

– Завтра на рассвете. Вы возвращаетесь со мной, не правда ли? Здесь, пожалуй, вы ничего больше не узнаете. Слишком много времени прошло со дня нападения. Против Альвареса у нас нет никаких доказательств. Так как, поедем вместе?

– Я сообщу вам свое решение после обеда, – ответил Смуга. – Теперь я хочу показать Матео удобное место на берегу реки, где можно соорудить пристань.

– А чем плоха прежняя пристань?

– Ничем, но я воспользуюсь случаем, чтобы поговорить с Матео.

– Неужели вы надеетесь выудить у него что-нибудь новое?

– Нет, я просто хочу поговорить с ним наедине.

– Ваше дело, пожалуйста. Мешать вам не буду. Но думаю, что это напрасная потеря времени.

– Возможно. Но я все же поговорю с ним. Мы скоро вернемся.

Смуга подошел к группе индейцев, работавших на постройке барака. Охрипшим от непрерывных криков голосом, Матео подгонял рабочих. Смуга знал пресловутую лень метисов, поэтому он подумал, что Матео старается ускорить работу, чтобы избавиться от надоевшего ему присутствия начальства. Смуга внимательно посмотрел на метиса. У его пояса висел револьвер, а из-за края штанов торчала рукоятка ножа.

– Матео! – позвал Смуга.

– Да, сеньор! – ответил метис, приближаясь к нему.

– Закончите ли вы сегодня этот барак?

– Барак почти готов, сеньор.

– Хорошо, значит у тебя есть немного времени. Пойдем на берег реки. Я покажу тебе, где надо построить новую пристань.

– Идти надо сейчас?

– Да, лучше всего сейчас. Мы с Никсоном намерены завтра уехать в Манаус, – ответил Смуга, наблюдая за выражением лица Матео. Метис так поспешно нагнулся, и с таким усердием стал очищать пыль со штанов, что было ясно – он старается скрыть улыбку радости, неволью появившуюся на устах.

Они пошли напрямик лесом к реке. Смуга молчал и быстро шел вперед. Через полчаса такого марша, Матео удивленно сказал:

– Вы заблудились, сеньор! Мы идем не по кратчайшему

пути к реке. Пристань, расположенная так далеко от лагеря нам ни к чему.

– Не бойся, я не заблудился, – ответил Смуга, ускорив шаг.

Примерно через четверть часа они очутились на берегу. Матео расхохотался и заявил:

– И все же вы сбились с пути и пришли не туда, куда надо! Это совсем не Риу-Путумайо, а один из ее притоков!

– Я знаю! – кратко ответил Смуга.

Он повернулся к метису лицом. Смерил его холодным взглядом. Смуга совсем не был так спокоен, как казалось. Он многое дал бы за то, чтобы избежать предстоящей беседы.

– Зачем вы меня привели сюда? – злобно спросил метис, оглядываясь вокруг.

Прежде чем ответить, Смуга выдержал довольно долгую паузу.

– Я хочу поговорить с тобой.

– О чем?

– О нападении на лагерь.

– Я уже все сказал.

– А может быть кое-что добавишь?

– Повторяю, я сказал все, и больше ничего не знаю. Идем обратно в лагерь!

– Спешить нам некуда. Ты должен ответить мне на несколько вопросов!

В глазах метиса появились искорки гнева. Смуга сделал

шаг к нему.

– Из четырех капангос убийцы пощадили только тебя? – сказал Смуга.

– Скажи, почему они оставили тебя в живых?

– Я уже вам говорил, что мне удалось спрятаться в бараке, и потом бежать в лес, – ответил Матео. – Больше я ничего не знаю!

– Послушай, Матео, только подлец прячется и убегает, когда гибнут его товарищи.

– Бандитов было много, они захватили нас врасплох, во время сна. Сам я ничего не мог бы сделать.

Смуга подошел к Матео еще ближе. Сказал тихо, но твердо:

– Ты хочешь, чтобы я поверил в твою подлую трусость? Не выйдет, Матео. Я знаю всю правду! Ты подлый изменник! Ты думал, что я никогда не узнаю, что накануне нападения ты выслал собаку к своим компаньонам. Ты их уведомил об отъезде Уилсона. Ты также выслал из барака троих подчиненных тебе капангос, зная что они погибнут, не успев даже разрядить ружей.

Матео посерел от бешенства. Внезапным движением он схватил рукоятку револьвера. Они стояли на берегу реки, на небольшой песчаной отмели. Одним ударом ноги Смуга засыпал лицо метиса песком. Правда, Матео нажал на курок револьвера, но, ослепленный песком, промахнулся. Мощный удар кулаком в подбородок свалил его на землю. Падая,

метис выронил револьвер из рук.

– Встань, Матео, – приказал Смуга. – Ты уже признался во всем.

Метис медленно поднялся с земли, и стал вытирать руками глаза. Когда, наконец, ему это удалось, он увидел дуло револьвера направленное в грудь.

– Брось нож на землю! – приказал Смуга.

Метис не мог теперь послушаться. Стального цвета глаза Смуги с холодной решительностью смотрели на него. Метис знал, что его жизнь висит на волоске.

– Повернись лицом к реке, и заложи руки за спину! – приказал Смуга.

Он достал из кармана заранее приготовленный ремешок и связал противника. Смуга некоторое время молчал, потом круто повернул Матео лицом к себе.

– Ты проиграл, Матео! – сказал Смуга. – Расскажи теперь, все, что знаешь.

Лицо пленника продолжала покрывать сероватая бледность, но единственным ответом на слова Смуги был взгляд, исполненный жгучей ненависти.

– Молчишь? Тем хуже для тебя! – воскликнул Смуга. – Еще немного и ты будешь просить, чтобы я выслушал твои показания.

Смуга подтолкнул Матео к самому обрезу воды, повязал его ремнем вокруг туловища под мышками. Свободный конец лассо перебросил через сук. Потянул лассо на себя.

Вскоре Матео повис в воздухе над самой водой. Смуга привязал свой конец лассо к стволу дерева. Сел на берегу и закурил трубку. Выкурив ее, он выбил пепел и встал.

– Ну, Матео, говори! Мое терпение кончилось, – обратился он к метису.

В ответ Матео только плюнул. Смуга достал револьвер. Раздался выстрел. К его ногам упал один из грифов, сидевший на дереве в ожидании добычи. Смуга поднял труп птицы и бросил его в воду, прямо под ноги висевшего метиса. Через несколько минут на птицу набросилась стая кровожадных пирайя³³, привлеченных запахом крови. Мертвый гриф, казалось, ожил, так сильно его рвали прожорливые маленькие рыбы, вооруженные острыми, как бритва зубами. Вскоре по течению реки плыли только перья несчастной птицы.

Не говоря больше ни слова, Смуга отвязал конец лассо и стал спускать метиса так, что тот ногами почти коснулся поверхности воды.

Матео закричал от ужаса; насколько мог поджал ноги. Однако в таком положении, с согнутыми в коленях ногами, он не мог оставаться долго, а стая кровожадных рыб уже собралась под ним.

На лице Матео, искривленном гримасой ужаса, выступили капли пота. Он чувствовал, что силы его оставляют.

³³ **Пирайя** или **кариба** – хищная и кровожадная рыба, по размеру не больше плотвы. Обладает сильными челюстями, вооруженными острыми зубами. Наводит ужас на обитателей бассейна Амазонки. Маленькая эта рыбка за несколько минут способна обглодать жертву до костей.

– Подтяни меня вверх! – крикнул он.

Смуга немного подождал, не выпуская конца лассо из рук, потом спросил:

– Кто из белых командовал индейцами ягуа?

– Это люди Панчо Варгаса! Подтяни лассо, скорее, я уже больше не могу.

Смуга изумился. Правда, ему приходилось слышать о борьбе Варгаса за каучуковые участки леса и о его торговле невольниками, но ведь Варгас находился очень далеко отсюда, где-то в районе реки Тамбо.

– Лжешь, Матео! – сказал он.

– Я готов присягнуть на что угодно! – лихорадочно кричал метис. – Это люди Варгаса: Хозе и Кабрал. Их подговорил Альварес! Заплатил им! Подтяни меня, скорее!

Спустя некоторое время пленник в полубессознательном состоянии сидел на земле.

– Кто убил молодого Никсона? – сурово спросил Смуга.

– Кабрал.

– Почему ты изменил нам?

– Несколько месяцев назад я был в Манаусе. Проигрался в карты. Альварес дал мне денег, чтобы расплатиться с долгами. Сказал, что если окажу ему услугу, он не потребует уплаты долга. Когда я последний раз разгружал на Амазонке судно с продовольствием, ко мне прибыли двое: Хозе и Кабрал. От имени Альвареса они потребовали, чтобы я уговорил Никсона отослать Уилсона, и сообщил им когда тот

уедет. С этой целью они оставили у меня свою собаку.

– Ты поступил подло, Матео. Велика твоя вина, – сказал Смуга.

– Это все, больше я ничего не знаю. Освободи меня, – несколько увереннее попросил Матео.

Смуга сурово взглянул на него и ответил:

– Я мог узнать от тебя правду и отправить рыбам на завтрак. В это время на дне реки лежали бы только твои обглоданные кости. Знаешь ли ты почему я оставил тебя в живых, подлый изменник?

– Пощадите, сеньор!

– Я это сделал потому, что смерть в воде слишком легкое наказание для тебя, – продолжал Смуга. – Быстрая смерть не оставляет времени на покаяние.

– Что вы еще хотите от меня? – с дрожью в голосе спросил Матео.

– Сначала ты проведешь меня к тому ягуа, который отрезал голову молодому Никсону. Потом мы поищем Кабрала и его сообщника, а потом... навестим Педро Альвареса.

Метис угрюмо молчал. Через некоторое время тихо сказал:

– Я сделаю так, как вы хотите. Но ничего не говорите в лагере, а То сюбео меня убьют!

– Если попытаешься бежать, я тебя из-под земли достану, Хотя бы на это пришлось потратить остаток жизни, а тогда... Помни!

Смуга обрезал ремни на руках пленника, разрядил барабан его револьвера и бросил к ногам метиса, вместе с ножом.

– Бери и иди впереди меня! – приказал он.

III

ИНДЕЙЦЫ ПЛЕМЕНИ ТИКУНА

Вернувшись в лагерь, Смуга сообщил о своем открытии Никсону и Уилсону. Они были поражены изменой Матео.

– Ах, подлый негодяй! – воскликнул Никсон. – А я ему так доверял. Даже и сегодня!.. Какой же я глупец! Если бы не вы, Смуга, несчастье могло бы повториться!

– Ах, подлец! Без зазрения совести выдал несчастного Джона убийцам, – вторил Уилсон. – Он заслуживает самого строгого наказания. Не пойму, почему вы сразу не всадили ему пулю в лоб!

Смуга, к которому были обращены эти слова, насупил брови и ответил:

– Я не палач, мистер Уилсон!

– Ну, раз вы не колеблясь применили индейскую пытку для того, чтобы добиться показаний, то могли бы и покарать изменника, – вспыхнул Уилсон.

– Не забудьте, что я сначала победил Матео в открытой борьбе, ведь он был вооружен так же, как и я! – ответил Смуга. – Правда, я его немножко попугал рыбами, но я не уверен чтобы сделал, если бы Матео молчал!

– Не обижайте мистера Смугу сравнением с дикарями индейцами, – сурово вмешался Никсон. – Самая изощренная

месть не вернет жизнь бедному Джону.

– Извините, пожалуйста, я не хотел вас обидеть, – в смущении сказал Уилсон, но Смуга перебил его:

– Забудем об этом, я совсем не обиделся. Я не считаю, что индейцы, чем либо хуже нас. Это белые привели к тому, что жизнь индейцев превратилась в сущий ад. Но, если вы в состоянии осуществить самосуд над безоружным пленником, то вот, пожалуйста, возьмите мой револьвер и застрелите его. Матео несомненно заслужил это наказание. Я его связал по рукам и ногам. Он сидит взаперти в вашей комнате.

Смуга бросил на стол револьвер, а пристыженный Уилсон немедленно ответил:

– Я заслуживаю порицания за горячность. Еще раз прошу – извините. Однако, что же нам делать с Матео? Ведь нельзя же допустить, чтобы он вышел сухим из воды!

– Мы можем отдать его под суд в Манаусе, там его, конечно, осудят, – посоветовал Никсон.

– Пока что не следует этого делать. В Манаусе Альварес пользуется большим влиянием, – сказал Смуга. – Прошу не забывать, что Матео не только соучастник преступления, но и единственный свидетель, показания которого, вместе с другими доказательствами, дадут возможность обвинить истинных инициаторов нападения на лагерь и преступников, убивших Джона Никсона. Надо, найти еще и других свидетелей этих событий.

– В таком случае, что вы намерены предпринять? – спро-

сил Никсон.

– Я сначала хочу посетить индейцев ягуа, принимавших участие в нападении, и отрезавших голову молодому Никсону. Может быть мне удастся купить у них этот мрачный трофей. Пусть голова несчастного Джона будет предана земле вместе с телом.

– Это очень благородно с вашей стороны, – взволнованно сказал Никсон. – Но захотят ли воины ягуа вести с нами переговоры на эту тему?

– Они знают Матео, и переговоры мы поручим ему, – пояснил Смуга. – Потом я намерен найти прямого убийцу, Кабрала, и его сообщника. Я добыю от них правдивых показаний. Тогда мы сможем рассчитаться и с Альваресом. Пора уже обуздать этого преступника и интригана.

– А как быть с Матео? – спросил Уилсон.

– Я возьму его с собой. Правда, для него это будет не слишком веселое путешествие, – ответил Смуга.

– В лесу вы не уследите за ним. Он уйдет при первой возможности, – обеспокоенно сказал Уилсон.

– Я не позволю вам одному лезть на рожон, – возразил Никсон. – Мы пойдем вместе! Збигнев сам справится с делами в Манаусе. Я сейчас напишу ему. Уилсон останется работать в лагерях сборщиков каучука. Ведь нам не придется скитаться слишком долго.

– Нет, нет, мистер Никсон. Это было бы неразумно с вашей стороны, – возразил Уилсон. – Как близкий родствен-

ник Джона вы не сможете сохранить должное спокойствие во время переговоров с ягуа. Кроме того, ваше длительное отсутствие может пагубно отразиться на делах предприятия. Я буду сопровождать Смугу, а вы останетесь в лагере. Отсюда легче связаться со Збышекком в Манаусе. Я лучше знаю сельву, чем вы, и тем самым буду Смуге полезнее.

– Уилсон прав, так будет лучше, – заметил Смуга. – Кабрал и Хозе работают у Варгаса, а этому, как известно, палец в рот не клади!

– В этих делах решаете вы, – сказал Никсон. – Мне приходилось уже слышать о Варгасе. Отсюда до Тамбо довольно далеко. Кроме того, там на каждом шагу грозят опасности. Силой вы не многого добьетесь.

– Говорят у Варгаса под командой сотни людей, – добавил Уилсон.

– Черт возьми, неужели стоит подвергаться стольким опасностям только лишь для того, чтобы разоблачить Альвареса? – спросил Никсон.

– Я не только по делу Альвареса хочу посетить Варгаса, – ответил Смуга. – Его люди увели наших индейцев. Если бы нам удалось освободить хотя бы часть из них, наш авторитет среди индейцев значительно возрос бы. Игра стоит свеч. Кроме того, я считаю, что забота о судьбе рабочих входит в круг наших прямых обязанностей. Работая для нас, они попали в рабство, означающее для многих из них жестокую смерть.

– Теперь я понимаю, почему люди так вас уважают! Вы порядочный человек, – заявил Уилсон. – Я пойду с вами и... можете положиться на меня.

– Не буду возражать. Ваши аргументы, Смуга, меня убедили, – признал Никсон. – Вам понадобятся деньги. С собой их у меня нет. Потребуется время...

– Мы не можем ждать пока придут деньги. Если мы хотим спасти наших индейцев, то необходимо как можно скорее встретиться с Варгасом, – сказал Смуга. – По сообщению Матео племя ягуа, принимавшее участие в нападении живет где-то на берегах Солимес³⁴, то есть по дороге в Икитос³⁵, откуда мы намерены по Укаяли добраться до реки Тамбо. В Икитос в банке мы без осложнений получим нужные деньги.

– Хорошо, я дам вам чек, – решил Никсон. – Но вы должны взять с собой нескольких достойных доверия людей.

– Я уже думал об этом, но не уверен отважится ли кто-нибудь из наших индейцев отправиться так далеко в чужие края, – ответил Смуга. – Как вы думаете, Уилсон?

– За хорошую плату могут найтись смельчаки, но польза от них будет невелика. Они не умеют обходиться с огне-

³⁴ **Солимес** – местное название верхнего течения Амазонки от границы с Перу, до слияния с рекой Риу-Негру.

³⁵ **Икитос** – город и речной порт основанный в 1863 году на берегу верхнего течения Амазонки в северо-восточной части Перу. Столица департамента Лорето и торговый центр северо-восточной части Перу, откуда перуанские товары по Амазонке отправляются вниз на восточное побережье океана в пределах Бразилии.

стрельным оружием.

– Это не так уж важно, научатся быстро. У индейцев врожденные способности к этому, – ответил Смуга. – Скажите им, что нам нужны четыре добровольца и объясните зачем.

– Хорошо, я сейчас займусь этим. Когда вы думаете отправиться в путь?

– Через два дня. Успеете подготовиться?

– Успею!

– Значит, все. Беритесь за дело!

Найти добровольцев среди индейцев Уилсону удалось без всякого труда. Услышав, что Смуга намерен выкупить из рабства взятых в плен их соотечественников, первый согласился помочь Габону, весьма влиятельный среди индейцев человек. За ним потянулись другие. Габоку, охотник за ягуарами, пользовался огромным авторитетом у индейцев своего племени. Ведь ягуары, по их верованиям индейцев, были воплощением опасных колдунов, или служили колдунам как собаки. В качестве символа своей важности и храбрости, Габоку носил на шее ожерелье из зубов леопарда и набедренную повязку из шкуры армадилла или броненосца.

Кроме храброго Габоку сопровождать Смугу вызвались еще десять сьюбео. Трех из них Уилсон назначили гребцами, потому что в места, где обитают воинственные ягуа можно пробраться только на лодках. Впрочем, из Икитос вверх по Укаяли суда плавали чрезвычайно редко, поэтому и на реку Тамбо, где оперировал Варгас, Смуга тоже рассчитывал от-

правиться на лодках. Смуга вооружил индейцев винтовками; после нескольких упражнений все они в совершенстве овладели искусством меткой стрельбы из этого оружия.

Приготовления в путь удалось закончить за два дня. На рассвете третьего дня Никсон с толпой индейцев сюбео проводил Смугу и его отряд на берег Путумайо. Там находилась примитивная пристань. У пристани, на привязи стояла узкая лодка, выдолбленная из цельного ствола фернамбукового дерева (бразильское красное дерево). Остроконечные нос и корма у лодки несколько приподняты вверх. Это придает лодке устойчивость. Кроме того, лодка была настолько легка, что там, где пороги и водопады на реке преграждали путь, ее можно было перенести на руках. Габоку уселся на корме лодки, взяв на себя функцию рулевого, три индейца и Матео сели на весла. Смуга и Уилсон заняли места между рулевым и гребцами. Багаж экспедиции погрузили в носовую часть лодки. После краткого прощания, Смуга дал сигнал к отъезду. Лодка отчалила и направилась вверх по Риу-Путумайо.

Хорошее настроение не покидало индейцев сюбео³⁶. За участие в поездке на реку Тамбо им обещано приличное вознаграждение, а присутствие неустрашимого Смуги вселяло

³⁶ **Сюбео** или **субео** – «Люди, которых нет». Племя состоит из 30 кланов или общин, объединенных в 3 конфедерациях. Каждая община состоит из около 100 человек. Племя сюбео занимает территорию по берегам реки Уаупес – в Колумбии Уаупес – (от озера Уарна до ручья Уаракапури) и ее притоков: Кверари и Пирабатон.

уверенность в полной безопасности. Поэтому лодка быстро двигалась вперед, хотя и шла против течения вдоль берега, где густые заросли сельвы бросали на воду спасительную тень.

С незапамятных времен индейцы сюбео жили по берегам реки Ваупес и ее притоков. Поэтому ничего удивительного нет в том, что почти все мужчины этого племени были опытными гребцами. Они с детства привыкли к воде, на которой проводили почти всю жизнь. На их земле реки служили путями сообщения между соседними кланами, или общинами. Мужчины ловили в реках рыбу, охотились на их берегах и строили лодочные пристани. Они прятали в прибрежных зарослях священные барабаны, под звуки которых на рассвете совершали в реках ритуальные омовения, чтобы почерпнуть силы от знаменитых и храбрых предков, пребывающих, как утверждали старинные предания, в таинственных глубинах животворных рек. По этой причине у сюбео реки считались священными и принадлежали общинам. Религиозные обряды всякого рода, связанные с реками касались, впрочем, только мужчин, и эти последние проводили на реках почти всю жизнь. Женщины работали на полях, на которых выращивали маниок, сахарный тростник, кукурузу, пататы и дыни.

Смуге достаточно было нескольких часов плавания, чтобы убедиться в правильности подбора членов отряда. Лодка по-прежнему быстро мчалась вверх по реке, а по гребцам не

видно было, чтобы они сколько-нибудь устали. Они сидели неподвижно, словно бронзовые изваяния, и только ритмично, короткими движениями рук выбрасывали назад весла, и рывками выбрасывали их вперед, резко толкая лодку против течения.

– Эй-эйе-ее..! – иногда выкрикивал кто-нибудь из гребцов, глядя на птиц, паривших в воздухе. – Куда летите?! Вот возьму ружье и будет конец вашему полету!

Его товарищи весело смеялись. Потом хором затягивали песню на своем языке, ни на минуту не переставая загребать воду короткими индейскими веслами, на лопастях и древках которых виднелись искусно выжженные узоры индейского орнамента. Однако, если лодка приближалась к берегу и входила в густую тень деревьев прибрежной сельвы, шутки и песни сразу прекращались: по обычаю индейцы в лесу хранят молчание.

В прибрежной чаще царила полная, ничем не возмутимая тишина. Только иногда раздавался сухой треск падающего лесного великана, да отчаянный крик гибнущей птицы, или животного. В тишине мнимо спокойного леса непрерывно шла борьба не на жизнь, а на смерть.

Река изобиловала островками, песчаными отмелями и перекатами. На песке, позолоченном солнечными лучами, розовели великолепные фламинго³⁷, кое-где дремали неболь-

³⁷ **Фламинго** (*Phoenicopteri*) отряд птиц, подразделяющийся на 3 рода, объединяющих 4 вида. Распространены в тропиках и частично в умеренной зоне Ста-

шие, зеленые аллигаторы. По мелководью бродили белые цапли. Иногда лодка вспугивала стаю диких уток, которые с шумом поднимались в воздух.

Два дня плавания на северо-запад прошли без особых приключений. На третий день, как только лодка отчалила с места ночлега на берегу, с юбою прекратили песни и стали внимательно вглядываться в прибрежные заросли.

Смуга и Уилсон сразу заметили настороженность и волнение индейцев, и догадались, что лодка, видимо, вошла на территорию какого-нибудь воинственного племени. Уилсон взял в руки винтовку, лежавшую на дне лодки, рядом с ним. Смуга стал внимательно осматривать оба берега реки. Вдруг рулевой Габоку издал тихий, предостерегающий окрик и показал рукой на левый берег. У берега, сейчас же за излучиной реки, стояло на приколе небольшое каное, то есть челнок, выдолбленный из цельного ствола дерева, на котором индеец с гарпуном в руках высматривал добычу в чистых водах реки.

Одинокий рыбак отличался сильным, мускулистым тело-

рого и Нового Света, однако отсутствуют в Полинезии, Молуккском архипелаге, Австралии, Тасмании и Новой Зеландии. Наиболее распространен обыкновенный фламинго или краснокрыл (*Phoenicopterus ruber*), отличающийся необыкновенно длинной шеей и клювом с роговыми наростами, отчего клюв приобретает свойства сита. Клюв посредине загнут вниз. Ноги у фламинго длинные и тонкие. Оперение белое с розоватым налетом, верхняя часть крыльев интенсивно-красного цвета, рулевые перья – черные. Клюв у основания черный – конец красный. Длина туловища самцов доходит до 120—130 сантиметров, самки несколько меньше. Гнездятся на мелководье, где строят гнезда из речного

сложением, несмотря на свой средний рост. На темно-коричневом теле рыбака не было одежды, кроме набедренной повязки из древесных волокон, окрашенных в красный цвет соком растения бикса³⁸, и ожерелья на шее из тех же волокон, украшенного длинной бахромой спускающейся на спину и грудь. На запястьях рук и щиколотках ног индеец носил браслеты, сделанные из лыка. Твердые, иссиня-черные волосы, остриженные кружком, опали на лицо с выдающимися скулами, сплошь покрытое татуировкой.

Нагнувшись к воде, рыбак высматривал добычу. Вот он сильным движением поднял руку, в которой держал гарпун, намереваясь, как видно, поразить рыбу; но в этот момент заметил лодку, показавшуюся из-за поворота реки. Поднятая вверх рука замерла на месте. Индеец бросил гарпун на дно челна, схватил весло и, быстро гребя вдоль берега, стал что-то кричать. По-видимому, это был сигнал или призыв на помощь, потому что вскоре толпа индейцев, вооруженная копьями и луками, выбежала из зарослей на берег реки. Увидев чужих людей, часть из них бросилась к лодкам, лежавшим на песчаном берегу.

Матео испуганно глядел на приготовления индейцев и вполголоса крикнул:

– Ко всем чертям! Скорее, нажимай на весла! Это индейцы тикунна!

³⁸ **Бикса** или **орлеанское дерево** (*Bixa orellana* и *Bixa urucuma*) дает ценный краситель – орлеану.

– Тикуна! – подтвердил Габоку.

Тем временем тикунa уже спустили лодки на воду. Некоторые из них спешно натягивали тетивы луков. Увидев это, Матео повернулся к Смуге и сказал:

– Если они нас догонят, не говорите, сеньор, что мы направляемся к ягуа. Эти племена враждуют друг с другом! Лучше всего – бежать от них, как можно дальше!

Следуя примеру Матео, Габоку и остальные гребцы стали грести усерднее и сильнее. Лодка быстро отошла от берега к середине реки.

Погоня продолжалась уже около двух часов. Несколько каноэ с тикунa на бортах медленно, но уверенно нагоняли лодку. Смуга все чаще поворачивался к ним, измерял на глаз оставшееся расстояние и, наконец, сказал:

– Нам, пожалуй, не избежать столкновения. У них больше гребцов, притом со свежими силами...

– Мы можем остудить их рвение несколькими пулями, – предложил Уилсон.

– Плохой совет, – укоризненно сказал Габоку. – Если мы убьем хотя бы одного из них, остальные тогда уж наверное не прекратят погони. Вскоре настанет ночь, да и гроза собирается. Может быть нам удастся оторваться от погони!

– Авантюра нам не сулит ничего хорошего, – признал Смуга. – Давайте лучше все как один возьмемся за весла!

Лодка значительно ускорила ход. Расстояние между погоней и беглецами перестало сокращаться.

Предсказание Габоку вскоре сбылось. Прежде чем на землю спустилась ночь, тяжелые, свинцовые тучи закрыли горизонт. На воде показались пузыри от крупных капель дождя, потом пронесся сильный порыв ветра. Как только сверкнули первые молнии, тикунна повернула каноэ и исчезла во мраке быстро наступившей ночи.

Габоку сразу же направил лодку к берегу. Необходимо было немедленно поискать укрытия на суше. На мутных водах бурной реки показались плывущие стволы вырванных с корнями деревьев и большие кучи тростника, грозившие лодке столкновением и даже гибелью.

Как только лодка пристала к берегу, сибео вытянули ее на сушу, а потом, используя стволы растущих деревьев в качестве опоры, соорудили обширный шалаш, дающий возможность спрятаться от потоков воды, лившей с неба. Когда путешественники, промокшие до нитки, очутились под крышей шалаша, сооруженного из веток, листьев и лиан, буря разразилась на полную мощь. О том, чтобы развести костер нечего было и думать, поэтому Уилсон раздал провиант сухим пайком. Все ели в молчании. Из-за усталости, вызванной длительным походом на лодке и бегством от индейцев тикунна, никому не хотелось говорить. Путешественники развесили в шалаше гамаки и легли спать во влажных постелях.

Смуга долго лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в звуки доносившиеся из сельвы. Через некоторое время гроза несколько притихла, и только обильный дождь шелестел в

густых кронах деревьев. В шалаше слышалось дыхание спящих людей. Рядом со Смугой, с правой стороны, находился гамак, на котором спал Матео. Смуга не связал его на ночь. Ведь все были достаточно измучены и должны были хорошенько отдохнуть перед дорогой, во время которой еще не мало приключений и неожиданностей придется переживать путешественникам. Смуга не спал, опасаясь какого-либо подвоха со стороны Матео.

Время тянулось медленно... Смуга улыбался в темноту, вспоминая молодых друзей, Томека Вильмовского и Салли, которые в это время находились в Лондоне, на расстоянии тысяч и тысяч километров от него. Томек Вильмовский заканчивал этнографический труд на тему о жизни папуасов Новой Гвинеи. В последнем письме, полученном Смугой, Томек подробно описывал свою работу, не преминув указать, что ею заинтересовались некоторые члены Королевского географического общества в Лондоне, пользующиеся в мире ученых непререкаемым авторитетом.

Смуга радовался успеху Томека, которого любил, как собственного сына. Ведь Томек, желая стать знаменитым путешественником, всегда стремился во всем подражать ему, Смуге. С волнением вспомнил Смуга первое совместное путешествие в далекую Австралию, во время которого паренек признался в желании быть похожим на него. Смуга очень жалел, что теперь Томека нет с ним. На Томека можно было во всем положиться. Он обладал необыкновенным даром

привлекать к себе людей и интуицией, благодаря которой во время охотничьих экспедиций выходил целым из самых опасных приключений. То, что Томек прибыл бы к нему по первому требованию, несмотря на любые препятствия, было Смуге приятно.

Размышляя так о юном друге, Смуга вслушивался в дыхание спутников. С соседнего гамака раздавался мощный храп. В такую бурную ночь нечего было опасаться нападения тикуну. Кроме того, суеверные индейцы вообще редко отваживались ночью ходить по сельве. Они верили, что по лесу бродят злые духи, которых они очень боялись. Таким образом, раз Матео спал, как убитый, Смуга мог бы тоже соснуть хотя бы часок. Закрыв глаза. Постепенно стал засыпать.

Смуга проснулся внезапно, как будто от толчка, но, следуя давней привычке не сделал ни одного движения. Медленно приоткрыл веки. Гроза утихла, дождь почти совсем прекратился. В шалаше царил полумрак; через входной проем проникали лучи ночного светила. Смуга несколько мгновений внимательно прислушивался. Но в шалаше царила полная тишина, прерываемая только дыханием спящих. Смуга подумал, что его разбудил крик какой-то птицы. Однако заснуть уже не мог, ему мешало внутреннее чувство неопределенной опасности. Вдруг Смуга понял от чего проснулся

– Матео перестал храпеть. Смуга весь превратился в слух...

Ему показалось, что где-то вблизи раздался легкий шо-

рох, будто кто-то провел рукой по стволу дерева, к которому был привязан гамак. Смуга вспомнил, что именно там, на суку, он вечером повесил пояс с револьвером.

«Матео крадет оружие», – подумал Смуга.

Но даже если это действительно было так, Смуга не мог ничего предпринять. Прежде, чем он сорвался бы с гамака, метис угодил бы его ножом или пулей. Поэтому Смуга продолжал притворяться спящим, равномерно дыша и не делая движений. Из-под приоткрытых век внимательно наблюдал за проемом в стене шалаша, освещенным лунным светом. Вдруг сделалось совсем темно.

«Матео вышел, – рассуждал Смуга. – Закрыв проем своим телом».

Через мгновение лунный свет опять засиял в проеме.

Смуга бесшумно соскочил с гамака на землю. Одно движение руки, и он убедился, что Матео нет в гамаке. Быстро ощупал пояс с револьверами, висевшими на суку. Кобуры опустели.

Смуга осторожно подошел к выходному проему. Но будил никого. Каждая секунда промедления облегчала Матео бегство. Смуга прислушался. Услышал шорох в кустах на берегу реки. Догадался, что Матео намерен бежать на лодке. Для него это был превосходный способ бегства, потому что нечего было и думать о преследовании его без лодки, по суше. Кроме того, бегство на лодке не оставляло никаких следов, могущих облегчить погоню.

Смуга выбежал из шалаша и, прячась за кустами, направился к берегу, где стояла лодка. Удивился, заметив, что длинная тяжелая лодка уже на половину спущена на воду. Как видно, Смуга недооценивал силу Матео. Нельзя было терять ни минуты времени. Если Матео удастся выплыть на середину реки, он несомненно исчезнет. Смуга не мог бы задержать его выстрелом, так как в спешке не захватил с собой оружия.

Матео как раз подхватил руками корму лодки, пытаясь столкнуть ее на воду. Смуга подбежал к беглецу. Ударом по шее он свалил Матео на землю. Оглушенный Матео, быстро встал на колени. Как видно, он узнал Смугу, потому что рука его потянулась к рукоятке револьвера. Смуга ударил его в подбородок. Матео растянулся на спине. Прежде чем ему удалось вскочить на ноги, Смуга набросился на него всей тяжестью тела. У Смуги был немалый опыт в рукопашной борьбе. Поэтому вскоре, выкрученная назад правая рука Матео затрещала в суставах. Матео застонал от боли.

Смуга вытянул у него из-за пояса револьвер и сказал:

– Ты дурак, Матео! Живым ты от меня не уйдешь, – дулом револьвера Смуга коснулся спины Матео. – Встань! – приказал он.

Метис со стоном поднялся с земли. Смуга отобрал у него второй револьвер.

– Если ты еще раз попытаешься бежать, я отдам ягуа твою голову за голову молодого Никсона, – предупредил метиса

Смуга. – А теперь иди спать, потому что через два часа мы трогаемся в путь!

IV

НА РИУ-ПУТУМАЙО

Этой ночью Смуга почти не спал. Не успела луна скрыться за деревьями на противоположной стороне реки, как Габоку разбудил его, коснувшись плеча рукой. Смуга сразу же открыл глаза. В шалаше еще царил ночной мрак. Рядом, на гамаке, Матео стонал сквозь сон.

– Уже пора собираться, – шепнул Габоку. – Скоро наступит день...

– Сигналь подъем, отправляемся в путь, – ответил Смуга. Когда Смуга вышел из шалаша, Уилсон уже распределял продовольственный паек.

– Привет! – воскликнул Уилсон. – Завтрак готов! Вы сегодня поздно проснулись!

– Здравствуйте! Да, я спал так крепко, что не слышал когда вы встали, – ответил Смуга, не упоминая о ночном происшествии с Матео.

– Будьте добры, проследите, чтобы через четверть часа все были в лодке. А я пока что осмотрю ближайшие окрестности лагеря.

Вскоре Смуга очутился на берегу реки Путумайо, которая несколько дальше к западу пересекала границу Колум-

бии³⁹, протекая здесь по узкой полосе между территориями Бразилии и Перу. Это был кратчайший путь на территорию индейского племени ягуа, находящейся в Перу по берегам реки Ягуас, притока Путумайо.

На реке еще стоял густой, утренний туман. Силуэты прибрежных деревьев расплывались в синеватой мгле. Если бы индейцы тикунна и притаились где-нибудь в засаде, они не могли бы напасть. Превосходное время для того, чтобы тайно перейти границу Колумбии.

Не теряя времени, Смуга вернулся в лагерь, где его спутники уже кончали завтрак.

– В путь, – кратко приказал он.

– Мы готовы! – ответил Уилсон, упаковывая в подручный мешок завтрак для Смуги.

Габоку и гребцы были заняты погрузкой багажа на лодку. Вскоре все заняли свои места в лодке.

В полном молчании путешественники шли на лодке около

³⁹ **Колумбия** – республика в северо-западной части Южной Америки – получила название в честь первооткрывателя Америки Христофора Колумба. Граничит с Венесуэлой, Бразилией, Перу, Эквадором и Панамой. Площадь страны – 1138,9 тыс. кв. км., население – 21,7 миллиона человек (по оценкам 1971 г.), которое, в основном, обитает в узких горных долинах. Низменность, занимающая 2/3 территории страны на юго-западе, почти лишена населения. Столица Богота, находится в восточной части Анд; 2/3 населения занимается сельским хозяйством и животноводством. Главный предмет экспорта – кофе. В долине Аtrato, вблизи границы с Панамой находятся копи изумрудов, золотые и платиновые прииски; основное богатство страны – нефть. Почти 50 процентов нефти сосредоточено в руках американских нефтяных компаний (США Дау кемикл).

часа.

На востоке заалела заря. Ночная темь быстро уступала место ясному дню. Жгучее солнце взошло на чистое голубое небо. С громким криком попугаи стали перелетать через реку; их красочное оперение блестело на солнце всеми цветами радуги. На прибрежных песках лежали крокодилы и огромные черепахи. На высоких деревьях возились стада крикливых обезьян.

Стояла середина сухой поры⁴⁰, поэтому кроме аллигаторов и черепах, на берегах реки появились и другие животные, томимые жаждой.

Зоркий Габоку вскоре заметил огромного муравьеда⁴¹, покрытого черно-коричневой густой, довольно жесткой шерстью. На хребте животного шерсть торчала стоймя в виде гривы; по бокам свисала почти до самой земли.

Лодка шла вблизи берега и вынырнула из-за росших на берегу деревьев совершенно неожиданно для животного. Увидев лодку, муравьед сел на задние лапы, выставив вперед пе-

⁴⁰ На этой географической широте сухая пора года продолжается с мая по сентябрь.

⁴¹ **Муравьеды** (*Myrmecophagidae*) – семейство млекопитающих из отряда американских неполнозубых. В данном случае речь идет о трехпалом муравьеде (*Myrmecophaga tridactyla*). Животное достигает 2,5 метров длины туловища. Конечность носа, губы, веки глаз и подошвы ног лишены растительности. Вес взрослого самца около 40 кг. Ведет бродячий образ жизни. Бродит в одиночестве и спит там где его застанет ночь. Питается термитами, муравьями и их личинками, вытягивая их из муравейников длинным липким языком. Самка приносит не больше одного детеныша в год, которого длительное время носит с собой.

редние, вооруженные мощными когтями, более мощными и острыми, чем когти ягуара, как бы для защиты. Поняв, что на него не собираются нападать, муравьед, махнув пушистым хвостом бросился наутек.

Путешественники шли дальше не останавливаясь ни на минуту. Приближался полдень. Габоку неожиданно тихо воскликнул и резко повернул лодку к берегу. Один из гребцов бросил весло на дно лодки, схватил лук и стрелы. Почувствовав перемену курса лодки, задремавшие было Смуга и Уилсон проснулись и увидели крупное стадо пекари⁴², переправлявшееся через реку. Смуга сразу узнал, что это были белобородые пекари, отличающиеся от обыкновенных крупным, белым пятном на нижней челюсти. Пекари распространены во всех лесных районах тропической зоны Америки. Живут в лесах стадами и легко преодолевают даже крупные водные препятствия. Стадо пекари как раз готовилось выйти на берег. Испугавшись внезапного появления людей, пекари стали спешно выскакивать на сушу. Индеец встал в лодке во весь рост. Заложил стрелу на тетиву лука и внимательно осмотрел все стадо. Выбрав молодого пекари, индеец в два выстрела уложил его на месте. Погрузив добычу на нос лодки, путешественники отправились дальше вверх по реке.

⁴² **Пекари** (*Pecari*) род парнокопытных семейства свиней. Пекари обыкновенный (*Pecari tajacu*) распространен на территории от Арканзаса до Патагонии. Длина туловища доходит до 1 метра. Шерсть черно-коричневого цвета. От лопатки вниз тянется широкая белая полоса. Хребтовая железа выделяет вещество отличающееся резким запахом. Животные легко приручаются.

Еще до наступления вечера Уилсон сообщил Смуге, что они находятся уже на территории Перу. Матео, который прекрасно знал этот район, подтвердил сообщение Уилсона. Смуга был восхищен выносливостью индейцев, которые гребли весь день без отдыха и еды и, несмотря на это, оставались бодрыми и свежими⁴³. Если только позволяли условия безопасности движения, они пели песни или шутили. Однако теперь уже пришло время отдохнуть. Поэтому все пассажиры лодки высматривали на берегу место удобное для разбивки лагеря.

Спустя некоторое время лодка пристала к берегу. Вытя-

⁴³ Необыкновенная выносливость южно-американских индейцев подтверждается сообщениями многих путешественников и ученых. В труде под заглавием «The Cubeo Indians of the Northwest Amazon» Ирвин Гольдман пишет, что индейцы сьюбео отличаются колоссальной выносливостью, несмотря на плохое питание и почти полное отсутствие отдыха. Они, например, способны весь день, то есть в течение 17 часов, грести почти без отдыха, питаясь только горсточкой маниока, сваренного на воде. Это подтверждает также выдающийся польский путешественник и исследователь Мечислав Лепецкий, совершивший, в частности, 7 поездок в Южную Америку. Самая короткая поездка продолжалась полгода, самая длинная, начавшаяся во время второй мировой войны – 17 лет. Лепецкий был руководителем польской экспедиции в Восточное Перу, организованной в 1927 г. Банком народного хозяйства с целью изучения возможности организации польских поселений в Перу. Лепецкий был одним из немногочисленных в Польше знатоков наречий и языков населения Южной Америки и прекрасно знал господствующие там географические, экономические и политические условия. Казимеж Мошинский в книге п.з. «Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii» (Человек. Введение во всеобщую этнографию и этнологию) ссылается на Лепецкого и пишет: «По сообщению М.Б. Лепецкого, южно-американские индейцы способные в течение 11 часов грести веслами с часовым перерывом на обед, не чувствуя усталости и даже могут вести при этом веселую беседу».

нув ее на песчаный берег, индейцы начали постройку шалаша. Смуга и Уилсон присели на борту лодки.

– Сегодня у Матео очень мрачное настроение, – начал беседу Уилсон.

– Неужели ему не на руку встреча с индейцами ягуа?

Смуга улыбнулся и взглянул на метиса, занятого свеживанием пекари.

– Прошлой ночью он пытался потихоньку расстаться с нами, – ответил Смуга после минутного молчания. – Стянул мои револьверы и хотел улизнуть на лодке. На его несчастье я вовремя проснулся. Пришлось немного намять ему бока.

– Вот бы подвел нас! Но почему вы говорите об этом только сейчас – изумился Уилсон. – Мы были очень беспечны. После бури заснули, как суслики! Неужели не проснулся ни один сюбео?

– Нет, но удивляться этому нельзя, – ответил Смуга. – Ведь они не знают о предательстве Матео, а буря и туман на реке вселяли уверенность что тикунa не нападут и спать можно спокойно.

– Это правда, но теперь, думается, надо предупредить сюбео, рассказав им о предательстве метиса.

– Нет, пока еще нет! – возразил Смуга. – Теперь нам легче не допустить до бегства Матео, чем потом защитить его от справедливого гнева и мести разгневанных индейцев, которые никогда не прощают предательства. Если они узнают правду, нельзя будет поручиться за жизнь Матео.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Уилсон. – Поэтому нам надо теперь сторожить Матео, сменяя друг друга.

– Я потому и рассказал вам о попытке метиса бежать от нас. Мы подходим к земле племени ягуа. Не исключено, что Матео связан с ними ближе, чем сам об этом говорит. Если это не предусмотреть, он может причинить нам много зла.

– Я теперь знаю, почему вы так поздно проснулись. Как видно, ночью вы совсем не спали? Сегодня я первый буду дежурить, – сказал Уилсон.

– Прекрасно, вы меня разбудите в час ночи.

Ночь прошла спокойно. Смуга, который сменил Уилсона после полуночи, поднял всех еще до восхода солнца. Рассвет застал путешественников в пути. Вскоре они вошли в устье реки Ягуас. Теперь путешественники внимательно рассматривали оба берега реки; по уверениям Матео они уже находились вблизи поселений индейцев ягуа.

Лодка длительное время тихо шла под защитой свисающих над водой крон прибрежных деревьев. Опытные гребцы работали почти бесшумно, тихо и осторожно опуская в воду лопатки весел; все сидели молча, не делали лишних движений. Поэтому можно не удивляться, что по берегам бродили непуганные дикие животные. Индейцы с юбео изредка бросали на них взгляды, но не прекращали гребли. Однако, когда вблизи раздалось тихое фырканье, индейцы, как по команде вытянули весла, положили их поперек лодки, а сами застыли без движения.

Спустя несколько минут послышались звуки похожие на собачий лай: «Гирк! Гирк! Гирк!» – раздавалось вокруг. Рядом с лодкой появилось стадо, плававших в воде животных. Вместо того, чтобы фыркать от удовольствия, как это делали они раньше, теперь животные стали лаять.

Это были бразильские выдры⁴⁴, вид, встречающийся только в Южной Америке.

Тем временем выдры окружили плывшую по течению лодку со всех сторон, и громко лаяли, выражая свое неудовольствие. Индейцы сюбео молчали и старались не обращать внимания на плавающих вокруг лодки животных. Они терпеливо ждали, пока выдры сами уплывут от них.

Метис Матео, хотя и считал себя белым человеком, тоже сидел неподвижно, как и индейцы. Смуга и Уилсон не считали возможным нарушать обычаи спутников и тоже молчали. Они знали, что индейцы сюбео не охотятся и не нападают на весьма распространенных на континенте выдр. Как видно, с выдрами связано какое-то суеверное предание или ве-

⁴⁴ **Бразильская выдра** (*Pteronura brasiliensis*) – вид встречающийся только на Южно-Американском континенте. Выдры (*Lutrinae*) прекрасно приспособлены к жизни в воде. Приплюснутые головы, мех похожий на бобровый, плавательные перепонки между пальцами и длинный плоский хвост – вот их отличительные черты. Обитают по берегам водоемов во всех частях света, за исключением Австралии. Наносят ущерб рыболовству. В Европе встречается только один вид (*Lutra lutra*), обитающий также в Африке и Азии. Живут выдры в норах с выходом под водой. Вид *Latax lutris* живет только по берегам морей. Мех морских выдр носит торговое название «камчатский бобр». Питаются выдры раками, рыбами и другими животными, обитающими в воде.

рование.

Играя вокруг лодки, выдры показывали все свое непостижимое искусство плавания. Они то ныряли в глубину, то выскакивали на поверхность, с невиданной скоростью носились вокруг лодки. Среди них было не мало взрослых особей, достигавших полуметровой длины, включая хвост, были и совсем маленькие представители молодежи.

Белые путешественники с любопытством наблюдали за интересными животными, охотиться на которых очень трудно, так как выдры обладают исключительной чуткостью. Видимо здесь выдры еще не встречались с людьми, своими злейшими врагами и чувствовали себя в полной безопасности; они были только немного возбуждены, но не прятались, почуяв присутствие людей. Один только вожак на берегу, который первый предупредил сородичей, резвившихся в воде о приближении опасности, чувствовал явное беспокойство. Он бегал по берегу взад и вперед, извивался всем телом наподобие змеи, неловко взбирался на деревья. Его неуклюжие движения представляли полную противоположность движениям выдр в воде, где они чувствовали себя в своей родной стихии.

Через некоторое время выдры, как по команде нырнули в воду и исчезли. Вожак тоже прыгнул в воду, нырнул и скрылся из виду.

Индейцы взялись за весла и лодка снова поплыла против течения.

К середине дня Матео стал внимательно присматриваться к местности. Он повернулся к Смуге и сказал:

– Уже недалеко! Если увидите индейцев, советую не хвататься за оружие. Они это очень не любят, и совсем не боятся белых!

– Спасибо за совет, – ответил Смуга. – Когда встретим ягуа, ты не отходи от меня ни на шаг! Ты будешь мне нужен как переводчик.

Матео исподлобья взглянул на Смугу. Индейцы совсем не удивились словам Смуги. «Как видно, Смуга ничего не сказал им о предательстве и попытке к бегству» – подумал он. – «Это хорошее предзнаменование».

Индейцы сюбео, видимо, нисколько не боялись прибытия в страну ягуа – врагов, совершивших на них нападение. Они только, следуя примеру Смуги тщательно зарядили и осмотрели ружья и продолжали спокойно грести. Таким образом, сообщение Уилсона, что индейцы сюбео известны своей храбростью и самообладанием в бою, подтверждалось на каждом шагу.

Подчиняясь осторожному движению весел, лодка тихо шла вдоль берега реки в тени крон прибрежных деревьев, свисавших над довольно широкой полосой воды. Как вдруг, прямо над головами путешественников раздались пронзительные крики. Казалось сейчас из чащи леса посыплется на них град стрел и копий. Когда, однако, ожидаемая атака не состоялась, крики, леденящие кровь в жилах утихли, Смуга

и Уилсон облегченно вздохнули.

– Проклятые ревуны⁴⁵, – вспыхнул Уилсон.

– Над нами целое их стадо резвится на деревьях, – сказал Смуга, поглядывая вверх. – Они теперь, видимо, радуются, что напугали нас.

– А я принял было их за воинственных ягуа, – ответил Уилсон и громко расхохотался.

Смуга последовал его примеру.

Индейцы сюбео и метис не разделяли веселости белых спутников. Они продолжали вести себя тихо и не очень уверенно глядели друг на друга.

– Вперед! – продолжая смеяться, воскликнул Уилсон. – Бояться нечего, это были только ревуны!

Однако Габоку укоризненно посмотрел на него и едко заметил:

– Не радуйся, сеньор, заранее. Если бы нас атаковали ягуа, мы без колебаний ответили бы пулями из ружей. Битва не пугает сюбео. Но помни, что вой обезьян всегда предвещает несчастье!

– Это правда, подтвердил метис. – Кто-то из нас навер-

⁴⁵ **Ревуны** – подсемейство цепкохвостых, широконосых обезьян. (*Platyrrhini*). Кроме цепкого хвоста с обнаженным кончиком, отличаются наличием пяти защечных мешков и особой формой подъязычной кости, играющей роль мощного резонатора. Благодаря этому обладают сильным голосом, слышимым издалека. Самцы черного ревуна (*Alouatta caraya*) покрыты шерстью черного цвета, самки – соломенно-желтого. Наоборот самцы красного ревуна (*Alouatta seniculus*) покрыты рыжей шерстью, а самки черной. Достигают длины, включая хвост, – 1,30 м.

няка погибнет. Обезьяны это чувствуют и почти никогда не ошибаются!

– Если так – будь осторожен, Матео, – ответил Смуга, заглядывая метису в глаза. – В большинстве случаев плохое предсказание исполняется по отношению к людям с нечистой совестью...

Метис понурил голову и мрачно смотрел себе под ноги. В его сердце проник суеверный страх. Возможно, этому белому помогают сверхъестественные силы? В самом деле, как без помощи этих сил он узнал бы о собаке, которая стала доказательством его, Матео, измены? И мог бы Смуга без помощи чудодейственных сил, притом без всякого оружия, победить его, такого силача? Если бы не Смуга, кто мог бы помешать ему бежать! Теперь он предсказывает ему смерть...

Сюбео с любопытством смотрели на помрачневшего Матео. Они пытались угадать почему этот необыкновенный белый считает, что ревуны предсказывают смерть именно Матео, а не кому-нибудь другому? Может быть он и в самом деле знает это?.. Сюбео верили в таинственные силы, предсказания злых духов, обитающих в лесу. Сюбео неустрашимые воины в бою, дрожали от страха при одной только мысли о волшебствах, колдовстве, колдунах и ядах. Они верили, что причина смерти всегда кроется в колдовстве злых людей. По их мнению, естественной была только смерть на поле боя, от несчастного случая или от старости. Раз белый сказал, что ревуны предсказывают Матео смерть, значит так и будет.

V

ОХОТНИКИ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ ГОЛОВАМИ

После короткой остановки на обед путешественники опять направились вверх по реке. Матео все с большим оживлением смотрел на берега, Мимо которых шла лодка. Наконец вполголоса заявил:

– Уже близко деревушка ягуа, я узнаю местность!

За излучиной реки путешественники увидели ствол огромного дерева с обрубленными ветвями, переброшенный через реку с одного берега на другой. К этому мосту с обеих сторон тянулись протоптанные в траве тропинки, которые вели в чашу густого леса.

– Приставай к левому берегу! – обратился Матео к Габоку, и, повернувшись к Смуге, сказал: – Это здесь, сеньор!

Лодка пристала к крутому берегу. Сидевший ближе всех к носу лодки сюбео выскочил на берег, и вытянул лодку на отмель у подножия откоса.

– Отсюда уже совсем близко до деревушки ягуа. Туда надо идти пешком, – сказал Матео.

– Хорошо, сначала мы пойдем туда вдвоем, – ответил Смуга, внимательно оглядывая местность.

Матео согласно кивнул головой. Захватив подручный ме-

шок и винтовку, Смуга вышел на берег. Повернулся к спутникам и сказал:

– Вы, Уилсон, останетесь здесь с сюбео. Два револьверных выстрела с моей или вашей стороны будут означать призыв на помощь.

– Буду глядеть в оба, можете быть спокойны, – заверил Смугу Уилсон.

Смуга и Матео взобрались на крутой откос высокого берега. Вошли в джунгли. Смуга шел вперед осторожно, потому что тропинка то и дело пропадала в густых зарослях. Внезапно за одним из поворотов они увидели, шедшего навстречу, одинокого индейца. Он, видимо, шел на охоту, нес в руках длинное духовое ружье, и притороченное к поясу продолговатое лукошко со стрелами. Индеец был одет в длинную, почти до самой земли, юбку из волокон рафии. На голове носил огромный парик из тех же волокон, который подобно пелерине свободно ниспадал ему на спину и грудь. На верхушке головы к парику был прикреплен круглый плоский венок, похожий на тот, который рисуют на старинных иконах над головами «святых».

Увидев чужих, индеец остановился, как вкопанный, но воинственной позы не принял. Однако опытный в таких делах Смуга сразу заметил сосредоточенную напряженность на лице индейца, которая могла, в зависимости от обстоятельств, превратиться либо в открытую вражду, либо в дружескую улыбку приветствия. В таких случаях иногда самый незна-

чительный шаг, или неловкое движение со стороны прибывших, может повлечь за собой пагубные последствия.

Смуга доброжелательно улыбнулся и медленно направился к индейцу. Однако тот быстро поднял руки вверх, ладонями наружу, словно хотел задержать или оттолкнуть Смугу.

– Стой, сеньор, стой! – спешно потребовал Матео. – Такое движение значит: «Не подходи ко мне»!

– Я это знаю, – спокойно ответил Смуга. Он остановился и достал из подручного мешка небольшую пачку табаку. Протянув индейцу, сказал: – Самики – тебе и твоим друзьям!

Индеец, не опуская рук сделал еще один шаг назад. Смуга достал из кармана трубку, набил ее табаком из пачки, которую держал в руках, и закурил. Выпустил клуб дыма, снова протянул индейцу пачку с табаком и повторил:

– Самики!

Индеец опустил руки, подошел к Смуге и осторожно взял из его рук пачку с табаком. Не спуская глаз со Смуги и Матео, индеец понюхал подарок, достал из кошель, висевшего у него на поясе, небольшую глиняную трубку. Набил ее табаком. Когда Смуга подал ему спичку, не проявил удивления, из чего можно было заключить, что он не впервые встречается с белыми.

Индеец и Смуга, стоя друг против друга, медленно курили трубки. Спустя некоторое время индеец спрятал свою трубку в кошель и спросил на ломанном испанском языке:

– Что вам нужно?

– Мы пришли к твоему вождю, – ответил Смуга. – Принесли ему подарки.

– А есть у вас тиви⁴⁶ – полюбопытствовал индеец.

– Соль у нас есть, – ответил Смуга.

– Я не знаю, будет ли время у вождя Тунаи⁴⁷ побеседовать с вами.

– А он дома?

– Да, только... впрочем, это не ваше дело.

– Проведи нас к нему, мы его спросим сами!

– Дай тиви!

Смуга достал из мешка пакет с солью, и отсыпал горсть индейцу, который сделал знак, чтобы гости шли за ним.

По обычаю южноамериканских индейцев проводник шел впереди быстрым, пружинистым шагом. Вскоре спутники очутились на обширной лесной поляне. На краю поляны в тени высоких деревьев стояло несколько хижин, построенных на сваях.

Прибытие белых вызвало сильное волнение среди обитателей деревушки. Мужчины, сидевшие на сваленных стволах деревьев прервали беседу. Они внимательно следили за движениями белого и метиса. Детишки с пискотом стали прятаться между сваями, на которых стояли хижины; женщины тоже готовы были бежать по первому знаку кого-либо из старших. На хорошо утопанную землю выскочил из одной хижины

⁴⁶ **Тиви** – соль на языке ягуа.

⁴⁷ **Тунаи** – красный.

рослый индеец, парик которого, сделанный из рафии, украшали разноцветные перья попугаев, засушенные тела птиц и мышей. На правой руке индеец носил браслет из травы, из которого торчали три блестящих пера.

Увидев индейца, Матео коснулся руки Смуги и шепнул:

– Это вождь Тунаи...

– Он тебя знает?

– Да, он уже видел меня один раз...

– Так приветствуй его теперь, но помни: одно неосторожное слово, и я пущу тебе пулю в лоб!

– Помню, сеньор, – ответил Матео.

Смуга внимательно наблюдал за поведением метиса. Уверенное выражение, появившееся на лице Матео, свидетельствовало о том, что среди воинственных охотников за человеческими головами он почувствовал себя в безопасности.

Тунаи подошел к прибывшим на расстояние нескольких шагов и остановился в выжидательной позе.

– Бом диа, компадре!⁴⁸ – с некоторой торжественностью произнес Матео.

Тунаи смерил метиса пронизательным взглядом. На устах индейца появилась насмешливая улыбка. Он ответил на испанском языке:

– Буэнос диас!⁴⁹ Вы приехали только вдвоем?

– Буэнос диас, Тунаи! – сказал Смуга. – Наши товарищи

⁴⁸ **Бом диа компадре** (*порт.*) – добрый день, кум.

⁴⁹ **Буэнос диас** (*исп.*) – добрый день.

ждут в лодке на берегу. Мне надо с тобой поговорить. Мы привезли тебе подарки.

– Нам не надо больше рабов, – пренебрежительно ответил Тунаи.

Слова Тунаи подтверждали вину Матео, и метис смутился.

– Вопрос не в нападении... на этот раз, – ответил Смуга. – У меня к тебе дело, которое мы можем решить на месте.

– Раз ты пришел в обществе компадре Матео, то поговорим... но позже, – согласился Тунаи.

– Позже – это значит когда? – спросил Смуга.

– Завтра. Сегодня мы посвящаем новых воинов.

– Можно ли разбить лагерь вблизи деревни?

– Компадре Матео может, значит можешь и ты. Раз вы пришли как друзья, привет вам.

Спустя два часа путешественники разбили лагерь на окраине деревушки ягуа. Уилсон следил за работой сюбео, готовивших обед. Смуга в обществе Матео вручил Тунаи подарки. Среди них были: стальной охотничий нож в кожаных ножнах, табак и несколько связок разноцветных стеклярусных ожерелий. Тунаи принял подарки, и в свою очередь вручил Смуге бамбуковое духовое ружье со стрелами в плетеной корзинке. Когда Смуга с любопытством стал рассматривать корзинку и стрелы, Тунаи улыбнулся и предупредил:

– Будь осторожен, стрелы отравлены ядом кураре!⁵⁰ Хотя

⁵⁰ **Кураре** – (урари, ворара) яд, добываемый из корней и молодых побе-

ягуа не показывали явных признаков враждебности к белым, но все же внимательно следили за ними. Смуга не отпускал Матео от себя ни на шаг. Он отдавал себе отчет в том, что находится среди злейших врагов, притом союзников Матео. Одно слово метиса могло повернуть против него несколько десятков жестоких воинов. Смуга приказал Уилсону и Сюбео не выходить из лагеря, а сам в обществе метиса тщательно изучал обстановку в деревне.

Большинство мужчин, обитателей деревушки занимались подготовкой к торжеству «посвящения» молодых парией в разряд полноправных воинов. Торжество заключалось в организации оригинального бескровного турнира. Несколько молодых ягуа должны были попарно бороться, стоя на скользком бревне, лежавшем посреди площади. Воинами становились победители в борьбе. Таким образом, происходил отбор сильнейших в отряд воинов. Матео сказал Смуге, что прежде такую же бескровную борьбу вели кандидаты на вождей племени. Вождем становился тот, кто по очереди победил своих соперников.

Предпраздничная суматоха облегчила Смуге дело ознакомления с индейской деревушкой. Он смело пользовался случаем и даже заглядывал в хижины, что, впрочем, не трудно было сделать, так как хижины были лишены боковых

гов некоторых южноамериканских растений рода *Strychnos*, а именно: *Strychnos toxifera*, *S. cogens*, *S. schomburgkii*, из луковиц растения Бурмания, и вытяжки из корней растения *Cissus quadrialata*. Южноамериканские индейцы употребляют курае для отравления стрел.

стен. Смуга обратил внимание на некоторую старательность внутреннего оборудования хижин. Впрочем, называть эти строения хижинами можно только условно. Это скорее были обширные крытые веранды, построенные на столбах из пальмовых деревьев, стойких против термитов. Двухскатные крыши с кровлей из листьев защищали обитателей от дождя. Входить в хижину надо было по наклонным бревнам, один конец которых опирался на порог хижины, второй – вкапывался в землю. Везде, во всех хижинах, можно было встретить ручных обезьян и попугаев, с которыми охотно играли дети.

И женщины, и дети ходили по деревне нагишом. Из почтения к белым гостям пожилые индианки надели на бедра и груди заслоны из рафии. Как у всех первобытных народов, женщины ягуа выполняют все тяжелые работы. Они разводят маниок⁵¹, лепят из глины посуду, плетут циновки из пальмового волокна, делают ожерелья из высушенных се-

⁵¹ **Маниок**; местное название в Южной Америке «кассава» (*Manihot Utilissima* *pohl.*) – растение семейства молочайных (Euphorbiaceae). Клубни маниока отличаются удивительным свойством: в процессе брожения выделяют ряд глюкозидов и, в частности, синильную кислоту – один из самых сильных ядов. Однако при варке, поджаривании и сушке ядовитость исчезает. В диком виде маниок растет во всей Бразилии и оттуда распространился по всем тропикам. Маниок представляет из себя кустарник высотой около 3 м. с пальчаторассеченными листьями на длинных стебельках. Плод – трехгнездная коробочка. Под землей растут клубневидные корни длиной до 60 см и весом до 5 кг. Бразильский сорт маниока почти лишен глюкозидов и может употребляться в пищу сразу после варки, как картофель. Из маниока делают крупу, носящую название «тапиока».

мян, носят воду из реки, готовят пищу, кормят детей и ухаживают за ними. Детишки проводят время в играх, или занимаются ловлей муравьев и их личинок, считающихся у ягуа большим лакомством. Подростки стреляют в цель из духовых ружей, помогают старшим в рыбной ловле, а в свободное время охотно слушают беседы взрослых мужчин.

Воины защищают деревушку от нападения враждебных племен, организуют военные походы или занимаются охотой на диких животных. Индейцы ягуа отличаются отвагой – не редки случаи охоты на ягуара с одним только ножом в качестве оружия. Все же, несмотря на присущую им храбрость, индейцы предпочитают охотиться из засады. Они обладают прекрасным зрением, слухом и прямо-таки исключительным обонянием, которое позволяет им почуять дичь на значительном расстоянии.

Смуга принадлежал к числу наблюдательных людей. Поэтому он обратил внимание на то, что в обычаях ягуа заметно влияние африканских негров. Еще не так давно плантаторы привозили из Африки множество негритянских рабов, жестоко эксплуатируя их труд на плантациях. Многие из негров сумели бежать, и нашли приют у американских индейцев, всей душой ненавидевших белых колонизаторов. Как видно, беглые африканские рабы некогда жили и среди индейцев племени ягуа, потому что у некоторых индейцев были заметны по внешности черты африканского происхождения. Это особенно касалось женщин, которые, в противо-

положность мужчинам, не носили на головах париков из рафии. У чистокровных индейцев волосы на голове прямые, жесткие, черного цвета, тогда как у части индианок племени ягуа волосы на голове вились мелкими кудряшками. Широкие носы и мясистые губы дополняли их сходство с неграми. Влияние африканских негров в этой части Америки с еще большей силой было заметно в обычаях индейцев, Как ягуа, так и уитото, кокама и другие индейские племена пользовались типичными для африканских негров тамтамами для передачи известий на расстоянии. Их музыка и танцы носили следы африканских мелодий Смуга тщательно отмечал в памяти все эти особенности, чтобы впоследствии рассказать о них Томеку Вильмовскому и его отцу. Наблюдая за играми детей, Смуга обратил внимание на группу мальчиков, которые избрав в качестве мишени древесный пень, стреляли в него из духовых ружей. С трудом поднося к губам длинные бамбуковые трубки, мальчуганы всем корпусом подавались назад, чтобы удержаться в должном положении.

– Посмотри-ка, Матео, – развеселившись комичной картиной, сказал Смуга. – Сколько энергии тратят эти мальчуганы, играя во взрослых!

– Играя? – удивился метис. – Нет, сеньор, они совсем не играют. Разве вы не видите старика, который наблюдает за ними? Ягуа с детства упражняются в стрельбе из духовых ружей. Поэтому все они – меткие стрелки! Большинство из них может попасть в мелкую монету с расстояния тридцати

шагов, а с пятидесяти – ни один не промахнется, стреляя в человека или животное. Метис умолк и в задумчивости пытался кое-что вспомнить. Потом взял Смугу под руку и тихо сказал:

– Плохую услугу оказал мне Альварес, уплатив карточный долг. Теперь я очень жалею, что поддался его уговорам. Больше я не буду делать попыток к бегству. Я вам помогу найти убийцу и все расскажу на суде об Альваресе. С этого момента можете спать спокойно, сеньор!

– Могу ли я тебе верить, может быть ты опять лжешь? – сказал Смуга.

– Вы не любите издеваться над побежденным противником, ответил Матео. – Никого не обижаете, я это теперь понял. Вы не сказали сюбео о моем предательстве и о попытке к бегству.

– Ты в этом уверен?

– Я хорошо знаю индейцев, сеньор. Если бы они знали правду, я давно был бы мертв... Они же до сих пор относятся ко мне, как и раньше. За это я вам очень благодарен и постараюсь оказать благодарность на деле. Пока я с вами, вам ничто не угрожает, но на всякий случай будьте внимательны и не поворачивайтесь спиной к ягуа. Они в самом деле очень опасный народ.

– Почему это при тебе мне ничто не грозит от ягуа?

– Я вам скажу, сеньор. Ягуа принадлежат к чрезвычайно воинственному индейскому племени ауков. Моя бабушка

была аука, а мать – ягуа.

– Короче говоря, здесь ты среди своих...

– Теперь вы знаете правду. Если бы я потребовал, они помогли бы мне. Достаточно мне, например, подбежать вон к той группе воинов, и крикнуть, что вы мой враг, и вы станете трупом.

– Ты, Матео, забыл, что я стреляю из револьвера столь же метко, как ягуа из духового ружья, – спокойно сказал Смуга.

– Я помню это, – заверил Матео. – Я сказал о моей принадлежности к ягуа, потому что не намерен больше выступать против вас. Простите меня, и я буду верно вам служить.

Смуга посмотрел Матео в глаза. Успокоился, прочтя в них немую просьбу:

– Ты поступил очень легкомысленно, Матео, но, возможно, ты еще не потерял совести. Если подумать сколько зла и несправедливости можно встретить в Южной Америке, то трудно тебя и укорять. Ни я, ни Никсон совсем не хотим твоей смерти. Ты был маленьким винтиком в мощной машине преступления. Если ты честно раскаялся, если жалеешь содеянного поступка, то... увидим, может быть, и простим!

– Спасибо, вам, сеньор! Этого мне хватит. Я знаю, что вы простите меня. Теперь идем в лагерь. Скоро начнутся торжества.

Смуга без возражений последовал за метисом. Он подумал однако, что лучше не надоедать туземцам своим присутствием. Если ягуа пожелают, чтобы белые были на праздни-

ке, Тунай пригласит их. Приглашение было получено очень скоро. Путешественники несколько часов наблюдали соревнования в силе и ловкости между несколькими молодыми ягуа. В конце концов, восемь победителей были торжественно провозглашены полноправными воинами, после чего последовал приличествующий случаю пир.

В деревушке воцарилось непринужденное веселье. Ягуа шутили и смеялись во время обильного пира, поглощая жаренных целиком обезьян, морских свинок, муравьедов, черепах и ящериц. На десерт были розданы печеные на горячих углях крупные муравьи и личинки, мед, бананы, дыни и орехи. После еды начались обильные возлияния, быстро замутившие сознание у многих ягуа. Увидев это, Смуга и его товарищи поспешили уйти в лагерь.

Смуга и Уилсон до утра стерегли лагерь. Воспользовавшись случаем, Смуга рассказал Уилсону о раскаянии метиса. Они долго советовались, потому что полной уверенности в искренности Матео у них не было. Надо было считаться с изменчивостью настроения у индейцев, к которым принадлежал метис с материнской стороны. Беседуя, они чутко прислушивались к звукам доносившимся из деревушки. Почти до самого рассвета там не умолкала игра на барабанах и флейтах, чему индейцы ягуа научились у африканских негров. Под эту музыку они танцевали нечто похожее на африканское самбо. Белые друзья легли спать утром, когда музыка и танцы прекратились.

Однако еще до наступления обеденного времени Тунаи сообщил Смуге, что готов принять его для беседы. Смуга в обществе Матео немедленно направился к Тунаи. Вождь и несколько старейшин племени сидели на сваленных стволах деревьев у порога хижины вождя. Ягуа никогда не садились прямо на землю, опасаясь вредных насекомых. Вождь пригласил гостей сесть рядом с ним. Смуга угостил табаком всех присутствующих. Они набили трубки и курили, сохраняя полное молчание. Следуя местным обычаям, Смуга не спешил начинать беседу.

Так прошло несколько долгих минут. Наконец, Тунаи заткнул погасшую трубку за пояс, поддерживающий юбку из рафии и сказал:

– Ты хотел говорить со мной, белый человек. Я готов тебя выслушать.

Медленным движением Смуга спрятал свою трубку и ответил:

– Расскажу тебе сначала об одном обычае белых людей, и ты легче поймешь почему я решил прибыть к храбрым ягуа. Среди белых есть множество людей интересующихся всем, что находится на земле, на которой живут разные народы. Но не все могут совершать длительные поездки в неизвестные страны. Поэтому белые люди в своих городах строят специальные дома, в которых собирают различные предметы, облегчающие ознакомление с жизнью и обычаями других людей. Они разбивают также сады и содержат в них животных,

собранных со всего света. Я как раз и занимаюсь тем, что собираю разные интересные вещи для таких домов; их у нас называют музеями.

Смуга замолчал и взглянул на Тунаи. Он вспомнил самовольную беседу Томека с австралийцами во время их первого совместного путешествия. Томеку удалось тогда рассеять недоверие австралийских туземцев и уговорить их помочь белым путешественникам в ловле животных. Теперь Смуга повторил опыт Томека.

К удовольствию Смуги, Тунаи совсем не был удивлен его словами. Он внимательно взглянул на Смугу и сказал:

– Да, я знаю, что есть такие люди, как ты. Один из них уже был у нас. Он живет там, на западе, в Икитос. Сопровождавшие его люди говорили нам, что дома он хранит много вещей купленных у индейцев, а в саду содержит множество диких животных... У нас он искал военные трофеи⁵².

– Его, видимо, интересовали человеческие головы? – вмешался Смуга.

⁵² Речь идет о докторе Гарвее Басслере, американце германского происхождения, который, по-видимому, в 1920—1935 годах по поручению Стандард ойл компани руководил поисками нефти в Перу. Одновременно он изучал природу Перу и население страны. Его библиотека, сплошь из книг, посвященных Южной Америке насчитывала 32 000 томов. У себя дома он собрал огромную коллекцию флоры и предметов этнографии, которой не постыдился бы даже крупный музей. В саду содержал довольно большой зверинец. Его исследовательские экспедиции простирались от Мадре де Дьос до истоков Путумайо, и от реки Жавари до верхнего течения Мараньона. Многие ученые и писатели, интересовавшиеся Перу охотно пользовались советами Басслера.

Тунаи утвердительно кивнул головой, но сразу же насмешливо улыбнулся, говоря:

– Ореджи обманули его. Продали ему головы, взятые с трупов людей, умерших естественной смертью. Другие племена тоже обманывают. Вместо человеческих, они продают обезьяньи головы!

– Матео мне сказал, что если я приду к тебе с ним, то ты продашь мне настоящий товар, – сказал Смуга.

– Если ты хочешь купить настоящую человеческую голову, иди к племени уитото, но там будь осторожен. Уитото едят человеческое мясо, а голова белого у них очень ценится, – советовал Тунаи, исподлобья наблюдая впечатление какое его слова оказали на Смугу.

– Мы не намерены идти к уитото. Мы едем отсюда прямо в Икитос, а потом на реку Укаяли.

– Из Икитос не так далеко до селения племени живаро⁵³.

⁵³ Существование этого племени было подтверждено вторично только лишь в 1948 году, когда в горах Эквадора стали строить аэродромы на землях племени живаро. Племя это обитает в горах Эквадора к северу от реки Мараньон и частично в Перу. Племя насчитывает около 15 000 человек. Под строительство своих деревушек отводят возвышенные, удобные для обороны места. Живут в длинных, общих домах, в которых один конец занимают мужчины, а второй – женщины. Занимаются сельским хозяйством, охотой и рыбной ловлей. При обработке земли придерживаются особого ритуала: во время посева раскрашивают тела в разные цвета, надевают специальную одежду, молятся богине Земли, Нунгуи, совершают ритуальные танцы. Табак в качестве священного зелья могут сеять и собирать только мужчины. Идя на охоту, раскрашивают тела в красный цвет и сыпят себе и собакам в глаза «магический перец», что якобы облегчает охоту. Вооружение состоит из духовых ружей, копий, луков и стрел. Во время

Они носят головы врагов привязанными за волосы к поясам. Знай, что только такие головы – настоящие, – продолжал советовать Тунай.

– Я тебе говорил, что мы должны плыть по реке Укаяли, – ответил Смуга.

– Один из наших встретил человека, который был в плену у живаро. Он говорил, что у живаро, будто бы есть уменьшенные головы белых людей. Это очень старинные головы... – соблазнял Смугу Тунай. – Говорят, что это головы белых, которые первыми прибыли в страну живаро. Хранятся эти головы у шаманов.

Смуга стал внимательнее прислушиваться к словам Тунай. Возможно, вождь ягуа не лгал. Смуге приходилось читать о том, что в старинных испанских летописях времен завоевания Южной Америки есть сведения о походе Педро де Альварado, который со своим отрядом встретил в джунглях охотников за человеческими головами и понес большие потери. Это случилось в 1534 году, вскоре после завоевания внутренней части континента испанским конкистадором Франсиско Писарро. В то время как Писарро занимался завоеванием Перу, другие конкистадоры организовали ряд походов в легендарное Эльдorado, то есть Страну Золота. Один из отрядов под командованием испанского авантюри-

племенных церемоний раскрашивают тела в красный и черный цвета, собираясь молиться – красят зубы в черный цвет. Шаманы этого племени знают много противоядий и целебных растений.

ста Педро де Альварадо, занимавшийся ранее грабежом земель на юго-востоке Мексики, встретился в бассейне реки Мараньона с жестоким и воинственным племенем живаро. Оказалось, что живаро занимаются охотой за человеческими головами. Среди ядовитого тумана девственных джунглей, испанцы и днем, и ночью погибали от отравленных стрел, засевших в чаще воинов. Индейцы отрезали убитым испанцам головы, и уменьшали их до размеров двух кулаков взрослого мужчины. Так впервые встретились белые люди с индейцами племени живаро.

Хитрый Тунаи заметил впечатление, произведенное рассказами о племени живаро на белого. Ободренный этим он продолжал:

– Если ты собираешь разные предметы индейского быта – иди к живаро. У них не женщины, а мужчины прядут и ткут материалы и одежду, делают барабаны, копья с наконечниками из человеческой кости, духовые ружья и военные щиты. Женщины делают из глины красивые сосуды, в двойном дне которых спрятаны камешки, стуком отгоняющие злых духов. Все это можешь получить у них за... хорошие винтовки. Огнестрельное оружие лучше подходит для охоты на человека и добычи его головы.

– Я с удовольствием воспользуюсь твоим советом, Тунаи, но у меня очень мало времени, а живаро обитают в недоступных местах и кроме того, враждебно относятся к белым людям, – ответил Смуга. – Мы пришли к тебе потому, что мой

компадре Матео заверил нас, что ты человек достойный доверия. Я прошу тебя продать мне одну уменьшенную человеческую голову. Если дашь мне то, что я ищу – получишь карабин новейшей конструкции.

Тунаи прикрыл глаза веками, видимо, для того, чтобы скрыть загоревшийся в них огонек жадности. Он нагнулся к своим советникам и стал шепотом что-то говорить им. Прошло довольно много времени, пока он обратился к Смуге:

– Хорошо, я тебе дам одну такую голову! Пойдем! Вслед за вождем ягуа Смуга и Матео отправились на окраину деревушки. У костра, тлевшего перед хижиной, построенной на сваях, сидел на подостланных листьях индеец. На горячих углях костра стояли два больших глиняных сосуда, широкие внизу и несколько суженные кверху. В одном сосуде кипела густая жидкость, в другом – подогревался мелкий песок.

Увидев белого, индеец насупил брови, но Тунаи взглядом успокоил его. Прибывшие уселись у костра, рядом с индейцем. Смуга достал кисет с табаком. Некоторое время они молча курили. Из сосуда с кипящей жидкостью бил сильный запах. Было жарко, и Смуга достал носовой платок, чтобы вытереть пот со лба. Он взглянул на Матео. Смуглое лицо метиса посерело, на лбу показались крупные капли пота. Смуга повернулся к вождю Тунаи и тихо спросил:

– Скажи, Тунаи, что за снадобье варит этот человек? Бесстрастное выражение ни на секунду не сходило с неподвижного лица вождя. Он сидел прямо, словно бронзовое извая-

ние. Только взглядом из-под прищуренных век внимательно наблюдал за гостями.

– Этот белый – друг компадре Матео, – сказал он гортанным голосом.

– Он интересуется уменьшенными человеческими головами врагов. Покажи ему их, чтобы он у себя за Великой Водой мог рассказать о тебе другим...

Индеец взял в руки бамбуковую палку и опустил ее в кипящую жидкость с дурманящим запахом, осторожно помешал и вытянул палку назад. Смуга закрыл глаза, чтобы не смотреть. На конце палки висела кожа, снятая с человеческой головы. Густая жидкость стекала с длинных, черных волос.

– Ты интересуешься подробностями индейского быта. Ты друг Матео, поэтому мы разрешаем тебе видеть это. Смотри и запомни, – говорил Тунаи. – Ныне уже не многие индейцы умеют уменьшать человеческие головы... Сначала из отрезанной головы удаляют кости. Потом вываривают шкуру в отваре ядовитых растений, чтобы предохранить ее от насекомых. Только после этого начинают операции по уменьшению размеров головы. Шкуру много раз набивают горячим песком, отчего она постепенно сокращается в размерах. Искусные мастера умело придают чертам лица соответствующую форму.

Смуга взглянул на молчаливого индейца, сидевшего у костра. Препарирование человеческих голов с одновременным

уменьшением их размеров, становилось уже редкостью в Южной Америке. Ведь многие воинственные племена полностью погибли, другие нашли убежище в недоступных местах. Смуга внимательно присмотрелся к мрачному художнику. На его пальцах виднелись многочисленные следы ожогов от соприкосновения с горячим песком...

– Спасибо тебе, Тунай, за интересный рассказ, – сказал Смуга.

– Ты хотел получить от меня одну такую голову. Пойдем, – ответил Тунай.

Он повел Смугу и Матео в свою хижину. Они вошли в нее по мостику из наклонных бревен.

По одному слову Тунай, присутствовавшие в хижине женщины и дети покинули помещение. Тунай подошел к месту, где находилась его постель из циновок. Вокруг на столбах было развешано оружие: духовые ружья, луки, копья и щиты. Тунай медленно показал рукой на потолок хижины.

– Выбирай, раз я тебе обещал! – сказал он тихо.

На одной из балок висело несколько мумий человеческих голов. От дуновения ветерка чуть шевелились длинные, черные волосы. Черты лица на мертвых головах не были искажены. Они были похожи на миниатюрные изваяния голов взрослых мужчин. Уста, глаза и шея каждой головы защиты пальмовыми волокнами, чтобы дух убитого не мог мстить победителю.

Как замороженный смотрел Смуга на одну из голов. От

других она отличалась короткими светлыми волосами. Это была голова Джона Никсона. Если бы не длинные, тонкие нитки, свисающие с зашитых губ, ее можно было бы принять за отражение лица молодого Никсона в зеркале из уменьшенного стекла.

– Выбери, – тихо повторил Тунай.

Смуга медленно повернулся лицом к вождю. Рядом с ним, закрыв руками лицо, стоял Матео. Правая рука Смуги непроизвольно коснулась рукоятки револьвера. Но он постарался овладеть собой.

Вождь ягуа пронизательно смотрел на него.

– Я сразу догадался зачем ты пришел к нам, белый человек, – сказал он после длительного молчания. – Ты не хотел, чтобы дух твоего друга, заключенный в его голове, блуждал по индейской хижине. Я тебя понимаю. Дружба ко многому обязывает. Поскольку ты пришел к нам в обществе компадере Матео, ты мог бы сам сказать мне это. Не я убил этого белого. Дарю тебе его голову и иди с миром...

VI

ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

– Не доверяйте этому дикарю, сеньор, – шепнул Матео на ухо Смуге. – После обеда мы вовсе потеряли следы преступников, а проводник ведет нас неизвестно куда!

– Я уже обратил на это внимание, – ответил Смуга. – На мой вопрос почему он отошел в сторону от тропы, на которой виднелись следы, проводник ответил, что догадывается куда направились беглецы и ведет нас кратчайшим путем к цели. Он надеется, что нам удастся догнать, или даже опередить их.

– А если проводник заманит нас в засаду?

Сначала Смуга ничего не ответил на это. Он внимательно оглянулся вокруг. Лес стал реже. Сквозь лесную чащу виднелись просветы полян или, как их называют в Перу, пахоналей. На востоке и на западе, на фоне голубого неба проступали силуэты горных цепей. После длительного молчания Смуга сказал:

– У нас нет выхода, мы должны довериться кампе⁵⁴. Сами

⁵⁴ Коренное население Перу состоит из индейцев племени кечуа и аймаров, кроме того, значительную часть составляют индейцы других племен, в частности, кампа, или иначе анти, чунчо. Остальная часть населения – креолы (потомки испанцев-завоевателей), эмигранты из Европы, Китая, Японии. Индейцы племени кампа занимают обширную территорию между речья Укаяли, Пачитса. Тамбо и

мы не найдем преступников, среди этого ужасного бездорожья.

– Это дикая страна, сеньор!

– И все же Варгас уже не раз бывал в этих местах, занимаясь охотой на индейских рабов.

– Так то оно так, но он появлялся только на краю пахонали, да и то, в сопровождении многочисленного хорошо вооруженного отряда!⁵⁵

– Ты, конечно, прав, но вот Кабрал и Хозе смело бежали в степи, где обитают воинственные племена.

– Это совсем другое дело, сеньор! Они ведь знают, что вы приехали отомстить им. Они бегут от смерти...

Смуга опять замолчал. Он напряженно думал, что ему следует предпринять? До сих пор счастье сопутствовало ему во всем. После того, как ему удалось выкупить голову Джона Никсона из рук Тунаи, он сумел благополучно и без потерь добраться до Икитос. Как раз в это время из Икитос вверх по Укаяли отправлялся пароход за грузом каучука. Смуга воспользовался благоприятным случаем. Ведь путешествие по Укаяли на индейской лодке отняло бы множество времени,

Герене. Кампы принадлежат к числу тех немногочисленных народностей Перу, которые сохранили старинные обычаи первобытных обитателей Южной Америки. Племя делится на три ветви: атири – жители прибрежных территорий, антанири – обитатели лесов, и аматсенге – жители горных местностей.

⁵⁵ **Гран-Пахональ** – степное плато, расположенное в Перу у подножия Восточной Кордильеры в междуречье – Пачитеа, Укаяли, Тамбо и Перене. Общая площадь плато составляет около 100 тыс. квадратных километров.

и было, кроме того, довольно опасно. На Укаяли были места трудные для простой лодки. Поэтому, не обращая внимания на значительные расходы, Смуга занял места на пароходе. Это позволило ему со всем отрядом за каких-нибудь двадцать дней очутиться в поселке Уаира, расположенном на правом берегу реки Урубамбы, в месте слияния ее с рекой Тамбо.

Уаира принадлежала Франсиско Эрнандесу Варгасу, пользовавшемуся в Перу скандальной известностью, совладельцу торговой фирмы «Каза Эрнандес и К^о» в Икитос, занимавшейся эксплуатацией естественных богатств в бассейне реки Урубамбы. Варгас считался патроном, то есть опекуном, а по сути – владельцем нескольких сотен индейцев, добровольно или под принуждением поселившихся вокруг Уаиры. Во всей провинции Ла-Монтанья⁵⁶ открыто говорили, что Варгас торгует индейскими рабами, схваченными им во время разбойничьих походов в глубь Кордильер.

К счастью, в момент, когда Смуга прибыл к Варгасу, властелин Уаиры попал в неприятное положение в связи с обвинением в убийстве Карла Шарфа, с которым вел спор о принадлежность каучуковых территорий. Как видно, учитывая невыгодность обвинений в новом убийстве, Варгас пошел Смуге на руку. Он не только согласился вернуть сюбео,

⁵⁶ **Ла-Монтанья** – или **Монтанья** – предгорная область Восточной Кордильеры (Перуанские Анды). Простирается к востоку от реки Укаяли до границы с Боливией. Ширина области около 200 километров.

захваченных во время нападения на лагерь Путумайо, но и выдать своих сообщников, Кабрала и Хозе. Однако оказалось, что оба преступника, узнав о прибытии Смуги исчезли из Уаиры. Варгас, правда, сейчас же снарядил погоню за ними, но посланные им индейцы из племени пира, вернулись на другой день, и заявили, что Хозе и Кабрал скрылись на плато Гран-Пахонали. Варгас советовал Смуге прекратить дальнейшие поиски убийц Джона Никсона. Он утверждал, что плато Гран-Пахональ – это обширная дикая пустыня, где живет воинственное племя кампов, и найти в тех местах двух человек, дело почти безнадежное.

Смуга не поверил работорговцу. То, что преступникам удалось вовремя бежать, было само по себе подозрительным. Правда, Варгас клялся, что он не имеет ничего общего с нападением на лагерь в Путумайо, и в доказательство готов был выдать Кабрала и Хозе с головой, но у Смуги не было уверенности в искренности заверений Варгаса.

Смуга поставил перед собой задачу разоблачить Педро Альвареса. Показания Кабрала и Хозе, принимавших участие в нападении, могли быть решающими. Поэтому Смуге надо было во что бы то ни стало поймать бежавших преступников. Не обращая внимания на протесты и горячие увещания Уилсона, Смуга отправил его назад в Риу-Путумайо в сопровождении возвращенных Варгасом сюбео и остальных членов экспедиции, выехавших с ним из лагеря, а сам в обществе Матео, и несмотря на грозившую ему опасность, от-

правился в погоню за преступниками. Прошло уже три дня с тех пор, как Смуга во главе небольшого отряда местных индейцев пробирался по дикому краю, куда еще не ступала нога белого человека.

Отряд, которому предводительствовал Смуга, состоял всего лишь из пяти человек. Из числа прежних участников похода он оставил при себе только Матео. Кроме Матео, в отряде находились три носильщика-индейца из племени пира, которых Варгас дал в помощь Смуге, и индеец из племени кампа, добровольно примкнувший к экспедиции в качестве проводника.

В Уаире Варгас собрал индейцев из самых различных, иногда враждебных племен. Таким образом, он, следуя древнему принципу «разделяй и властвуй», стремился избежать возможного сговора индейцев и бунта против него. По наущению Варгаса многие индейцы следили за членами других, враждебных племен и обо всем доносили Варгасу.

То, что один из индейцев подслушал разговор беглецов и добровольно вызвался сопровождать отряд Смуги, казалось, повергло Варгаса в недоумение. Это-то и стало причиной требования Смуги отпустить индейца с ним в качестве проводника. Варгас пытался было возражать, утверждая, что индеец из Гран-Пахонали просто пытается бежать в родные края, но после того, как Смуга предложил за него выкуп, Варгасу пришлось уступить.

Индеец кампа оказался превосходным проводником. Он

скоро доказал, что действительно подслушал беседу Кабрала и Хозе, так как быстро нашел следы беглецов и пяти индейцев, которые бежали с ними. В течение трех дней подряд индеец безошибочно находил эти следы. Однако у беглецов было по крайней мере два дня преимущества. Поэтому кампа, догадавшись куда направляются преступники оставил тропу со следами и решил вести отряд напрямик, по кратчайшему пути.

Проводник остановился на опушке леса. Сжал руками ствол капсюльного ружья⁵⁷, приклад которого опустил на землю. На его бесстрастном лице нельзя было прочесть ни его дум, ни чувств. Рядом с ним на корточках сидела жена индейца, тоже выкупленная Смугой из рабства. Она была одета, как и муж, в коричневую «кусьму»⁵⁸. Остальное оружие, принадлежавшее мужу, которое женщины кампа по обычаю носят во время путешествий, то есть: лук, колчан со стрелами из каны⁵⁹, и плетеную корзинку с припасами, она положила на землю рядом с собой.

⁵⁷ Гладкоствольное ружье, заряжаемое от дула с капсюльным замком, который состоит из трубки, куда засыпается пороховой заряд, подводящий запал к дулу и пружинного замка с капсюлем. Ружья этого типа применялись в Англии в начале XIX века.

⁵⁸ **Кусьма** – *Cushma* – накидка похожая на мексиканское пончо, то есть нечто вроде длинной рубашки с отверстием для головы. Носят кусьму как женщины, так и мужчины. В мужском одеянии вырез для головы делается вдоль рубашки, снизу вверх, в женском – поперек, слева направо.

⁵⁹ *Cana brava* или **кикоца** (*chikotza*) – тростник, растущий по берегам водоемов.

Трое носильщиков из племени пира, как по команде остановились, и положили багаж на землю. Они с завистью поглядывали на кампу, потому что Варгас, желая обезопасить себя от возможного бегства рабов не позволил им взять с собой жен.

Смуга и Матео остановились в нескольких шагах от проводника. Матео нагнулся к Смуге и шепнул:

– Посмотрите, сеньор, куда завел нас этот кампа! Смуга оглянулся вокруг. Они стояли на опушке редколесья, переходившего в этом месте в открытую пампу⁶⁰, то есть своего рода саванну, покрытую разнотравьем, преимущественно злаковыми, с виднеющимися кое-где отдельными группами деревьев. Мрачный вид пампы напоминал Смуге сад с искривленными, карликовыми деревьями.

Смуга подошел к проводнику и спросил:

– Ты уверен, что мы идем куда надо? Почему ты остановился?

Индеец медленно повернулся к Смуге и ответил:

– Нам надо отдохнуть до наступления вечера. Придется идти всю ночь. На рассвете мы опять пойдем по следам беглецов. Завтра, прежде чем солнце скроется за горами на западе, они будут в твоих руках.

– Ты хочешь идти ночью по этой степи без всяких дорог? –

⁶⁰ **Пампа** (бамба на языке кечуа) степи в Южной Америке, которые отличаются друг от друга растительным покровом, от почти лишенной деревьев саванны до сухой степи – пампы.

изумился Смуга.

Индеец сделал широкий жест рукой, описав полукруг с востока на запад.

– Это исконная земля племени кампа. Мне знаком здесь каждый камешек, и я знаю все тропинки, могу провести вас по пампе в любую пору, и днем, и ночью, – пояснил индеец.

– Отсюда недалеко горы, – заметил Смуга. – Если ночью пойдет дождь, мы не найдем следов.

– Будь спокоен. Дожди здесь бывают очень редко, – ответил кампа.

Индеец говорил правду. Опытный путешественник, Смуга, не мог полностью доверять проводнику. Поэтому с самого начала погони он внимательно изучал окрестности, по которым шел его маленький отряд, чтобы не потеряться в совершенно безлюдной, лишенной дорог степи. Он уже давно отметил про себя, что в Гран-Пахонале дожди идут редко. Об этом красноречиво свидетельствовал пейзаж и растительность пампы. Редкие леса, напоминающие рощи, покрывали здесь только горные склоны и долины ручьев. Немногочисленные деревья, росшие в пампе были покрыты мелкой листвой с подвернутыми краями, иногда покрытыми густым пушком. У некоторых из них, вместо листьев были только колючки и иглы. Между деревьями, принадлежавшими к классу двудольных, встречались низкие пальмы, иногда кактусы и некоторые виды молочайных. Однако растительность пампы остается зеленой круглый год. Только высокая,

густая, но пожелтевшая трава свидетельствовала о том, что дождя здесь не было давно.

– Уверен ли ты, что знаешь место куда направляется убийца и его спутник? – после длительной паузы спросил Смуга.

– Они идут к горе Сына Солнца. Идут по индейским тропам. Мы догоним их ночью. На рассвете мы вероятно найдем следы их костра.

– Хорошо, теперь отдохнем перед ночным походом, – ответил Смуга и приказал Матео разделить продукты между членами отряда.

Все ели молча. Смуга и Матео незаметно наблюдали за поведением индейцев. Кампа с женой сидели в сторонке. Женщина прислуживала мужу, который ел медленно ни на кого не обращая внимания. Носильщики из племени пира тоже держались в стороне от остальных. Во время обеда они о чем то тихо шептались, время от времени поглядывая на белых и на индейца кампа с женой...

– Вам не кажется странным то, сеньор, что носильщики избегают общества проводника и его жены? – спросил Матео. – Я же знаю, что племена кампа и пира, как правило, относятся дружелюбно друг к другу.

– Варгас говорил, что этот кампа очень недолго был у него, – ответил Смуга. – Возможно они еще не успели познакомиться?

– У этого кампы слишком мало покорности по отношению к белым. Он даже с вами беседует, как с равным, а ведь вы

выкупили его из рабства...

– Покорность или униженность не принадлежат к положительным чертам характера у людей. Этот индеец держит себя с достоинством, что говорит в его пользу. Как только я выкупил его у Варгаса, я сразу же объявил индейцу, что он и жена свободные люди. Индеец знает, что как только мы поймаем беглецов, он волен уйти от нас куда угодно.

– Вы поступили опрометчиво, сеньор! Надо было все время держать его в неуверенности, относительно дальнейшей судьбы.

– Я и тебе обещал прощение, не дожидаясь пока ты выполнишь все договоренные условия...

– Я знаю это! Однако, что касается индейца, то думаю, Варгас был прав. Он вызвался быть проводником для того, чтобы вернуться к своим!

– Что ж, это его полное право! Я думаю, что на его месте всякий мечтал бы поскорее вырваться из рабства.

– Интересно, правду ли он говорил, утверждая, что подслушивал беседу Кабрала и Хозе?

– Есть доказательства, что он в самом деле знает, куда направились преступники, – ответил Смуга. – Вот уже три дня подряд мы находим их следы! Впрочем, чтобы убедиться окончательно надо подождать всего лишь одну ночь. Завтра убийцы должны быть в наших руках.

– Ах, я вздохну свободно, когда мы снова окажемся в Икитос, – сказал Матео. – Я не верю этому кампа, и не доверяю

индейцам, которых нам выделил Варгас. Это его люди. Следите за ними, сеньор, они постоянно шепчутся друг с другом. Вам не кажется подозрительным то, с какой легкостью Варгас согласился выдать с головой Кабрала и Хозе? А не он ли приказал им бежать от вас?

– Думаю, что он! – согласился Смуга. – Кампа, видимо, расстроил его планы.

– Будьте осторожны, сеньор! Все знают, что у Варгаса длинные руки... Следите за его индейцами, когда мы догоним убийц!

– Спасибо за хороший совет, Матео! Я старался предусмотреть все возможные варианты предстоящих событий. Против нас двое белых и пятеро индейцев. С нами трое индейцев, один кампа, женщина и... ты. Я принимал во внимание даже возможность того, что во время погони за преступниками все вы объединитесь против меня.

На лице метиса появилось выражение удивления, а потом и восхищения. После минутного молчания он сказал:

– Вы необыкновенно отважны, сеньор... Как видно, вы очень уверены в меткости своих револьверов.

– Вполне уверен, Матео! – спокойно ответил Смуга.

– Будьте осторожны, сеньор, и может быть нам удастся выйти целыми и невредимыми из предстоящей стычки...

– Пока что давай отдохнем перед дорогой, – закончил беседу Смуга. – Завтра нас ждет горячий денек!

Смуга лег на подготовленную носильщиками постель из

сухой травы. Вскоре, будто бы во сне, повернулся на бок и из-под сомкнутых век стал наблюдать за поведением спутников. Он никому не доверял. Носильщики были преданы Варгасу. Сам Варгас выделил их и можно не сомневаться, что втайне они получили от него соответствующие указания. От них можно было ожидать всего, даже удара ножом в спину.

Смуга не был уверен и в том, как себя поведет Матео, когда встретится лицом к лицу с прежними сообщниками по нападению. Поэтому Смуга до сих пор не дал ему патронов к винтовке и револьверу. Неизвестно было и то, как поведет себя таинственный кампо. Вот и сейчас все уже крепко спят, один только проводник сидит на бугорке и глядит вдаль, на северо-запад.

Солнце спустилось за вершины гор. Ночная темнота скрыла от людских взоров силуэты гор, выделявшиеся раньше на фоне светлого неба. Лагерь скрывался во мраке, потому что кампа не позволил разводить костры.

Смуга сел на постели, потом осторожно встал. Взял в одну руку винтовку, в другую – патронташ. Совершенно бесшумно подошел к расположенному поблизости дереву и сел под ним на землю, опершись спиной о толстый ствол. Несмотря на ночную темноту, весь лагерь был виден, как на ладони. Смуга чутко прислушивался не крадется ли кто-нибудь к его постели.

Время текло медленно... На небе засияли звезды, потом из-за горной цепи на горизонте показалась луна. Серебри-

стый свет залил лесную глушь.

Смуга прислушался и напряг зрение. К его постели кто-то подходил. Смуга бесшумно поднялся с места, на котором сидел. Лево́й рукой схватил рукоятку револьвера. Сделав несколько прыжков, очутился сзади индейца, склонившегося над его постелью.

– Что тебе надо? – спросил Смуга.

Индеец – это был кампа – выпрямился и повернулся к Смуге. Теперь они стояли лицом к лицу. Смуга придвинулся ближе. Правая рука индейца была спрятана под длинной кусьмой на высоте пояса. Смуга нащупал там кулак, зажатый на рукоятке кинжала.

– Что тебе надо? – повторил вопрос Смуга.

– Ты подкрался ко мне сзади... ответил кампа, стараясь преодолеть дрожь в голосе. – Я хотел разбудить тебя и сказать, что пора двигаться дальше.

– Хорошо. Буди всех.

Кампа повернулся и ушел. Из-за дерева, у которого стоял Смуга показалась фигура широкоплечего человека.

– Вы, сеньор, как я вижу, человек хитрый и бдительный... – шепнул Матео.

– Почему ты не спишь?

– Я совсем не спал этой ночью. Когда стемнело я решил охранять ваш сон. Я подозревал, что кампа придет к вам. Если бы не ваша хитрость, я бы всадил ему нож между ребер. Видать парень в сорочке родился!

– Это была бы страшная ошибка, Матео, – ответил Сму-га. – Если бы ты убил проводника, то мы никогда в жизни не поймали бы беглецов. А может быть, это было бы тебе на руку?

– Не говорите так, сеньор, я думал исключительно о том, как сохранить вам жизнь!

– Я и сам могу постоять за себя. В дорогу!

– Хорошо, сеньор!

Матео ушел и стал подгонять индейцев-носильщиков, а Смуга поднял патронташ, повесил его через плечо и подошел к проводнику, стоявшему на опушке леса.

– Идем, – сказал кампа. – Следи за пирами и метисом, чтобы они не убежали...

– Хорошо, веди!

Кампа и за ним его жена, пошли вперед. Смуга подождал, пока к нему подошли носильщики и Матео.

– Идите следом за мной, – приказал он носильщикам. – Ты, Матео, пойдешь сзади. Если кто-нибудь попытается бежать, стреляй без пардону!

– Хорошо, сеньор!

Конечно, Смуга прекрасно знал, что стрелять Матео нечем, ведь у него нет патронов. Ему надо было только напугать индейцев, которые что-то очень неохотно шли вперед и постоянно стремились очутиться в сторонке.

Луна уже стояла высоко в небе, на котором сияли звезды. Редкие, искривленные, полусухие деревья в блеклом свете

луны приобретали фантастические очертания. Они протягивали, лишенные листьев ветки, похожие на щупальца осьминогов, к идущим гуськом людям, иногда хватали острыми колючками их одежду, тянули ее к себе. К счастью, было довольно светло...

Проводник время от времени останавливался, глядел на чернеющую на горизонте горную цепь, хорошо заметную на фоне светлого неба. Потом снова, не говоря ни слова, шел быстрыми шагами. Иногда ночную тишину нарушал крик хищной птицы.

За всю ночь отряд только один раз остановился на короткий отдых, потом снова двигался вперед до тех пор, пока луна не скрылась за горами. Перед самым рассветом настала непроницаемая темнота. Кампа присел на небольшом бугорке и сказал:

– Подождем здесь, скоро настанет день...

– Хорошо, давай отдохнем, все мы порядком устали, – ответил Смуга.

Они уселись на землю. Сухая, мягкая трава как бы приглашала путников уснуть, но никто не прилег. Носильщики глядели на Смугу исподлобья. Матео тоже помрачнел.

Вскоре на горизонте показалось солнце и рассеяло ночную темноту.

Матео о чем-то размышлял. Его правая рука касалась рукоятки ножа, висевшего у него за поясом. Смуга наблюдал за ним сквозь полусомкнутые веки. Сегодняшний день при-

несет ответ кто из них враг, кому можно доверять.

Смуга отнюдь не преувеличивал опасность. Можно было наверняка сказать, что индейские носильщики сразу перейдут на сторону врагов, как только начнется открытая борьба. Вероятно, сделают они это по прямому приказанию Варгаса, который дал им такие инструкции. В распоряжении Кабрала и Хозе были еще пять, преданных Варгасу индейцев. Можно ли рассчитывать на Матео и кампу?

Проводник встал с места и повел взглядом по горизонту. Повернулся к путникам и сказал:

– Идем!

– Ты не заблудился ночью? – спросил Смуга.

– Пожалуй нет, сейчас мы найдем тропу... Идем! Еще ночью Смуга отметил про себя, что ландшафт местности сильно изменился. Деревья росли совсем редко, трава стала гуще и выше. Теперь, когда взошедшее солнце осветило окрестности, Смуга с любопытством оглядывался вокруг. К северо-западу, вплоть до самого горизонта простиралась слегка всхолмленная, сухая степь. За ночь путники отошли на довольно большое расстояние от горных цепей на востоке, но зато острые вершины гор на западе значительно приблизились. Горные склоны были покрыты лесами.

Кампа замедлил шаг. Стал все чаще вытягивать шею, пытаясь что-то высмотреть в степи. Спустя некоторое время уверенно ускорил шаги.

– Посмотрите, сеньор, там налево видна группа камней! –

воскликнул Матео, нагнав шедшего впереди Смугу.

– Я их заметил тоже! – ответил Смуга. – Наш проводник уже давно направляется к ним.

– Это знак, наверное какой-то знак! – продолжал Матео. Путники быстро подходили к одинокой группе скальных обломков, лежавших среди степи. Кампа приблизился к ним, взглянул и быстро направился дальше. Теперь он взял направление к горной цепи.

Смуга и Матео обошли камни кругом. Они заметили на них какие-то углубления и царапины, но определить сделаны ли они рукой человека, или вырыты природой не могли. Смуга подошел к проводнику и спросил:

– Что говорят знаки на камнях?

– Знаки? – удивленно переспросил кампа. – Ты нашел на них какие-то знаки?

Смуга испытующе взглянул на проводника. Он не мог проникнуть в мысли этого человека с каменно-бесстрастным лицом.

– Ты с самого рассвета искал в степи эту группу камней, а теперь не знаешь, что говорят знаки, высеченные на них? – после минутного молчания спросил Смуга.

– Откуда ты знаешь, что это человек оставил знаки? – вопросом на вопрос ответил кампа. – Может быть их поставило время?

– Кто-то ведь должен был привезти сюда эти камни?

– А ты знаешь, кто принес сюда траву, кусты, а вон там на

горных склонах посадил лес? Эти камни лежали здесь еще тогда, когда отцы моих отцов жили в этом обширном краю.

– Возможно, но ты их искал в степи, и остановился около них.

– Ты прав, я искал их, потому что к западу от этих камней проходит тропа, которая мне нужна, – пояснил кампа. – Я знаю только это, а если на камнях есть какие-нибудь знаки, то никто никогда их не мог прочесть.

– Далеко еще до тропы?

– Уже очень близко. Идем!

– Лжет этот кампа, – вспыхнул Матео. – На этих камнях нет и пылинки. Кто-то принес их сюда, вырезал знаки и постоянно следит за тем, чтобы они не стерлись!

– Если проживешь до заката солнца, то убедишься, правду ли я говорил, – ответил спокойно кампа, бросив на разгневанного метиса презрительный взгляд.

– Ты мне грозишь смертью?

– Замолчи, Матео! Не время теперь ссориться! – резко приказал Смуга, потому что кампа и метис уже схватились за рукоятки кинжалов. – Идем дальше!

Не прошло и часа, как проводник вывел отряд на тропу. Смуга без всякого труда нашел на ней свежие следы двух белых и пяти индейцев. Через некоторое время они нашли и место ночлега беглецов. Вокруг угасшего костра трава еще не успела распрямиться. Пепел еще не остыл.

– Ну, что скажешь, Матео? – спросил Смуга. – Преступ-

ники ушли отсюда не больше часа тому назад. Проводник сдержал данное слово.

– Да, сеньор, вы правы, я готов извиниться за то, что подозревал измену кампы!

Проводник повернулся к метису.

– Мне совершенно все равно, что думает обо мне такая паршивая собака, как ты, – сказал он, не повышая голоса. – Ты не белый и не индеец. Пятно измены на твоём лице от рождения!

Метис посерел от бешенства. Выхватил кинжал из ножен, но кампа не последовал его примеру.

– Если меня убьешь, вы все погибнете, – спокойно сказал он. – Только я один знаю обратный путь... Ты, бледнолицый, если тебе жизнь мила, свяжешь этого паршивого пса!

– Слушай, Матео, если ты еще раз начнешь ссору, я тебе все кости поломаю, – холодно сказал Смуга. – А ты, проводник, не пугай нас, я найду обратную дорогу и без твоей помощи.

– Значит я тебе не нужен? В таком случае, хорошо! Я ухажу! – ответил кампа.

Смуга подошел к индейцу. Положил правую руку ему на плечо, а левой выхватил револьвер из кобуры.

– Выкупив тебя от Варгаса, я сказал, когда ты сможешь свободно уйти, – тихо шепнул Смуга. – Данное слово я сдержу... но помни, что до этого ты должен молчать и слушать. Еще одна попытка к сопротивлению и... я застрелю тебя! А

теперь, веди дальше!

По-видимому, кампа понял, что это была не напрасная угроза; впрочем, возможно на него подействовало напоминание о договоренности, во всяком случае, он молча кивнул головой и направился по тропе, на которой виднелось множество следов оставленных беглецами.

Горная цепь на западе постепенно приближалась. Хотя солнце грело уже довольно сильно, живительный ветерок, веявший с горных вершин умерял жару. Спустя два часа быстрого марша, погоня достигла первых деревьев и путники вошли в предгорные джунгли.

Как только отряд очутился в лесу, Смуга умерил шаги. Теперь надо было внимательно следить за поведением носильщиков и Матео, которые то и дело замедляли шаги. В лесу царила полная тишина, было жарко и душно. Смуга сосредоточенно вглядывался в каждый куст. Пейзаж отличался мрачностью. Среди больших, гладкоствольных и прямых, как мачты, деревьев, росли искривленные карлики, рядом с которыми торчали колючие пальмы. Тропа постоянно терялась в чаще, но все время шла вверх по горному склону.

За одним из поворотов тропы Смуга столкнулся с проводником, который рассматривал что-то лежавшее на земле. Смуга отстранил кампу рукой и остановился, как вкопанный. Поперек тропы лежал индеец. Из спины у него торчал конец тростниковой стрелы, которая пробила его насквозь. Смуга нагнулся и коснулся руки лежавшего, она еще со-

хранила тепло живого тела. Однако несчастный был мертв. Стрела пробила ему сердце. По лицу, покрытому татуировкой, изображавшей двух змей, и раскрашенному красной краской, бегали крупные, красные муравьи.

Смуга встал и взглянул на спутников. Носильщики тихо говорили о чем-то, поглядывая на труп.

– Что они говорят? – спросил Смуга.

– Они говорят, что это один из тех, кто бежал вместе с Кабралом и Хозе, – ответил Матео.

VII

В ЖУТКОМ ЛЕСУ

– Теперь у тебя одним врагом стало меньше, – тихо сказал кампа.

Смуга взглянул на проводника. Индеец оперся руками о свое допотопное ружье и с философским равнодушием смотрел на распростертое тело, лежавшее поперек тропинки.

– Сеньор, носильщики говорят, что такие стрелы употребляют только индейцы из племени кампа, – вмешался Матео.

– Это легко проверить! – ответил Смуга.

С этими словами он подошел к жене проводника, носившей за мужем лук и колчан со стрелами. Как только Смуга протянул к ней руку, женщина быстро отступила на несколько шагов, но муж взглядом успокоил ее. Смуга достал из колчана одну длинную стрелу. Она, как две капли воды была похожа на торчавшую в теле убитого. Смуга вернул индианке стрелу и стал внимательно изучать следы в лесу по обеим сторонам тропинки. Однако ничего подозрительного не нашел и даже не мог определить место откуда была выпущена стрела. По-видимому, стреляли из засады. Никто из беглецов не пытался отыскать стрелка. Следы двух белых и четырех индейцев виднелись только на тропинке, значит ни один

из беглецов не отходил в сторону от нее. Смуга вскоре прервал поиски. У него не было времени на тщательное обследование леса в радиусе двухсот метров, то есть на расстоянии выстрела из хорошего индейского лука. Впрочем, стрелок или стрелки, если их было несколько, могли устроить засаду в густых кронах деревьев, что затруднило бы поиски их следов.

– Нашли что-нибудь, сеньор? – взволнованно спросил Матео.

– Нет, поиски потребовали бы слишком много времени, – ответил Смуга. – А нам надо продолжать погоню.

– Хорошо, сеньор, но эти краснокожие черти могут еще сидеть где-нибудь в засаде на нас, – буркнул Матео, трусливо озираясь вокруг.

– Может быть они сидят на деревьях?

– В путь! – скомандовал Смуга. – Я пойду впереди, за проводником, вы все идите за мной.

Теперь следы беглецов ясно виднелись на тропе. По следам было заметно, что они ускорили шаг. Держа наготове винтовку, Смуга шел тут же за проводником.

В таком порядке они шли около часа. Тропа сначала вела вдоль горного склона, а потом стала спускаться в обширную долину. По мере того, как местность понижалась, лес становился реже, но выглядел мрачнее. Защищенные от ветра горным склоном деревья, высоко поднимали вверх густые кроны. Сплетенные лианами их вершины создавали сплошной

покров, сквозь который едва пробивались солнечные лучи. Поэтому под деревьями почти не было обычного подлеска, так как для него не хватало света. В воздухе стоял характерный для горных лесов запах.

Кампа поднял руку, сделав предостерегающий жест. Путники сразу остановились. Впереди в нескольких шагах кто-то лежал поперек тропы. Смуга жестом потребовал молчания и сделал несколько шагов вперед. Он шел медленно, держа палец на спусковом крючке винтовки. В глубине леса раздался душу раздирающий крик какой-то птицы. Смуга остановился, прислушался, но вокруг снова воцарилась полная тишина. Шаг за шагом Смуга подходил к лежавшему человеку, который судорожно сжал руками стрелу, торчавшую у него с левой стороны груди, словно пытался ее вырвать. В широко открытых глазах мертвеца застыло выражение ужаса. По татуировке на лице можно было судить, что новая жертва, как и прежняя, принадлежала к племени пира.

Смуга стал осторожно осматривать местность по обеим сторонам тропы. Вдруг он увидел еще один труп индейца из племени пира. По-видимому, когда стрела попала в его товарища, он пытался скрыться в лесу. Возможно, что во время бегства он наткнулся на ствол дерева, которое еще и теперь судорожно обнимал руками, стоя на коленях у его подножия. Длинная стрела, конец которой торчал из его спины, пришила его к дереву.

Смуга вышел на тропинку и позвал остальных. Вид новых

трупов поразил всех и вызвал испуганные разговоры. Только кампа и его жена хранили полное молчание.

– Сеньор, мы все лезем в засаду, – горячился Матео. – Кругом нас прячутся проклятые кампо!

– Не иди туда! Там смерть! – советовали носильщики. – Все погибнем...

Смуга слушал предостережения и советы, а сам не спускал глаз с проводника. В конце концов, он потребовал молчания и обратился к проводнику:

– Что ты нам посоветуешь?

Индеец не смутился под испытующим взглядом Смуги.

– Ты хотел схватить двоих белых, я готов идти дальше.

Вскоре ты их увидишь!

– Ты в этом уверен? Ведь мы можем в любой момент погибнуть, как погибли эти два индейца!

– Только смерть может освободить индейца из рабства белых, – ответил кампа. – Ты заплатил за меня и обещал свободу с условием, что я помогу тебе найти тех белых. Индейцы всегда держат данное слово. Идем, я готов!

Смуга раздумывал, как ему поступить, в этом случае. Сам он уже давно решил преследовать беглецов не взирая на возможность собственной гибели. Но не мог рисковать жизнью своих спутников. Он пожалел даже Матео, который так подло поступил с Никсонами. После нескольких слов раздумья, он сказал:

– Послушай, Матео! Сумеешь ли ты дойти до тех камней

в степи?

– Да, сеньор, для этого достаточно идти по нашим следам.

– Прекрасно! Бери с собой носильщиков и возвращайся обратно. В степи у камней сделаете бивак. Если завтра до заката солнца я не приду к вам, вернешься в лагерь на Путьмайо и расскажешь Никсону обо всем, что здесь произошло. Пусть он меня не ищет, потому что если я не приду к вам завтра – значит меня нет в живых. Ты проводник, тоже мне больше не нужен. Можешь возвращаться с женой вместе с Матео, можешь идти куда сам пожелаешь. Ты хотел получить свободу. Ты ее получил с этого дня. Не проклинай всех белых, многие из них уважают всех людей независимо от цвета кожи. Матео, помоги мне упаковать немного продовольствия и отправляйтесь в путь. Постарайтесь как можно скорее выйти из этого леса.

Путники, пораженные словами Смуги, молчали. Даже всегда невозмутимый проводник и тот, казалось, был взволнован. Первым пришел в себя Матео. Он подошел к Смуге и недоверчиво спросил:

– Вы в самом деле позволяете мне уйти, сеньор, или только хотите меня испытать?!

– Не теряй времени на глупые вопросы! – ответил Смуга. – Отправляйся назад, да поскорее! Возьми с собой патроны к винтовке и револьверу. Они здесь, в мешке.

– Сеньор, значит ли это, что вы простили мне все что было?

– Да, Матео, я верю, что больше ты не совершишь подлости.

– Вы не разочаруетесь во мне, сеньор. Я вам сейчас докажу это. Вы сказали, что только подлец бросает товарищей в минуту опасности. Я плохо поступил там, на Путумайо, но я не трус. Иду с вами! Или погибнуть вместе, или вместе спастись!

– Это совершенно напрасно! Ведь ты не отведешь от меня стрелу, пущенную из засады. Одному мне даже легче будет уйти.

– Я пойду с вами! – упрямо ответил Матео.

– Как хочешь, я не желаю твоей гибели! А вы что? Уходите!

Носильщики молча скрылись в лесу.

– Почему ты не ушел с ними? – обратился Смуга к проводнику.

– Ты великодушно отпустил меня на свободу, – ответил проводник. – Ты странный белый человек! Я останусь с тобой... до конца!

– Уходи и возьми с собой жену. Ты обязан спасти ее!

– Не беспокойся о ней, она сопровождает меня всегда, даже на тропе войны. Идем, время не терпит!

Они сделали несколько шагов вперед, как вдруг в лесу сзади них послышались крики ужаса.

– Напали на носильщиков! – воскликнул Матео. Смуга повернулся, чтобы бежать на помощь, но проводник остановил

его, схватив за руку.

– Стой! Ты опоздал уже... – сдавленным голосом сказал кампа.

Крики в лесу утихли. Снова воцарилась тишина.

– Мы окружены... – шепнул Матео.

– Да, пути отступления отрезаны! – сказал Смуга. – Послушай, проводник! Куда ведет эта тропа?

– В долину, лежащую впереди.

– То есть, прямо на запад?

– Да!

– Хорошо, теперь я поведу вас. Идите за мной! Смуга сошел с тропы и направился в чашу леса. Сделав несколько шагов в сторону, он повернул на запад. Теперь они шли параллельно тропе, которую стерегли невидимые враги. Хотя Смуга не считал, что, таким образом, ему удастся избежать засады, но пытался этим маневром заставить врагов изменить тактику и выйти из укрытия.

Быстро шагая, Смуга размышлял над создавшимся положением. Он уже был уверен, что Матео не предаст его, но перестал доверять проводнику. Слишком уж смело шел индеец по жуткому лесу. Неужели он знал, что ему смерть не грозит? Молчал, когда Смуга отправлял носильщиков. По нему было видно, что он удивлен убийством индейцев из племени пира. Все это было очень странно. В одном можно было не сомневаться: кампа ненавидел белых и презирал метиса, с которым теперь шел рука об руку.

Прошло довольно много времени, но нигде не было признаков невидимых врагов. Смуга понимал, что быстрый поход по бездорожью затрудняет погоню и окружение. Вдруг откуда-то с правой стороны послышались револьверные выстрелы.

– Это Кабрал и Хозе стреляют по индейцам! – воскликнул Матео.

Смуга повернул по направлению к тропе и во весь опор побежал к месту откуда слышались выстрелы. Он не успел даже оглянуться на спутников. Правда, выстрелы скоро прекратились, но вместо них Смуга слышал крики о помощи.

Держа винтовку в руках, Смуга выскочил на тропу. Быстро нашел человека, звавшего на помощь. Он лежал на левом боку под деревом, опираясь спиной о его ствол. Это был белый. Смуга присел около него на корточки.

– Это ты гнался за нами, правда? – спросил раненый, и на его давно небритом лице появилась гримаса боли.

Смуга говорил по-испански. Поэтому прекрасно понял слова раненого и ответил:

– Я преследую убийц Джона Никсона. По-видимому, ты один из них?

– Я не убил Никсона... Это Кабрал стрелял в него, а теперь... в меня.

– Тебя зовут Хозе, да?

Раненый утвердительно кивнул головой. По всему было видно, что спасти его не удастся.

– Я попытаюсь остановить кровотечение, – сказал Смуга, обнажая раненому грудь.

– Оставь меня... я умираю...

– Что произошло между вами, почему Кабрал стрелял в тебя? – спросил Смуга.

Собрав последние силы Хозе ответил:

– Погибли все индейцы. Я хотел вернуться... – пояснил он. – Я предпочитал попасть в твои руки, чем погибнуть от индейской стрелы. Но Кабрал знал, что ты заплатишь ему за Никсона... Назвал меня предателем и стал стрелять. Сам пошел дальше...

Матео и проводник, которые прибежали вслед за Смугой, тоже нагнулись над умирающим. Они слышали его признание. Хозе глубоко вздохнул и приподнял голову. Невольно взглянул на индейца. На мгновение в его глазах появился блеск ненависти, но скоро погас.

– Это тот кампа, который послал нас сюда, чтобы спасти от тебя... – воскликнул Хозе. – Будь проклят! Это он послал нас в эту ловушку!..

Голова Хозе упала на грудь. Он умер.

– Значит я был прав! – крикнул Матео. – Это он подстроил все – Сгубил нас и их! Он в заговоре с дикими кампо. Погибни и ты краснокожий дьявол!

Матео вырвал из-за пояса револьвер. Смуга подскочил к нему и подбил руку вверх, но несмотря на это пуля попала в цель. Проводник упал на землю. В тот же миг Матео глухо

застонал и упал на руки Смуге. Это жена проводника вогна-
ла в спину Матео нож по самую рукоятку. Удар пришелся
прямо в сердце.

Смуга положил метиса на землю и прошептал:

– С ума посходили все в этом жутком лесу... Индианка
стала на колени рядом с мужем. Он еще жил. Смуга достал
из мешка вату и бинты. Сделал раненому перевязку.

– Рана, пожалуй, не смертельна, позови своих... – обра-
тился он к индианке. Взял винтовку и пошел по тропе вниз
по склону.

В лесу снова воцарилась полная тишина. Смуга, казалось,
забыл об индейцах, поджидавших его в чаще леса. Отыс-
кал на тропе хорошо заметные следы последнего беглеца. Он
знал теперь, что скоро его догонит.

Некоторое время Смуга непрерывно ускорял шаги, но
скоро почувствовал сильную усталость. Не доверяя спут-
никам, он не спал уже много ночей подряд, а последние
несколько часов ни на минуту не прерывал преследования.

Неожиданно Смуга увидел на тропе Кабрала, который на-
ходился не больше двухсот шагов впереди. Вероятно, он то-
же сильно устал, потому что время от времени прекращал
бег и останавливался, чтобы передохнуть. Ежеминутно огля-
дывался назад.

Смуга решил закончить эту сумасшедшую погоню. Прав-
да, он мог в любой момент послать вдогонку беглецу пулю из
винтовки, но он не привык стрелять в спину врагу. Понял,

что в данном случае винтовка является лишней обузой. Без колебания бросил ее в лес. Достал из кобуры револьвер, всунул его за пояс от брюк, снял и отбросил второй револьвер вместе с поясом и кобурой. Почувствовал облегчение. Побежал вслед за Кабралом. Вскоре почти нагнал его. Услышал даже тяжелое, прерывистое дыхание беглеца.

Кабрал оглянулся и увидел Смугу. В его руках блеснул револьвер. Раздался выстрел. Промахнулся! Выстрелил еще раз и снова мимо! В ужасе Кабрал бросился в лес, пытаясь скрыться между деревьями.

Смуга побежал за ним.

Сначала Кабрал, которому как будто вернулись силы, сумел увеличить расстояние между собой и преследователем, но не на долго. Усталость снова с двойной силой охватила его. Среди деревьев открылась небольшая полянка. Шатаясь, Кабрал выбежал на открытое пространство. Поскользнулся и упал. Тяжело поднялся. Повернулся к Смуге лицом. Он решил просить его сжалиться, но, как только увидел Смугу, выскочившего из леса на поляну, надежда снова вступила в его сердце. У Смуги не было винтовки и не было пояса с револьверами. Преследователь безоружен! Усталость помешала Кабралу заметить рукоятку револьвера, торчавшую у пояса Смуги. Кабрал собрал все силы. Поднял револьвер, пытаясь совладать с дрожью в руке.

Смуга впился глазами в противника и медленно шел к нему.

Кабрал нажал курок.

Пуля прошла на палец от головы Смуги. Он остановился. Не доставая револьвера, сказал:

– Бросай оружие! Все равно не попадешь, у тебя дрожит Рука.

Только теперь Кабрал заметил, что у Смуги есть револьвер. Побледнел как полотно. В тавернах Манауса ему приходилось много слышать о невероятной меткости Смуги в стрельбе. Ужас перед неотвратимой смертью охватил Кабрала. Волосы встали дыбом у него на голове. Сдавленным голосом Кабрал попросил:

– Не убивай меня!

– Пойдешь со мной в Манаус! Ты и Альварес расплатитесь за содеянные преступления, – ответил Смуга. – Брось оружие!

В этот момент над головой Смуги просвистала длинная тростниковая стрела и глубоко впиалась в грудь Кабрала. Он пошатнулся и с глухим стоном повалился на землю.

Зловещая тишина окружила Смугу. Он знал, что пришел его конец. Он не боялся смерти, чувство страха было всегда чуждо Смуге. В эти последние минуты жизни он вспомнил своих друзей... Увидел серьезное лицо Томека, его жену, добродушного Новицкого и других... Улыбнулся своим воспоминаниям.

Вдруг Смуга инстинктивно почувствовал, что он не один на поляне. Открыл глаза. Лица друзей исчезли, как пламя за-

дутой свечи, минутная слабость прошла. Он спокойно смотрел на полунагих воинов, которые окружали его со всех сторон. Их тела и лица были раскрашены самым фантастическим образом. На головах они носили короны, сплетенные из лиан. В руках держали длинные, черные луки, на тетивах которых лежали длинные, оперенные стрелы.

Всякое сопротивление было бесполезно. У Смуги был револьвер, и он мог бы застрелить нескольких индейцев, но это ведь не изменило бы его положение. Остальные кампы все равно поймали бы его. Кроме того, Смуга не чувствовал вражды к краснокожим воинам. Он понимал, что их ненависть к белым была вполне обоснована. В нем они видели белого человека, который столько несчастья принес их стране.

Ожидая смертельного удара, Смуга достал из кармана трубку, набил ее щепоткой табака и закурил. Когда он выпустил в воздух первый клуб дыма, индейцы крепче натянули тетивы луков. Десятки длинных стрел были направлены в грудь Смуги.

VIII

ПРИЕЗД ТОМЕКА В БРАЗИЛИЮ

– Посмотрите-ка, дорогой капитан, наш Томек так всматривается в воду, как индейский факир в змею, которую собираются заморозить! – воскликнула Салли и, обращаясь к мужу, шутливо добавила: – Не высовывайся за борт так далеко, мой милый, а то еще упадешь в воду!

– Ах, я всегда говорил, что из Томека будет хороший моряк, – сказал капитан Новицкий. – Мы уже три недели, как находимся на корабле, а ему все мало моря! Не мешай ему, голубушка, пусть насмотрится. Мы так дорого заплатили за билеты в Южную Америку, что не стоит мешать ему смотреть в морскую воду, которую он так полюбил!

Не глядя на жену и приятеля, Томек ответил:

– Для Салли всякая вода, только вода, а вам – я удивляюсь! Посмотрите-ка внимательно на океан и вы перестанете подшучивать надо мной.

Новицкий подошел к борту, у которого стоял Томек. Едва лишь взглянул на воду, потрепал Томека по плечу и сказал:

– Ну и ну, ты, браток, не плохой знаток! Хорошая новость!

Заинтересованная словами капитана, Салли тоже подошла к борту и взглянула на воду, но через минуту разочарованно сказала:

– Ничего особенного там нет! Вы, как видно, хотите подшутить надо мной!

– Посмотри еще раз! – посоветовал Новицкий.

– Ничего не вижу, кроме мутной, желтоватой воды!

– А какой цвет воды в океане был вчера во время заката солнца? Ты так восхищалась тогда! – продолжал спрашивать Новицкий.

– Ты даже сказала, что хотела бы иметь платье такого цвета, – добавил Томек.

Салли всплеснула руками и воскликнула:

– Да, да, я теперь вспомнила! Вода была серебристо-голубого цвета.

– А каков сегодня цвет воды? – продолжал спрашивать Новицкий.

– Грязно-желтый!

– Наконец-то, сообразила! – насмешливо буркнул Томек. – Ты все еще считаешь, что не стоило интересоваться водой в океане?

– Гм, вас интересует изменение цвета воды? А что это значит?

– А то, что нас приветствует Амазонка! – весело ответил Новицкий.

– Неужели мы в самом деле уже в Бразилии?!

– Пока что только одной ногой, голубушка! Мы находимся в каких-нибудь трехстах-четырехстах километрах от материка, но плывем уже по водам Амазонки, – сказал моряк.

– Да, да, моя дорогая! – сетовал Томек. – С тех пор как ты занялась археологией⁶¹, с географией стала не в ладах!

– А вот и нет! Хитрые вы оба, как я посмотрю. Сперва заговариваете мне зубы насчет платьев, а потом смеетесь над моими слабыми знаниями по географии.

– Видишь, браток, мы получили сполна! – смеялся капитан.

– Сейчас я вас совсем пристыжу, потому что я уже все вспомнила. Слушайте! Амазонка – царица рек – вытекает из Кордильер на территории Перу. Протяженность реки, считая вместе с Мараньоном превышает шесть тысяч километров, то есть Амазонка по длине – третья река на Земле, а что касается площади бассейна, то – первая⁶². Ну-с, что вы теперь скажете?

– Я могу к этому добавить то, что в огромном бассейне Амазонки свободно поместятся бассейны Нила и Миссисипи вместе взятые. Бассейн Амазонки с притоками занимает по крайней мере половину площади всего Южно-Американского континента. Через Риу-Негру и Касикьяре одну из са-

⁶¹ **Археология** – наука, изучающая прошлое человечества по вещественным памятникам.

⁶² Три самые длинные реки на Земле: Нил в Африке, длина его 6671 км, бассейн – 2870 кв. км. (включая реку Кагеру); эта последняя после выхода из озера Виктории приобретает название Голубой Нил; Миссисипи в Северной Америке, которая вместе с Миссури течет на длине 6418 км. с бассейном – 3275 кв. км. и Амазонка длиной (вместе с Мараньоном) – 6400 км. с бассейном 7180 кв. км.

мых известных в мире бифурцирующих рек⁶³, Амазонка бифурцирует с Ориноко, причем во время паводков через реку Гуапоре соединяется с бассейном Парагвая. О том, какое количество воды поступает из Амазонки в Атлантический океан⁶⁴ лучше всего свидетельствует факт, что река опресняет воды океана на расстоянии около трехсот километров от материка, а выносимый водами ил меняет цвет воды в океане, которая вместо обычного серовато-голубого приобретает желтый цвет.

– Короче говоря, мы подходим к берегам Бразилии, – перебил Новицкий, который, зная любовь Томека к географии, испугался, что лекция на тему об Амазонке протянется слишком долго.

– Итак, мы скоро увидимся со Збышеком и Наташей, и может быть даже со Смугой, – обрадовалась Салли.

– Как знать, голубушка, как знать! Может быть будет потвоему, – ответил Новицкий. – Мне трудно поверить, чтобы такой опытный путешественник, как Смуга, не выкарабкался даже из весьма опасного положения!

– Я тоже не могу себе это представить, – сказал Томек. – Бывало уже, что Смуга исчезал на длительное время.

⁶³ Бифуркацией называют разделение реки на несколько протоков, из которых одна вливается в систему другой реки. Бифурцирующие реки, как правило, встречаются в низменных местах, при очень малом уклоне течения. Изменение направления течения зависит от уровня воды, количества осадков, направления ветров и т.п.

⁶⁴ Годовой расход воды в Амазонке составляет 3,8 куб. км.

– Твоя правда, Смуга любит идти по своей дорожке, – ответил капитан. – Помнишь, как мы боялись за него, когда он вызвал нас в Индию? Мы уже думали, что с ним конец, а нашли его целого и невредимого в монастыре в Кими, откуда он повел нас в глубину Азии⁶⁵.

– Ах, если бы и теперь было так же, – вздохнул Томек. – Может быть Збышек и Наташа слишком поспешили с вызовом нас на помощь?

– Если в Манаусе застанем Смугу целого и невредимого, я на Збышека и Наташу не буду обижаться, – ответил капитан. – Мы давно не видели их. Обнимемся, побеседуем и отправимся восвояси к твоему папаше!

– Папа, наверное, очень волнуется, – сказала Салли. – Он так хотел ехать с нами на помощь Смуге!

– Верно, голубушка, но ему нельзя было не закончив работу, оставить Гагенбека с носом. Контракт – дело нерушимое! Как говорится – взялся за гуж, не говори, что не дюж! Неустойка разорила бы нас вконец, как пить дать!

– Вот это-то и помешало папе выехать с нами, – вздохнул Томек. – Для спасения Смуги он бросил бы все на свете, если бы мы могли покрыть неустойку по контракту. А так мы еле-еле уговорили Гагенбека отпустить нас с вами, капитан.

– А может быть, это к лучшему? – буркнул капитан. – Не очень благоразумно бросать за борт все спасательные круги!

⁶⁵ Речь идет об экспедиции в глубину Средней Азии, описанной в книге «Томек ищет Снежного Человека».

– Что вы хотите этим сказать, капитан? – спросила Салли.

– Подумай хорошенько и поймешь! – ответил Новицкий. – Если в Манаусе Смуги не застанем, нам придется отправиться в Перу на поиски.

– Это я знаю! Ведь за этим-то мы и едем в Бразилию! – возмутилась Салли.

– Не горячись так! – упрекнул ее Новицкий. – Если Смуга не вернулся в Манаус, значит он исчез в дикой стране. Если это могло случиться с таким опытным путешественником, как Смуга, то с нами и подавно может так случиться. Тогда твой уважаемый свекор, голубушка, поднимет паруса и поплывет нам на помощь. Поняла теперь?

– Я вижу, капитан, что вы принимаете во внимание различные возможности, даже... самые худшие, – опечалилась Салли.

– Только желторотые щенки рассчитывают на то, что постоянно будут дуть попутные ветры!

Они умолкли и в задумчивости наблюдали за чайками, которые с жалобными криками носились вокруг судна. Спустя некоторое время Новицкий прервал молчание, говоря:

– Птички проголодались, да и у меня в брюхе кишки играют зорю. За питание мы заплатили, поэтому идем на завтрак. Ничто так не влияет на настроение, как хорошая еда и стаканчик ямайского рома!

В столовой, во время завтрака, наши путешественники обменялись мнениями насчет плана действий на ближайшее

время, потому что скоро они должны были оставить «Полярную звезду», на которой проделали путь из Европы в Южную Америку.

– Ну, кончаются удобства путешествия, – говорил капитан Новицкий. – В Белен ду Пара⁶⁶ придется пересесть на речное судно. А на них, как правило, пассажиров бывает как сельдей в бочке! Хватает там и темных личностей.

– А мне говорили, что по Амазонке могут плавать даже океанские суда, – вмешалась Салли. – Мы сэкономили бы массу времени, если бы наш корабль шел прямо в Манаус.

– Ничего невозможного в этом нет. Корабли водоизмещением до 5000 тонн могут свободно проходить до порта в Манаусе, а в 3000 – даже до Икитос, в Перу. К сожалению, однако, «Полярная звезда» заканчивает рейс в Белене!

– Почему вы думаете, что в Белене мы можем встретить много темных личностей? – любопытствовала Салли.

– Не только в Белене, голубушка. И в Бразилии, и в Перу все еще продолжается каучуковая лихорадка. Каучук теперь – это черное золото Южной Америки. Несколько лет назад мне пришлось побывать в Белене. Один тип, который искал счастья в джунглях Амазонки, говорил мне, что каучуковая лихорадка доводит людей до еще большего сумасшествия,

⁶⁶ **Белен ду Пара** (прежнее название – Санта-Мария-ди-Белен-ду-Гран-Пара, то есть Святая Мария Вифлиемская из Гран-Пара) – столица штата Пара и одновременно крупнейший город Северной Бразилии. Город основан в XVIII веке, славится многими памятниками старины. Число жителей в 1967 г. составляло 546 тысяч человек.

чем золотая в Калифорнии, на Аляске и в Клондайке⁶⁷.

– А вы сами бывали в стране, охваченной золотой лихорадкой? – продолжала спрашивать Салли.

– Бывал на Аляске. Мы шли туда с грузом муки. На берегах Юкона старатели гибли от голода, как мухи. За продовольствие платили чистым золотом. Впрочем, самая большая опасность грозила там тем, кому посчастливилось напасть на золотую жилу.

– В Бразилии, пожалуй, дела обстоят несколько лучше?!

– Лучше? Ничего подобного, Бразилия это настоящий ад! Тип, о котором я говорил, чудом унес ноги из лагеря сборщиков каучука в джунглях Амазонки. Ему пришлось там два года работать как каторжнику. Прямо таки рабство и разбой на большой дороге!

– Что за ужасы вы рассказываете, – сказала Салли. – Если так обстоят дела, то не могу понять почему Смуга согласился туда поехать, да еще прихватил с собой Збышека и Наташу?

⁶⁷ **Калифорния**, штат на западе Соединенных Штатов Северной Америки, примыкает к Тихому океану. Третий по величине штат после Аляски и Техаса. Общая площадь штата 411015 кв. км. В 1840 году в Калифорнии близ Коломбо были открыты золотые россыпи. Во время золотой лихорадки всего лишь за два года, в Калифорнию приехали 90 000 человек. **Аляска** была открыта русской экспедицией в 1741 г., в 1867 г. продана русским царем Америке за 7,2 миллиона долларов. Площадь Аляски составляет 1 519 000 кв.км., то есть она принадлежит к числу крупнейших по площади штатов США. В 1896—1902 годах на Аляске были открыты месторождения золота. **Клондайк** – провинция в Канаде в центре западной части территории Юкон. В Клондайке близ местности Бонанза-Крик в 1896 г. было найдено золото. В течение одного года в Клондайк приехали свыше 30000 человек золотоискателей, в основном из США.

– Смуга на своем веку уже повидал виды. Он не впервые встречается с опасностью. А молодоженов он, наверное, не послал в опасное место, сама в этом убедишься, когда приедем,

– Я тоже в этом уверен, – вмешался Томек. – Ах, чтобы только нам не пришлось долго добавить парохода, направляющегося вверх по Амазонке. Уже и без того слишком много времени прошло от исчезновения Смуги!

– Думаю, что какая-нибудь оказия встретиться, нам подвернется. Уж я там разнюхаю, – ответил капитан. – Стойте, сколько же времени прошло от исчезновения Смуги? Дай-ка сюда письмо Збышека и Наташи!

– Письмо я знаю наизусть, – сказал Томек. – Смуга выехал из лагеря на берегу Путумайо в конце июня. Письмо, высланное в октябре мы получили в ноябре. Теперь осталась только неделя до рождества⁶⁸. Это значит, что от Смуги нет никаких известий уже около шести месяцев.

– Действительно, прошло уже много времени! – озабоченно сказал Новицкий.

– Нечего и мечтать о том, чтобы найти какие-нибудь следы, – огорченно заметила Салли.

– Да, на это надеяться никак нельзя, – согласился Томек. – За это время там даже переменялось время года. Смуга отправился в поход в сухую пору года, делящуюся там с апреля по октябрь, а теперь в тех местах уже два месяца продолжа-

⁶⁸ Христианский праздник Рождества Христова приходится на 25 декабря.

ется период дождей, то есть зима. На Амазонке и ее притоках теперь паводок, и значительная часть Амазонии находится под водой.

– Это не мешает нам снарядить спасательную экспедицию? – еще более озабоченно спросила Салли.

– Скорее затруднит сбор сведений. Во время паводков люди и животные перебираются на возвышенные места, отдаленные от берегов рек. Поэтому трудно будет найти тех, кто может кое-что рассказать нам о Смуге. Что касается самой экспедиции, то она будет, пожалуй, облегчена, потому что в бассейне Амазонки легче всего путешествовать на лодках. Видишь ли, Амазонка большую часть года выступает из берегов, и заливаet многие районы. Это происходит потому, что период дождей в северном полушарии не совпадает с таким же периодом в южном. Поэтому паводковые воды сначала начинаются на левобережных притоках, а потом – на правобережных⁶⁹.

– Ты, Томми, молодец! – воскликнула Салли. – Никогда не был в Бразилии, а все о ней знаешь! Мы преодолеем все препятствия. Ты и капитан наверное справитесь со всеми трудностями!

Говоря это, Салли подарила обоим друзьям ослепительную улыбку. Великан Новицкий от удовольствия даже глаза

⁶⁹ Паводки на Амазонке бывают два раза в год, причем уровень воды в реке повышается на 15—20 метров. Большие паводки бывают в период февраль-июнь, меньшие – с октября по январь.

зажмурил, а Томек покраснел – ведь он, как и капитан, был очень чувствителен к похвалам всякого рода.

Два дня пролетели, как один миг. Они готовились выйти на берег после длительного морского путешествия, посещали Динго, который находился в помещении отведенном для животных, строили разные гипотезы насчет судьбы Смуги, и разрабатывали планы дальнейшего путешествия. На третий день, почти с самого рассвета, они находились на верхней палубе, потому что на западном горизонте уже виднелась синеватая полоса берегов Бразилии.

Чуть заметная сначала полоса, стала постепенно разрастаться, увеличиваться, принимать все более ясные очертания, пока, наконец, около полудня северное побережье Бразилии предстало перед путешественниками во всей своей тропической красе. Мощные океанские волны с глухим шумом перекатывались через береговые мели, а потом, брызгая белой пеной, мягко растекались по золотистому песку широких пляжей. В других местах волны с бешенством врывались в чащу мангрового леса, ограждающего джунгли от уничтожающих ударов океанских волн. Здесь и там виднелись султаны кокосовых пальм. Качаясь на ветру, они словно приглашали путников, прибывших с противоположного берега неизмеримого океана, в глубину живописного и одновременно таинственного материка.

– К нам подходит какое-то судно! – воскликнула Салли. – По-видимому, на его борту лодман!

– Конечно, скоро мы примем его на борт, – подтвердил Новицкий.

– Значит, мы уже на водах Амазонки? – удивленно спросила Салли. – Ведь впереди нас все еще простирается океан и противоположного берега реки нет!

– Протока Амазонки, в которую мы теперь входим насчитывает около шестидесяти километров ширины, – спокойно заметил Томек.

– Так это только протока реки? – изумилась Салли.

– Совершенно верно, голубушка, ширина Амазонки в устье, считая дельту, достигает трехсот километров. Это самая широкая река на земном шаре, – добавил Новицкий.

– Видишь ли, Салли, устье Амазонки похоже на огромную воронку разбитую на части протоками, между которыми образовались острова, – продолжал Томек. – Эта воронка тянется в глубину материка на триста пятьдесят километров от берегов Атлантического океана. Я не вполне уверен, но кажется устье Амазонки делится на три рукава?

– Верно, ты не ошибся, именно на три! – подтвердил Новицкий. – Северный проток называют Каналом ду Норте, центральный – Канал ду Суль и южный – Пара.

– А мы по какому рукаву пойдём? – спросила Салли.

– Главный путь для морских судов ведет по южному рукаву, отделяющему от материка остров Маражо⁷⁰. Северный

⁷⁰ **Маражо**, крупнейший речной остров на земном шаре; площадь острова составляет ок. 48 тыс. кв. км. Остров расположен в устье Амазонки, между двумя

и южный протоки опасны для плавания.

Друзья прервали беседу. На прибрежных водах показались несколько необыкновенно странных лодок, сплетенных из гибких веток или тростника. По внешнему виду они напоминали огромные продолговатые, плетенные корзины для белья, суженные по концам. Лодки были оснащены большими, светло-голубыми или оранжевыми, треугольными парусами. Томек и Салли с любопытством рассматривали лодки в бинокли, потому что, по уверениям Новицкого, такие лодки служили рыбакам для ловли рыб вдоль всего побережья, от Ресифи до Амазонки⁷¹.

Тем временем «Полярная звезда» под командованием лоцмана смело шла по протоке. Однако ничто не указывало на то, что судно идет по реке, а не по морю. Поэтому немного разочарованная Салли, сказала:

– Противоположный берег все еще не виден. А волны такие все крупные, как и в океане.

протоками реки: Канал ду Суль и Пара. Отличается низменной, кое-где болотистой территорией, в западной части острова растут тропические леса. Число жителей в 1950 году составляло 124,3 тыс. человек.

⁷¹ **Ресифи** (прежде Пернамбуко) – важный морской порт и город, столица штата Пернамбуко в восточной Бразилии. Город частично расположен на материке, частично на полуострове и острове, омываемых водами лагуны, образованной двумя реками. Ресифи самая восточная точка Южной Америки. В 1970 г. в городе насчитывалось 1046,4 тысяч жителей. Ресифи – крупный центр вывоза сахара, хлопка и кож. Город основан португальцами в 1535 году, сначала на полуострове, а потом голландцы расширили город, заняв также и остров. Районы города, расположенные на материке принадлежат к самым благоустроенным.

– Не удивляйся этому, противоположный берег находится от нас так далеко, что совсем скрывается за горизонтом, вдобавок мы теперь идем на приливной волне, – пояснил Новицкий. – Во время приливов Амазонка и Океан воюют друг с другом.

– Не понимаю, как это – воюют?

– Мощная Амазонка на сотни километров врывается в Атлантический океан, но во время прилива Океан гонит обратно в Амазонку огромную массу воды. Поэтому в Атлантическом океане мы шли по водам Амазонки, а на Амазонке – по водам океана. Во время прилива высокая волна подпирает воды реки, заливают и уничтожают все, что стоит на ее пути. Приливная волна проникает по Амазонке в глубь континента на расстояние семисот пятидесяти километров, то есть до города Обидус, лежащего на половине пути из Белена в Манаус.

– Неужели это в самом деле так? – спросила Салли.

– Загляни в любой учебник географии и перестанешь сомневаться в правде слов капитана, – весело вмешался Томек. – Поророка, как называют приливную волну в Бразилии, повышает уровень воды в Пара почти на три метра.

– Ты прав, браток, только надо добавить, что в Канал ду Суль и в Канал ду Норте приливная волна бывает выше и сильнее. Вот поэтому-то корабли ходят главным образом по протоке Паря

– Скажите мне, мои дорогие, удастся ли нам сегодня вы-

садиться в порту Белен?

– Белен находится в ста сорока километрах в глубине дельты, и мы придем в порт только завтра на рассвете, – ответил Новицкий.

К вечеру на пути судна стали то и дело попадаться многочисленные, покрытые джунглями небольшие острова. В чаще тропической зелени виднелись домики с крутыми крышами, построенные на довольно высоких сваях. Судно все чаще встречало примитивные лодки туземцев.

Салли и Томек с интересом любовались видами Амазонки. Они не захотели даже идти в столовую на обед. К удовольствию голодного Новицкого вскоре, однако, пошел сильный дождь, который согнал всех с палубы в каюты. Ведь стояла бразильская зима, во время которой ливневые дожди идут почти ежедневно после полудня.

На следующий день утром «Полярная звезда» вошла в рейд Беленского порта и вскоре пришвартовалась к каменной пристани порта Белен ду Пара, который зовут иначе «Воротами Амазонки».

IX НА АМАЗОНКЕ

Очутившись в Белене, трое друзей наняли номера в гостинице в новой части города. Не успев даже как следует умыться с дороги, капитан Новицкий отправился в порт, чтобы разузнать какие суда отплывают в ближайшее время вверх по реке. Томек и Салли решили прогуляться по городу.

Белен, впрочем, как и Манаус и Икитос, принадлежит к числу тех крупнейших городов, расположенных на берегах Амазонки, которые выросли на волне каучукового «бума»⁷². В порт Белена ежедневно прибывали суда с грузом каучука, собранного в глубине болотистых джунглей, и отсюда «черное золото» Бразилии отправлялось дальше – в широкий мир. В современном районе города помещались конторы многих каучуковых предприятий и банков. Порт был как бы естественными «воротами» Амазонки. Все желающие выехать в глубину континента должны были обязательно начинать путешествие в порту Белен, потому что в этой части Бразилии нет других путей сообщения, кроме многочисленных рек.

⁷² Кратковременное повышение спроса и цен на какой-нибудь товар на капиталистических рынках. Большой частью вызывается искусственно для спекулятивных целей.

Рядом с блестящим от чистоты и богатства европейским районом города, простирался старый город с грязными и нищими крутыми улочками и переулками. Томек и Салли начали ознакомление с городом с набережной реки, вдоль которой расположились постройки европейского города. Именно здесь находились торговые дома, конторы предприятий, учреждения, гостиницы, роскошные рестораны, кафе и пышущие великолепием магазины, привлекавшие покупателей витринами, заполненными различными товарами.

Впрочем, эта часть города не очень интересовала Томека и Салли. Поэтому они бегло осмотрели широкие, чистые бульвары, скверы и площади и направились в сторону старого города, построенного еще во время колониального завоевания Бразилии. Здесь преобладали массивные, белые дворцы, мрачные храмы, напоминающие укрепленные замки, свидетели преступлений португальских и испанских конкистадоров, усмирявших южно-американских индейцев огнем и мечом.

Томек и Салли с любопытством смотрели на старинные сооружения, мрачные стены которых, казалось, хранили предания о кровавом завоевании страны и о безнадежной защите. Они осмотрели старинный кафедральный собор, построенный в XVIII веке и направились к старинному рыбацкому порту Вер-у-Пезу, откуда к ним долетал характерный запах рыбы. В порту как раз была ярмарка. Берега реки чер-

нели лесом мачт разных суденышек, барж и индейских лодок, на которых рыбаки приходили в Белен даже из довольно далеких уголков Амазонки.

Перед Томеком и Салли предстал незабываемый вид бразильской ярмарки. На фоне каменных, невысоких домов, украшенных фронтонами и башенками с остроконечными крышами, переливалась красочная толпа людей. Индейцы со светло-коричневым цветом кожи, метисы, негры всех оттенков от пепельно-серого до черного как антрацит, мулаты, японцы, китайцы и белые приехали на ярмарку не только по торговым делам, но и для того, чтобы обменяться новостями и сплетнями. Человеческие поселения в глубине материка, иногда состоявшие только из одного единственного дома, отдаленные друг от друга сотнями километров непроходимой пуши не давали людям возможности частого общения друг с другом. Поэтому на ярмарке никто не спешил, не проявлял нетерпения, и каждый охотно вступал в разговор.

Молодые люди провели на ярмарке в порту Вер-у-Пезу довольно много времени. Салли купила несколько мелочей в подарок друзьям в Манаусе. Потом они стали прогуливаться по всей площади, с интересом рассматривая красочную толпу. Одни из продавцов разбили палатки, другие разложили товары прямо на каменной мостовой. На этом бразильском базаре можно было купить рис, клубни маниока или выделанную из них крупу, которую называли здесь «фаринья», «кастанья ду Пара», или знаменитый бразильский орех, ка-

као, кокосовые орехи, бананы, ананасы, рыбу от самой маленькой до огромной и, кроме многих продовольственных товаров, также ценную крокодиловую или змеиную кожу, шкуру ягуаров, удивительные изделия из крыльев красивых бабочек, ожерелья из сушеных семян, кружева, сплетенные из пальмовых волокон и множество других предметов работы искусных индейских умельцев. Были на ярмарке и коллекции красочных бабочек и мотыльков, пучки засушенных колибри, продавались даже живые попугаи, умевшие сказать несколько слов на испанском или португальском языке, обезьянки, а кое-где можно было встретить выставленных на продажу живую анаконду и даже ягуара.

Томек и Салли познакомились с городом почти до самого обеда. Томек хотел еще посетить старый Белен, где жили в основном метисы и мулаты, где извилистые, узкие улочки упирались концом в болотистую опушку тропического леса, но Салли напомнила ему о Динго, оставленном в гостинице.

Новицкий уже вернулся из порта и ждал друзей в номере гостиницы, потягивая из кружки свой любимый ямайский ром. Обрадованный Динго стал усиленно махать хвостом, а капитан спросил:

– Что же ты купила, голубушка?!

– Подарки Смуге, Наташе и Збышеку, – ответила Салли. – Вам я хотела купить говорящего попугая, но Томми сказал, что теперь это был бы подарок не ко времени.

– Ты хотела подарить мне попугая, умеющего болтать? А

знаешь, что я бы не прочь заполучить такую умную птичку?

– Вот именно, вас заинтересовала бы болтовня этой птицы. Она, правда, умела говорить: бон дия, компадре, то есть добрый день, кум, но это были, пожалуй, единственные приличные слова. Остальное – это португальские ругательства.

– Гм, действительно, такой попугай вызвал бы замешательство в приличном обществе, – признал Новицкий.

– Я вам подарю такого попугая, когда мы будем уезжать из Америки, – обещала Салли, и немного помолчав, спросила: – Ну, что вы узнали в порту?

– Я встретил там корешка из моряков. Когда-то мы плавали на одной старой калоше, – ответил капитан. – Парень хороший, только немилосердно храпит во сне!

– Дорогой капитан, а о судах, отправляющихся вверх по реке, вы что-нибудь разузнали? – с нетерпением допытывалась Салли.

– В последнее время ты что-то стала горячку пороть, – упрекнул ее капитан. – Я как раз хотел сказать, что этот мой кореш плавает теперь на судне, курсирующем по Амазонке. На рассвете его «Санта Мария» уходит в Манаус.

– Вот это превосходная новость, – обрадовался Томек. – Когда мы отправляемся на судно?

– Сейчас же после дождя, – ответил Новицкий.

– Да ведь никакого дождя нет! – возразила Салли.

– Будь спокойна, дорогая, дождь будет. Зимой здесь всегда идет дождь после обеда. Сейчас у нас есть время пообедать

и отдохнуть. Еще до того, как начнет смеркаться мы будем на борту судна.

Незадолго до заката солнца, наши путешественники очутились в порту. «Санта Мария» оказалась небольшим двухтрубным пароходом с огромным колесом, находившемся сзади. Как раз несколько мулатов заканчивали погрузку дров, которыми топили котлы парохода.

– Так это «Санта Мария»? – шепнула Салли.

– Не беспокойся, голубушка! – утешил ее Новицкий. – Для нас найдется какая ни есть каюта.

Они по трапу вошли на нижнюю палубу судна до отказа набитую людьми, мешками, корзинами, скотом и птицей. Салли крепче зажала поводок ворчавшего Динго и с тоской вспомнила просторную и удобную «Полярную звезду», которую и теперь можно было видеть на приколе у пристани.

В этот момент с верхней палубы сбежал по сходням мужчина среднего роста, широкоплечий со шрамом на лице. Он руками быстро отстранил толпу пассажиров и остановился перед друзьями.

– Фред Слайм, капитан этой старой калоши, – представил Новицкий мужчину, и добавил: – Вот Томаш Вильмовский с женой – мои друзья, и наша собака, Динго! Приготовил ли ты каюту для нас?

– Да, да, капитан! – ответил Слайм на английском языке, козыряя Новицкому, после чего подал Томеку суковатую лапу, поклонился Салли и сказал: Пришлось выбросить кое-

кого из каюты первого класса, которую я отвел господину Вильмовскому и его прекрасной супруге. Ты, капитан, поместишься в моей каюте, как у себя дома. Видишь, какая здесь теснота.

– Хорошо, только на ночь уходи на мостик, а то храп мне не дает спать, – сказал Новицкий. – Прикажи, чтобы погрузили наше барахло, оно на пристани, на извозчике.

– Эй, Рамон! – крикнул капитан Слайм широкоплечему мулату, который руководил погрузкой дров. – Займись багажом этих господ!

– А вас прошу, за мной!

Капитан Слайм сначала показал гостям каюту, отведенную для молодых супругов, помог им уложить багаж, а потом они вместе пошли в капитанскую каюту, которую он шумно звал апартаментом. Это было и впрямь самое обширное и самое чистое помещение на судне. На столе сервированном к ужину на четыре персоны, стояла батарея бутылок настоящего ямайского рома. Увидев их, Новицкий улыбнулся и сказал:

– Ах, вижу, что ты не забыл о том, что я больше всего люблю!

Капитан Слайм машинально коснулся широкого шрама на лице и ответил:

– Как же можно забыть! Ведь благодаря тебе дело закончилось только этим.

– Это, видимо, было какое-то опасное приключение?! –

воскликнула Салли.

– Какое там приключение! Обыкновенная драка! – ответил Новицкий. – Ну, раз угощение готово, давайте не терять напрасно времени и садимся к столу.

– Когда мы уходим из Пара? – спросил Томек, с тревогой оглядывая длинный ряд бутылок.

– Можно было бы отправиться еще ночью, сразу же после погрузки дров, но рулевой напился до беспамятыства. Отчалим на рассвете...

– Сразу же после ужина мы займемся твоим рулевым, – вмешался Новицкий. – Я всажу его башкой в ведро с водой из Амазонки, и он быстро вытрезвет.

* * *

Пораженная Салли смотрела на капитана Новицкого, Слайма и Томека, которые, держа за ноги рулевого, то и дело окунали его голову в ведро с мутной водой. Несчастный хрипел, сопел, выплевывал грязно-желтые струи воды изо рта, отчаянно махал руками, которые трещали в суставах и скрипели, как крылья ветряной мельницы. Салли не могла дольше смотреть на такое издевательство, подбежала к мужчинам и выбросила ведро за борт. Разгневанные мужчины схватили рулевого за руки и ноги, раскачали его и бросили вслед за ведром. Салли вскочила на поручень фальшборта, пытаясь броситься на помощь рулевому и... проснулась.

С облегчением вздохнула, сообразив, что это только сон, и расхохоталась, увидев Динго, который с тревогой наблюдал за нею. «Санта Мария» шла по реке, треща по всем швам, а огромное колесо, мерно толкавшее судно вперед, громко скрипело. Значит они уже в пути, а она проспала момент отправления из порта.

Салли осмотрелась вокруг. Томека в каюте не было, он, видимо, любовался окрестностями с палубы судна. На столе, под висячей керосиновой лампой, лежали десятки разнообразных насекомых с обгорелыми крылышками. Салли вспомнила, как накануне вечером она долго не могла заснуть, потому что по каюте носилась масса насекомых, залетавших на свет лампы, жужжавших вокруг москитьеры, окружавшей койку, и с треском падавших на стол.

«Это я из-за этих насекомых так долго спала, а Томми меня не хотел будить...» – шепнула она про себя. Бодро встала с постели, умылась, оделась и выбежала из каюты. Однако среди пассажиров первого класса, который был расположен на верхней палубе, Салли не нашла ни Томека, ни Новицко-го. Немного надувшись, она остановилась у борта.

По всей вероятности, «Санта Мария» шла уже несколько часов, потому что теперь она очутилась в узком канале с западной стороны острова Маражо, соединявшем южный про-ток с главным руслом Амазонки. Салли залюбовалась живописными берегами канала. Судно шло медленно, трещало, колесо скрипело, машина мерно шипела и выбрасывала

из двух тонких труб струи черно-желтого дыма и множество крупных искр.

Крыша, распростертая над верхней палубой хорошо защищала пассажиров от дыма и искр, поэтому Салли, придерживаясь руками ограждения, глубоко вдыхала пряный аромат, доносившийся к ней с поросших лесом берегов. Время от времени среди зеленой чащи леса возникала белая индейская хижина без стен, построенная на высоких сваях и покрытая огромной крышей с кровлей из пальмовых листьев; иногда рядом с домиками туземцев стояла белая вилла европейского образца, окруженная садом из апельсиновых и банановых деревьев.

В этот момент, кто-то остановился рядом с Салли. Она подумала, что это Томек, или капитан Новицкий и притворилась, что не замечает их. Вдруг рядом с руками Салли, на балюстраде появились смуглые кисти чужого человека. Теперь Салли заметила свою ошибку. Рядом с ней стоял высокий широкоплечий метис, одетый в тщательно отглаженный костюм пепельного цвета и с котелком на голове. В красном галстуке торчала шпилька с крупным алмазом.

На лице метиса играла самоуверенная улыбка. Он что-то сказал на португальском языке. Салли не поняла ни слова. Она хотела оттолкнуть руку незнакомца и уйти, но метис не уступил ей дорогу.

– Прошу вас отойти от меня, – по-английски потребовала Салли.

– Ты что, не знаешь португальского? – по-английски же ответил метис. – Я спросил куда едешь, моя красавица! По-видимому, в Манаус?.. Ты, вероятно, артистка?.. Если да, то я могу дать тебе работу в моей таверне. Я совладелец таверны Тешоуру. Будь ко мне добра, это тебе окупится сторицей...

– Прошу пропустить меня! – громче потребовала Салли. Метис расхохотался в ответ.

– Я не ищу работу, и у меня нет желания говорить с вами, – добавила Салли.

Метис нагнулся к ней, но в этот момент крепкий рывок за руку заставил его отпрянуть. Он увидел перед собой молодого мужчину, несколько ниже ростом, чем сам он. Это был Томаш Вильмовский.

– Если женщина говорит, что у нее нет желания беседовать с вами, надо оставить ее в покое, – сказал Томек, сурово меряя метиса взглядом.

– Хочешь драки? – с угрозой спросил метис.

Томек взял себя в руки и ответил:

– Не лезь куда не надо, не то пожалеешь!

Метис неожиданно бросился на Томека с кулаками. Реакция была столь быстра и неожиданна, что Салли только тогда поняла, что произошло, когда увидела метиса растянувшегося на палубе.

– Ну как, хватит тебе, или еще мало? – спокойно спросил Томек.

Капитан Новицкий стоял в сторонке, и с улыбкой наблюдал за короткой схваткой. Ведь он сам научил юного друга приемам, которыми можно было свободно повалить любого, самого крепкого противника, и спокойно наблюдал за происходящим. Вдруг он увидел индейца с ножом в руках, кравшегося к Томеку сзади. Не теряя ни секунды, Новицкий подскочил к индейцу, схватил его за пояс от штанов и за шиворот, потом поднял его в воздух. Индеец проделал в воздухе сальто-мортале, грохнулся о стенку надстройки и без чувств свалился на палубу.

Остальные пассажиры наблюдали за схваткой с живейшим интересом. Вскоре появился капитан Слайм. Проклиная всех и вся, ругаясь на чем свет стоит, метис поднялся на ноги. Увидев капитана, крикнул:

– Арестуй их! – и в голосе его слышалась злоба. – Они напали на меня!

– Еще одно слово, и выброшу тебя за борт, – предостерег метиса Новицкий.

Метис хотел что-то сказать, но капитан Слайм опередил его:

– Подумай хорошенько, прежде чем скажешь что-нибудь. Я слишком хорошо знаю моего корешка – он привык держать слово. Лучше всего иди вместе со своим слугой в каюту и сидите там тихо.

Кляня и ругаясь, метис ушел, а за ним скрылся и его индейский слуга.

Друзья остановились у фальшборта.

– Ты неплохо справился, – похвалил Томека Новицкий, и, обращаясь к Салли, добавил: – Что хотел от тебя этот местный эlegant?

– Он вообразил, что я артистка и предложил мне работу в своей таверне в Манаусе.

– Выглядит он на парня, у которого денег куры не клюют, – с улыбкой сказал Новицкий.

– А вы знаете, с кем схватились? – спросил капитан Слайм. – У этого метиса крупная доля в одном каучуковом предприятии. Это Педро Альварес, которого хорошо знают не только в Манаусе, но и в Пара и Икитосе.

– Стой, стой, как ты его назвал? – спросил заинтересованный Новицкий.

– Педро Альварес, – повторил капитан Слайм.

– Ах, сто дохлых китов в зубы... – воскликнул изумленный Новицкий, но в этот миг Томек многозначительно посмотрел на него и Новицкий закончил довольно дипломатически: – Честное слово я уже где-то слышал эту фамилию! Ну, черт с ним, он получил по лапам и довольно...

Когда капитан Слайм вернулся на свой пост на мостике, Салли сказала:

– Что за неожиданное стечение обстоятельств? Мы еще не успели и дня пробыть на Амазонке, а уже поссорились с Альваресом, о котором так много плохого написал Збышек!

– Это его подозревал Смуга в организации нападения на

лагерь в Путумайо. Желая это доказать, он направился на поиски бандитов, – добавил Томек.

– Если бы я раньше знал с кем имеем дело, я кое-что добавил бы ему от себя! – возмущался Новицкий. – От удивления чуть было не рассказал обо всем.

– Осторожность никогда не помешает, хотя я не думаю, что капитан Слайм сторонник Альвареса, – сказал Томек.

– Ты прав, я в этом уверен, – согласился Новицкий. – Хотя Слайм и храпит отчаянно, но доверять ему можно.

С этого дня Салли, выходя на палубу, всегда брала с собой Динго, а Томек и Новицкий тоже были постоянно настороже. К счастью, Альварес больше не показывался из своей каюты. Может быть он стыдился поражения?

А «Санта Мария» тем временем упорно пробивалась вверх по реке. Она прошла мимо Монти-Алегри, расположенного на холме, потом миновала Сантарен у впадения в Амазонку реки Тапажос и стала подходить к городку Обидус. В тех местах, где на Амазонке не было островов, река поражала величию и шириной. Противоположный берег едва намечался полоской на горизонте, а иногда и вовсе не был виден.

После нескольких дней плавания вид Амазонки стал утомлять однообразием и монотонностью. Река текла в низких берегах и широко заливала тропические леса, растущие по обеим сторонам. Казалось, что деревья растут прямо из воды, что создавало впечатление будто жадные джунгли пы-

таются перейти реку вброд.

Дни проходили, почти не отличаясь друг от друга. На рассвете и на закате пахучий лес гремел от криков неисчислимого количества птиц, гнездившихся в нем. В густых кронах деревьев гонялись друг за другом обезьяны, над водой носились стаи разноцветных попугаев. Домики белых людей давно остались позади, даже пальмовые крыши туземных построек стали попадаться все реже и реже.

И погода была столь же монотонна, как и пейзажи Амазонки. Утра вставали погожие и теплые. В джунглях блестела роса, быстро, впрочем, исчезающая под горячими лучами солнца. Листья и цветы раскрывались словно по мановению волшебного жезла, великолепные орхидеи резко выделялись на фоне сочной зелени. Однако, как только солнце достигало зенита, листья и цветы свертывались от сильной жары, птицы умолкали и жизнь в джунглях как бы прекращалась. Только цикады продолжали свой неумолчный концерт. Становилось жарко и душно. Но вот, на востоке расцветали белые облачка, которые вскоре разрастались, темнели и, в конце концов, закрывали весь небосклон черной, непроницаемой завесой. Налетал ветер, поднимая на воде рябь. На землю лились потоки воды, мрачное небо прорезали зарницы, потом начинали блистать молнии, и по небу прокатывались оглушительные раскаты грома. Гроза неожиданно прекращалась, над Амазонкой показывалось голубое небо, и погода устанавливалась до самого захода солнца. Ночи бывали

в большинстве случаев погожие и холодные, только иногда кропил небольшой дождь, но на рассвете небо всегда оказывалось ясным и безоблачным.

Амазония расположена в экваториальной зоне, где нет привычных нам изменений времен года, во время которых температура воздуха подвергается значительным колебаниям. В Амазонии всегда тепло, и только по ночам бывает прохладно. Томек – превосходный географ – рассказал спутникам, что в Амазонии разница температуры воздуха между ночью и днем бывает больше, чем между летом и зимой. И он был прав. Сухая пора или лето, и дождливая пора или зима, отличались друг от друга только количеством осадков, а не температурой воздуха. В сухую пору дожди шли примерно через день или два, в дождливую – как правило, после полудня – ежедневно⁷³.

Если пейзаж берегов Амазонки, погода и отсутствие большой разницы между временами года создавали впечатление некоторого однообразия, то сама река постоянно преподносила различные сюрпризы и вынуждала речников быть всегда начеку. Во время дождливой поры река выступала из берегов и заливала джунгли на десятках и сотнях квадратных километров. Одни острова исчезали, вместо них неожидан-

⁷³ Погода и вообще климатические условия в тропической Америке зависят от атмосферного давления и связанных с ним ветров, которые здесь отличаются от веющих в Африке, Австралии и Азии. Только на некоторых территориях Южной Америки есть два дождевых периода, между которыми бывает сухой период, когда сохраняется солнечная погода.

но появлялись другие, которые, иногда, срывались с места и плыли вниз по реке. То здесь, то там возникали подвижные отмели, огромные водовороты, плыли деревья, вырванные с корнем, чрезвычайно опасные для судов. Грязно-желтые, вспененные волны реки несли иногда целые куски размытого берега вместе с растительностью. Древесные стволы вставали торчмя, создавали грозные заторы на реке, а вырванные с корнями водоросли, ветви деревьев и кучи тростника коварно скрежетали по бортам судна.

В глубинах Амазонки таились целые косяки кровожадных рыб пиранья, поджидали жертв маленькие, величиной в палец, рыбки канеру, которые способны глубоко залезать в тела животных и людей, в песке и речном иле дремали ядовитые речные хвостоколы⁷⁴, электрические скаты, плавали прожорливые крокодилы.

На Амазонке человека поджидали многочисленные опасности, но река также облегчала человеку жизнь. Вместе с притоками Амазонка создавала удобную транспортную сеть на огромной территории, река кормила человека. Кроме многочисленных грозных созданий, в Амазонке водится

⁷⁴ **Речные хвостоколы** (*Dasyatidae*), пресноводное семейство подотряда скатов, встречающееся в реках Южной Америки. Днем отдыхают в иле или песке, с наступлением темноты ведут весьма оживленный образ жизни. Плавают, касаясь дна кончиками плавников. Питаются раками, мелкой рыбой, крабами. Если нечаянно наступить на хвостокола ногой, он может ударить колючим хвостом. Рана бывает очень болезненная и по симптомам похожа на укус змеи. Некоторые из хвостоколов носят электрический заряд, которым поражают жертвы. Однако сила тока у них слабее, чем у электрических скатов.

свыше двух тысяч видов рыб, разнообразных черепах, ламантинов⁷⁵, пресноводных дельфинов и множество других созданий. Ил, который несут воды Амазонки во время паводков, осаждается на обширной территории, удобряя почву, но, к сожалению, длительное время затопления не позволяет надлежащим образом использовать пойменные земли.

⁷⁵ **Ламантины** (*Manatidae*) млекопитающие отряда сирен. Отличаются крупным веретенообразным телом, покрытым редкой растительностью. Питаются водорослями и ведут, в основном, ночной образ жизни. Обитают на побережье тропической части Атлантического океана; по рекам часто заходят в глубину материков. Мясо и жир ламантинов потребляется в пищу, шкура используется на разные поделки. В последнее время ламантины взяты под охрану.

Х

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Осадка у «Санта Марии» была небольшая, поэтому на открытых водах Амазонки рулевой, по приказанию капитана Слайма, держался ближе к берегу, где течение было не так сильно. Томек, Салли и капитан Новицкий целыми днями сидели на верхней палубе под тентом, любуясь пейзажами, а Динго, наблюдая за полетом многочисленных птиц, пошевеливал ушами.

На некоторых участках реки с низкими берегами она глубоко врезалась в сушу, образуя бесчисленное количество заливов, проток и озер. Участки затопляемые рекой ежегодно, покрыты здесь редколесьем, над которым кое-где возвышаются пальмы. В этом редколесье, по местному «игано» растут каучуковые деревья. Следующая, более высокая ступень, затопляемая только изредка, покрыта лесами, носящими название «варга»; здесь встречается множество разнообразных видов пальм. Еще выше расположена незатопляемая земля или «терра фирма». На «терра фирма» пальм не много, но зато там растут невиданных размеров двудольные растения. Лесные великаны сплошь опутаны всякого рода лианами и эпифитами⁷⁶; внизу у подножия крупных деревьев прости-

⁷⁶ Эпифиты – растения произрастающие на других видах, но не паразитиче-

раются густые заросли подлеска. В этих лесах преобладают миртовые, лавровые и фиговые деревья. По берегам Амазонки и ее притоков часто можно встретить оригинальную виктория реджия с ее огромными тарельчатыми листьями.

Болотистая низменность по берегам рек почти лишена населения. Метисы и немногочисленные белые живут в небольших прибрежных поселениях. В джунглях Амазонки изредка можно встретить семейства вымиравших уже индейцев. «Санта Мария» часто причаливала к берегу, чтобы пополнить запасы дров, или высадить пассажиров. Тогда группами, или поодиночке, на палубе появлялись индейцы, предлагая пассажирам черепах, яйца, рыбу, фасоль или рис, в обмен за соль, топоры или ножи. Томек пытался завязать с ними беседу, но полунагие туземцы недоверчиво отворачивались, бросая на него равнодушные и, казалось, презрительные взгляды. Получив условленную плату, они немедленно съезжали на берег. На реке тоже можно было заметить, что одинокие рыбаки, плывшие навстречу «Санта Марии» в маленьких лодках, не обращали на пароход внимания. Как видно, индейцы избегали общения с белыми и отгораживались от них стеной равнодушия и молчания.

Выходя часто на верхнюю палубу, Томек обратил внимание на рулевого «Санта Марии». Это был индеец из племени тикунa, обитающего в верхнем течении Амазонки. Он целыми днями стоял за штурвалом, ни на кого не обращая вни-

мания. Капитану Слайму он отвечал только кивком головы и все время задумчиво глядел на грязно-желтые воды Амазонки. Он так хорошо знал реку, что «Санта Мария» под его управлением могла спокойно плыть по ночам, когда вода и оба берега исчезали за плотной завесой тумана. Томек несколько раз пытался начать с ним беседу, но индеец, хотя и вежливо, отвечал только односложными междометиями. Поэтому однажды вечером, когда капитан Слайм и Новицкий сидели в каюте, потягивая из стаканов ямайский ром, Томек обратился к Слайму:

– Я вижу, что вы очень доверяете своему рулевому, капитан. Вы не опасаетесь, что индеец заснет, простояв у штурвала столько часов.

– Ах, может быть, вздремнет немного, – ответил Слайм. Томек удивленно посмотрел на него, а капитан расхохотался и добавил:

– Не смотрите на меня, как на дурака. Джек знает Амазонку лучше, чем я «Санта Марию». Он с детства плавает по ней, а кроме того, он индеец. Можно на него положиться.

– Ты так уверен в этом краснокожем? – недоверчиво спросил Новицкий.

– Ведь он не окончил мореходную школу!

– Ах, зачем ему школа?! – возмутился Слайм. – Он знает здешние реки, как собственный карман, а что касается слуха и зрения, то ни один из нас не может с ним соперничать.

– Во время наших охотничьих экспедиций я уже заметил,

что все пять чувств у жителей диких местностей развиты лучше, чем у нас, европейцев, – вмешался Новицкий. – Но я никак не поверю, что можно быть хорошим моряком не окончив специальной школы.

– Ба, я и сам так некогда думал! – ответил капитан Слайм. – Сначала я постоянно контролировал Джека, потом пришел к выводу, что это дело лишнее. Ему лучше не мешать. Стою я как-то за штурвалом в рулевой рубке; вечер выдался тихий, погожий, луна освещает Амазонку, словно хороший маяк. А тут, вдруг, мой рулевой говорит: «надо править ближе к берегу, вода поднимается». Я спрашиваю: «ты откуда знаешь?», а он отвечает: «послушай, вверху по реке шумит высокая вода». Не прошло и двух часов, как на реке начался настоящий кавардак. Вот у кого слух, нет? А зрение у него, как у кота. Ночью в темноте, он видит все препятствия, плывущие бревна, водовороты. Иногда я думаю, что его предостерегает инстинкт.

– Ну, а если он вздремнет? – продолжал вопросы Томек.

– Проснется в самый раз. Если только во время работы не пьет водку, на него можно вполне положиться, – уверил друзей капитан Слайм, наливая в стаканы новую порцию рома.

Среди таких бесед несколько дней прошло незаметно, без особых происшествий. На восьмой день, вскоре после восхода солнца, среди грязно-желтых вод Амазонки показалась струя черноватой, прозрачной воды. Это безошибочно указывало на то, что пароход приближается к Манаусу, распо-

ложенному вблизи места, где Амазонка сливается с водами Риу-Негру, или Черной Реки.

На нижней палубе среди пассажиров третьего класса началась суета. Капитан Новицкий, который поднимался всегда раньше своих спутников, постучал в дверь каюты друзей, открыл ее и воскликнул:

– Вставайте, сони... Ого, браток, ты уже, оказывается, встал?

– Конечно, упаковываю наши вещи, – ответил Томек. – Ведь мы скоро приедем в Манаус.

– Я тоже не сплю, – заявила Салли, садясь на край койки. – Когда вчера во время ужина я услышала, что мы приближаемся к Манаусу, я ночью ежеминутно просыпалась и прислушивалась работают ли машины!

– Не удивляюсь, голубушка, потому что и я сгораю от любопытства. Интересно, какие новости нас ждут на берегу, – ответил капитан Новицкий, глядя Динго по голове.

– Как я была бы рада, если бы мы застали Смугу дома.

– Да, это действительно была бы великолепная новость. Послушай, браток, мы куда направимся после выгрузки? Домой или в контору? Багаж можно на время оставить на судне, «Санта Мария» простоит в Манаусе несколько дней.

– Я приготовил уже оба адреса, – ответил Томек.

– Мне кажется, что сначала надо пойти к Карским, – предложила Салли. – Если нам придется услышать плохие новости, то я предпочитаю, чтобы нам их передали друзья.

– Правильно, очень правильно! – признал капитан Новицкий.

– Согласен, мы так и сделаем, – подтвердил Томек.

Трое друзей кончали завтрак, когда «Санта Мария» вошла на воды Риу-Негру. Широкий путь из прозрачной, черной воды вел прямо в речной порт, причалы которого могли подниматься и опускаться в зависимости от уровня воды в реке. Капитан Новицкий и Томек с гордостью сообщили Салли, что порт этот построил поляк, инженер Римкевич.

В порту царило оживленное движение. У пирсов, рядом с двумя крупными океанскими пароходами, стояли речные суда и множество различных барж и лодок. Вокруг порта в маленьких, болотистых заливах стояли у берегов ряды деревянных хижин, построенных на плотках. По естественному каналу между плотами сновали маленькие лодки, которые там были единственным средством передвижения.

От порта городские улицы вели вверх по пологому склону. Над красными черепичными крышами одноэтажных домиков поднимались белые колокольни церквей и великолепные султаны пальм. Выше, на холме, виднелись фронтоны и купола огромных сооружений. Город окружал широкий полукруг темно-зеленого пояса тропических джунглей, поэтому связь с внешним миром поддерживалась только лишь по реке.

– Итак, мы в Манаусе! – сказал капитан Новицкий.

– А Збышека и Наташи что-то не видно, – пожаловалась

Салли.

– Во-первых, они не знают, что мы приезжаем сегодня, а во-вторых, как их разглядеть в этой толпе? – утешил ее Новицкий.

Каменный мол кишел, как муравейник. Мулаты, метисы и индейцы грузили дрова на суда, стоявшие у берега. Другие – разгружали товары с прибывших судов или грузили их на суда, собиравшиеся в путь по реке. Среди этих товаров были: черные шары каучука, мешки с фасолью, ящики с сахаром, мукой. На кишевших в порту индейских лодках шла оживленная торговля рыбами, черепахами, яйцами, зелеными апельсинами, бананами, плодами папайи, или дынного дерева, которые и впрямь напоминали дыни, ручными попугаями и обезьянками. Среди полунагих туземцев виднелись модно одетые белые и метисы. На пристани было также не мало кокетливых, черноглазых креолок⁷⁷, защищающих себя от солнечных лучей разноцветными зонтиками. В воздухе парили черные стервятники уруббу, высматривавшие добычу.

Наши друзья в сопровождении Динго сошли на пристань, оставив багаж на судне. На извозчике они отправились по адресу, указанному Карскими в письме. Дверь им отворила Наташа. От волнения она долго не могла вымолвить ни слова, потом расплакалась и от всего сердца приветствовала долгожданных гостей.

⁷⁷ **Креолы** – так называют потомков европейских колонизаторов, уроженцев испанских, португальских и французских колоний.

Наташа долго обнимала и целовала Салли. Капитан Новицкий толкнул Томека в бок и шепнул:

– Как видно, услышим плохие вести, она встретила нас слезами...

– Пожалуй да, Наташа что-то очень взволнована, – тоже шепотом ответил Томек.

Наташа еще долго приветствовала друзей, потом приласкала Динго и пригласила всех в комнату с жалюзи на окнах.

– Гого, Гого! – позвала она, а когда в комнату вошел индейский мальчик, она быстро приказала ему: – Беги в контору! Пусть муж и Никсон придут скорее сюда! Скажи, что наконец приехали...

Наташа снова расплакалась. Салли обняла ее и стала утешать. Новицкий неплохо говорил по-португальски, он подошел к мальчугану и повторил:

– Беги к господину Карскому, парень. Скажи ему, что приехали друзья.

Индейский мальчик исчез за дверью. Наташа немного успокоилась, Новицкий подошел к ней и кратко спросил:

– Смуга погиб?

– От него нет никаких, даже самых маленьких известий, – с дрожью в голосе ответила Наташа. – Поехал в погоню за убийцами и пропал без вести...

Новицкий глубоко с облегчением вздохнул, сразу же повеселел и к нему вернулось всегдашнее хорошее настроение.

– Сто дохлых китов в зубы! А я уж думал, что вы получили

трагическое известие, такими слезами ты нас встретила, – сказал он. – Я всегда говорил Томеку, что не надо оплакивать друзей, если не присутствовал при их смерти.

– А я так надеялась, что мы застанем Смугу дома, – тихо сказала Салли.

– Ну, раз мы его здесь не застали, значит надо подумать о мерах его спасения, – ответил Томек. – Опыта у Смуги не занимать. Погибнуть так, ни за что ни про что он не мог!

– Он пропал шесть месяцев и девять дней тому назад... Разве можно еще надеяться на что-нибудь? – с печалью в голосе спросила Наташа.

– И он, и мы, бывали в худших переделках, – ответил Новицкий. – Смуга уже не раз пропадал без вести, а потом появлялся как ни в чем не бывало.

– Я так рада, что вы уже здесь, – тихо сказала Наташа. Я считала дни и часы... Как только мы сюда приехали, я никак не могла отделаться от чувства опасения за судьбу Смуги и постоянно дрожу за жизнь Збышека. Он еще такой неопытный, а хочет во всем подражать тебе, Томек, и Смуге. Но где же ему равняться с вами.

– Садись и рассказывай все, с самого начала, – потребовал капитан Новицкий. – Пока те, двое, придут мы уже разберемся в положении, да и тебе полегчает на сердце.

– Я с первого дня боялась, – начала Наташа рассказ. – Смуга человек храбрый до сумасшествия, прямо таки играет со смертью. А здесь происходят ужасные вещи. Каучуковая

лихорадка высвободила у людей самые низменные инстинкты. Все грызутся между собой, как волки.

– Я не верю, чтобы стремление к богатству могло когда-нибудь нарушить благоразумие Смуги, – решительно возразил Томек.

– Да, Смуга был, пожалуй, здесь единственным честным человеком, – порывисто сказала Наташа. – Он ненавидел насилие и зло, боролся с ними. Но, что он мог сделать один, против шайки подлецов?

– А этот его компаньон, Никсон, тоже принадлежит к этой шайке? – спросил Новицкий.

– Никсон?.. Ах, что вы, нет, ничего плохого не могу сказать о нем. Он опечален тем, что пропал Смуга, доброжелательно относится ко мне и Збышеку... Но почему он не послушался совета Смуги? Если бы он отозвал своего племянника с берегов Путумайо, парень жил бы до сих пор.

– Наверное совесть мучает Никсона. Но что случилось, то случилось, ничего не поделаешь, – нравоучительно заявил Новицкий. – Говори дальше!

– Смуга вскоре снискал себе большое уважение среди обитателей Манауса. Его здесь боялись все, не исключая Педро Альвареса, самого отчаянного врага Никсона. Они боялись, потому что Смуга умел молниеносно доставать револьвер и... никогда не стрелял мимо.

– Значит, были и трупы? – заметил Новицкий.

– Во время нескольких схваток в лагерях сборщиков ка-

учука были жертвы. В Манаусе Смуга только обезвреживал бандитов. Но этого было достаточно, чтобы они боялись его, как огня. Но ведь в любой момент можно встретиться с еще лучшим стрелком. Вы не можете себе представить, как этот необыкновенный мужчина импонировал Збышеку!

– Ничуть не удивляюсь. С первого знакомства со Смугой я тоже стремился во всем подражать ему, – сказал Томек.

– И благодаря этому ты стал прекрасным стрелком, опытным, умным и рассудительным мужчиной, – сказал Новицкий. – Я сам пойду за Смугой в огонь и воду!

– Я тоже! Сделала бы все, что он потребовал бы от меня! – горячо заверила Наташа. – Поэтому я боялась не только за нас, но и за него, ведь он рисковал за нас троих. Но ни я, ни Збышек, не могли равняться с ним. Кроме того, я боюсь этой Амазонии.

– Да, жизнь в тропических странах не так легка, как думают некоторые европейцы, – заметил Томек.

– В водах здесь полно кровожадных созданий, на земле любой кусочек кишит разного рода насекомыми, и даже дома, ложась спать надо заглядывать под одеяло, не спряталась ли там, случайно, какая-нибудь гадость, – жаловалась Наташа. – Это ужасный город! Из-за любого дома выглядывают джунгли, а люди в нем хуже всяких бестий. Проклятый каучук убил в них совесть.

– Нет, это не каучук, а жадность делает людей хуже животных, – возразил Томек.

– Верно, верно, ты прав, браток, люди бывают хуже шакалов, – согласился Новицкий. – Но, пожалуй, не все так плохо, как ты говоришь, Наташа. Ты впечатлительная женщина. Такие дела как здесь, происходили на Аляске и в Клондайке во время золотой лихорадки, да и в других местах тоже. Несмотря на это, всякое беззаконие всегда приходит к концу, а такие люди как Смуга помогают навести должный порядок.

– Вы это прекрасно сказали, капитан, – восхищенно воскликнул Томек.

– С нами Наташа безусловно воспрянет духом. Тогда она иными глазами посмотрит на мир.

Наташа с изумлением взглянула на друзей, потом вспылила:

– Уж я посмотрю, что вы скажете, когда познакомитесь с Педро Альваресом. У этого человека нет ни стыда, ни совести.

Опечаленная Салли повеселела и воскликнула:

– Томми уже успел расквасить нос твоему Альваресу на пароходе. А капитан обуздал индейца, который сопровождал Альваресу.

– Неужели?! – изумилась Наташа.

– Да, да, Альварес и его дружок получили свое, – весело продолжала Салли. – Мои парни никого не боятся. Увидишь, теперь дела пойдут по другому. Это Альваресу надо бояться, а не нам!

На лицах обоих «парней» расцвела довольная улыбка. Ве-

ликан Новицкий удовлетворенно кашлянул и сказал:

– Если мы убедимся, что Альварес виноват в гибели, или исчезновении Смуги, то я, как пить дать, сверну ему шею!

– Вы это сделаете, дорогой капитан, но только после того, как вместе с Томеком убедитесь, что нет другого выхода, – потребовала Салли.

– Ты меня водишь за нос, хитрая женщина. Но ничего, во время отсутствия старшего Вильмовского и Смуги, все планы разрабатывает Томек, а я оставляю с носом тех, кто ему в этом мешает.

– Вы в самом деле храбрецы, – заметила Наташа. – Я вижу, что ваше присутствие принесет мне желанное спокойствие. Я так рада, что вы, наконец, приехали.

Друзья стали обнимать заплаканную Наташу, утешать ее, как вдруг дверь отворилась настежь, и в прихожую влетел Збышек Карский, а за ним показался Никсон. Збышек долго обнимал Томека, и в его глазах заблестели слезы волнения. По-видимому, Томек напомнил ему родной дом в Варшаве и всех, по ком он так сильно тосковал.

После долгих объятий Томек отстранил Збышека на расстояние вытянутой руки.

– Ты возмужал, – решил он. – Твои родители очень обрадовались фотографиям, твоей и Наташи. Я им послал с оказией. Привез тебе письмо от них. А теперь, познакомь нас с господином Никсоном.

– Значит, это вы Томаш Вильмовский! – сказал Никсон,

внимательно разглядывая молодого человека. – Я много слышал о вас.

Никсон поздоровался с Салли и капитаном Новицким. Индейская девушка внесла на подносе чай и закуску. Когда все уселись за стол, Никсон первый начал беседу.

– Господин Карский уже сообщил вам о том, что произошло здесь. Вы знаете также, какие отношения были у меня с господином Смугой.

– Знаем, но очень просим вас еще раз подробно рассказать нам обо всем, – ответил Томек. – Чтобы составить план действий, мы должны знать все подробности.

Никсон начал рассказ с описания нечестной конкурентной борьбы, которую ведут между собой и с ним некоторые каучуковые компании, потом рассказал о преследованиях и угнетении индейцев, попадающих в рабскую зависимость от этих компаний. Он, Никсон, хотел создать человеческие условия труда своим рабочим и поэтому просил Смугу прибыть в Бразилию для организации вооруженной охраны лагерей сборщиков каучука.

– Как вы познакомились со Смугой? – спросил Томек.

– Его рекомендовал мне хороший знакомый, господин Уикгем, который долгое время жил в Бразилии, – пояснил Никсон.

– Вы говорите об англичанине Генри Уикгеме? – удивленно спросил Томек.

– Да, именно о нем. Мы с ним друзья, и после его возвра-

щения в Англию переписывались друг с другом.

Томек испытующе взглянул на Никсона и, помолчав немного, сказал:

– Я знаком с Уикгемом, недавно беседовал с ним.

– Может быть, он говорил вам обо мне? – спросил Никсон.

– Нет, не говорил.

– Кто такой этот Уикгем? – вмешался Новицкий, заметив признаки беспокойства в глазах Томека.

– Потом я расскажу о нем, а теперь давайте послушаем рассказ господина Никсона.

Никсон много говорил о заслугах Смуги в деле развития предприятия и о том, как Смуга стал его совладельцем. Упомянул, что благодаря Смуге в лагерях сборщиков каучука, принадлежавших его компании, значительно улучшились условия труда, повысилась безопасность. С сожалением признался, что он Никсон виноват в том, что вызвал Смугу в Манаус для обсуждения планов развития предприятия. И как раз тогда было совершено нападение на лагерь, во время которого погиб племянник Никсона, Джон. Сказал, что в организации нападения Смуга подозревал конкурента, Педро Альвареса. Потом упомянул о беседе Смуги с Альваресом в таверне Тешоуру, о его поездке на Путумайо и о результатах проведенного исследования.

– Я не верил, что можно найти убийц Джона, – продолжал рассказ Никсон. – Со времени нападения на лагерь прошло слишком много времени, но Смуга, каким-то чутьем

раскрыл измену и обнаружил изменника в лагере, и от него узнал всю правду. Он решил выкупить у индейцев племени ягуа голову моего племянника, а потом поймать убийц и разоблачить неблагоприятную роль Альвареса в этом деле.

Белые убийцы, Кабрал и Хозе, были людьми некоего Варгаса, известного в Перу работорговца. Экспедиция в дикие окрестности Укаяли – дело очень рискованное. Я пытался отговорить Смугу от организации этой экспедиции, но он воспользовался аргументом, который заставил меня согласиться с ним. Он решил выкупить из рабства наших индейцев, увезенных из лагеря на Путумайо. Я хотел сопроводить его. Но Смуга не согласился. Он взял с собой нашего сотрудника Уилсона, и нескольких индейцев из племени сюбео.

Смуга добрался до резиденции Варгаса и там прижал его к стене. Он выкупил из рабства наших индейцев, но убийц, Кабрала и Хозе, не застал, так как они вовремя удрали. Смуга все таки решил поймать их. Уговоры Уилсона на него не подействовали. Смуга приказал ему возвращаться с нашими индейцами на Путумайо. Несмотря на упрямство Смуги, Уилсон и наш доверенный индеец Габоку вызвались сопроводить его в опасную погоню за преступниками. Смуга не согласился на это, и они были вынуждены подчиниться приказу, что не удивительно, потому что даже я не всегда мог противиться Смуге. Он выбрал в помощь нескольких индейцев, предоставленных в его распоряжение Варгасом и только

лишь в обществе одного метиса, известного уже вам изменника и упомянутых индейцев, отправился в погоню за преступниками. С этого дня от него больше не поступило никаких известий.

– Посылали вы потом кого-нибудь к Варгасу, чтобы узнать что-либо определенное? – спросил Томек.

– Я уж думал не поехать ли к Варгасу самому, или послать к нему Уилсона. Но, что там может сделать один человек? Раз уж такой храбрец, как Смуга, не справился с ними, то моя, или Уилсона поездка была бы только напрасной потерей времени. Кроме того, Збышек Карский убежден, что найти Смугу может только господин Вильмовский. Поэтому я решил подождать с организацией поездки к Варгасу до вашего приезда.

– Збышек прав, – заявил капитан Новицкий. – Искать следы после того, как прошло столько времени все равно, что искать иголку в сене. В этом случае надо иметь нюх, которым из всех нас обладают только Смуга и Томек.

Где теперь Уилсон и тот индеец, Габоку? – спросил Томек.

– В лагере, на реке Путумайо, – ответил Никсон.

– Мы заедем к ним по дороге к берегам Укаяли, – решил Томек. – Как вы думаете, согласится ли Габоку сопутствовать нам, как это было со Смугой?

– Кто его знает? Это очень храбрый человек, и он любил Смугу.

– А что я говорил?! – воскликнул Новицкий. – Томек сра-

зу разнюхал, кто друг Смуге.

– О, Томми молодец, – воскликнула Салли и, обращаясь к Никсону добавила: – Когда мне было одиннадцать лет, я однажды заблудилась в буше, в Австралии. Отец организовал окрестных фермеров, чтобы найти меня. Однако фермеры напрасно бродили по бушу весь день, а нашел меня Томек и спас мне жизнь. Я повредила ногу и не могла ходить. Томек принёс меня домой на руках.

– Сколько вам было тогда лет, извините за нескромный вопрос? – недоверчиво спросил Никсон, обращаясь к Томеку.

– Четырнадцать.

– Значит, теперь вам?..

– На рождество мне исполнится двадцать один год.

– Перед отъездом в Бразилию Томек был принят в число почетных членов Королевского географического общества в Лондоне, – сказал капитан Новицкий, почувствовав, что Никсон удивлен молодостью его друга. – Он написал труд о папуасах. Это необыкновенный парень, уважаемый господин Никсон. Когда мы отправляемся, Томек?

– Ну, что ж, капитан, вы согласны заняться подготовкой путешествия? Я тем временем разработаю маршрут. Хорошо?

– Я уже заранее считаю тебя начальником экспедиции, поэтому приказывай, а я буду исполнять.

– Спасибо. Трех дней на подготовку вам хватит?

– Хватит. Теперь я пойду со Збышекком на «Санта Марию», за багажом. При случае поговорю с капитаном Слаймом. Меня интересует куда он намерен плыть из Манауса.

– Понимаю. Неплохая идея.

Никсон в полном недоумении слушал эту беседу. С сомнением в голосе он спросил:

– Неужели вы в самом деле намерены уже через три дня отправиться в путь?

– А чего же нам ждать? – ответил Новицкий. – И без того прошло уже много времени с тех пор, как от Смуги нет вестей.

– Господин Никсон и Збышек еще не знают, что Томек успел побить Педро Альвареса, а капитан Новицкий – индейца, который ходит за Альваресом, как тень, – сказала Наташа.

– Где это было, когда? – воскликнул Збышек.

– Возможно ли это? – удивился Никсон.

– Это произошло на «Санта Марии», – сказала Салли. – Альварес приставал ко мне и получил за это.

– Мы не знали, что это он, а если бы знали, то дали бы ему еще крепче, – добавил Новицкий.

– Я вижу, что вы и в самом деле не любите терять времени даром, но будьте осторожны. Альварес человек мстительный, И в его распоряжении целая свора бандитов и хулиганов, – предупредил Никсон.

– Вы не думаете, что Альварес мог сговориться с Варгасом

еще до приезда Смуги на Укаяли? – спросил Томек.

– Не знаю, честное слово, не знаю...

– А вы, капитан, что думаете на этот счет? – спросил Томек.

– А на какой ляд нам догадываться? Мы поговорим вечером. Теперь я иду на «Санта Марию». Пойдем, Збышек!

XI

НОЧНАЯ ВЫЛАЗКА

Капитан Новицкий и Збышек Карский вернулись из порта еще до наступления вечера, причем Новицкий принес только один подручный чемодан.

– А где остальные вещи? – удивилась Салли.

– На пароходе, голубушка, на пароходе, – ответил моряк. – У нас хорошие новости. Садитесь и слушайте!

Все перешли в гостиную. Друзья уселись рядом с Новицким, которому Салли подала стаканчик с ромом. Новицкий отхлебнул глоток, закурил трубку и сказал:

– Слайм идет дальше, в Икитос. Послезавтра начнет погрузку товаров, а пассажиров здесь всегда хватает. Возможно, это отсрочит наш отъезд на денек или два, но зато женщины и Збышек с ними с удобствами поедут в Икитос на пароходе.

– Позвольте? А вы с Томми? – встревожилась Салли.

– Опять ты горячку порежь! Впрочем, ничего удивительного, здесь такая жара. Я говорю, что женщины, Збышек и багаж отправляются в Икитос на пароходе, а Томек и я сойдем в устье Путумайо. Оттуда на лодке отправимся в лагерь сборщиков каучука. Поговорим с Уилсоном и Габоку, а потом поспешим вслед за вами.

Салли собиралась было возражать, но Томек коснулся ее руки и сказал:

– Не возражай, моя дорогая, предложение капитана весьма разумно. Ведь настоящая экспедиция с ее опасностями и трудами начнется только на берегах Укаяли. Поэтому нет никакого смысла тащиться всем нам в лагерь Путумайо, только затем, чтобы поговорить с Уилсоном. Вдвоем с капитаном мы это сделаем быстрее, а ведь нам надо очень спешить!

– Раз так обстоят дела, я вынуждена согласиться. Жаль только, что придется отложить отъезд из Манауса.

– Поспешешь, людей насмешишь, – заметил капитан Новицкий. – Слайм советует пополнить наше снаряжение здесь, в Манаусе, потому что в Икитос все обойдется дороже. Кроме того, нам надо поговорить с перуанским консулом и еще с одним типом, но это уже дело мое и Томека, которое вас совершенно не касается.

– Это что, тайна? – полюбопытствовала Салли. – Сначала мы с Томеком посоветуемся, а потом решим, тайна ли это. Интересно, почему Никсон смутился, когда ты сказал, что знаешь того, кто рекомендовал ему Смугу? Если говорить правду, то и у тебя, браток, на лице тоже чувства были не совсем ясные.

– Я в самом деле был удивлен сообщением Никсона, – согласился Томек.

– Почему?

– Я не знал, что Никсон был знаком с Уикгемом.

– Господин Никсон упоминал уже эту фамилию, когда мы держали совет, как можно отыскать Смугу, – сказала Наташа. – Никсон считал, что Уикгем мог бы кое-что посоветовать. Говорят, что он долго жил в Бразилии.

– Я воспротивился разглашению факта исчезновения Смуги без вести, – вмешался Збышек. – Советовал им не предпринимать ничего до вашего приезда.

– Ты правильно сделал, Збышек, – похвалил Томек. – Уикгем уже тридцать лет живет в Англии. Кроме того, Смуга не имел ничего общего с аферой Уикгема. Он мне говорил, что познакомился с ним гораздо позже.

– Что же это за афера? – спросила Наташа.

– Вот, вот, расскажи-ка нам об этом, – попросил Новицкий. – Когда я при Никсоне спросил тебя об Уикгеме, ты перевел беседу на другую тему.

– Уикгем совершил одну из самых смелых и оригинальных краж.

– Вор?! – изумленно воскликнул Новицкий. – И он рекомендовал Смугу?

– Успокойтесь, пожалуйста, Уикгем не только не был наказан за эту кражу, но получил за нее титул баронета⁷⁸ и порядочную пенсию по старости.

– Совершенно невероятная история! – воскликнул Збышек. – Ты считаешь, что Никсон помогал Уикгему совершить эту кражу?

⁷⁸ Дворянский титул в Англии, учрежденный королем Яковом I.

– Интересно, что же такое стибрил этот парень, если вместо тюрьмы получил награду? – удивленно спросил капитан Новицкий.

Томек расхохотался и ответил:

– Уикгем вывез тайно из Бразилии семьдесят тысяч семян каучуковых деревьев. Дело Уикгема тесно связано с историей каучука.

– Томми, ты, случайно, не шутишь? – спросила Салли.

– Ведь семена этих деревьев хорошо всем известны, – сказала Наташа.

– Так же, как и каучук, – добавил Збышек.

– Вы правы, каучук известен еще со времен открытия Америки. Ведь еще Колумб привез в Европу из Гаити черные шары, которые подсакивали, когда ударяли ими о что-либо твердое. Но тогда никто не подозревал, что с течением времени каучук станет дороже золота. Индейцы называли каучук «кау чу», то есть «слезы дерева». Когда они дарили его белым, не подозревали, что черные шары принесут им столько несчастья.

Французский путешественник и географ Шарль Мари де ла Кондамин, вернувшись из экспедиции в бассейн Амазонки дал первое описание каучука и способа его получения⁷⁹.

⁷⁹ Это было в 1751 году. Французский математик и путешественник Шарль Мари де ла Кондамин, родившийся в Париже в 1701 и умерший там же в 1774 году, будучи членом Парижской Академии Наук, отправился в обществе Бугера и Годена в Эквадор, где в 1736—1742 году они производили измерение длины меридиана вблизи экватора. Эти измерения, вместе с осуществленными ранее в

С тех пор черные шары разные путешественники время от времени привозили в Европу, но на них не обращали внимания. Дело изменилось, после того, как американец Гудьир⁸⁰ в 1839 году разработал технологию вулканизации. Спрос на каучук резко повысился.

Стремясь обеспечить монополь на поставку каучука, правительство Бразилии запретило вывозить из страны семена каучуконосов.

По мере открытия все новых и новых возможностей применения каучука, спрос на него повышался. Речная флотилия Бразилии оказалась не в состоянии вывезти весь годовой сбор каучука. Тогда Англия, Соединенные Штаты Америки и Франция потребовали от Бразилии интернационализации Амазонки⁸¹. Бразилия была слишком слаба и не могла противостоять могущественным державам. На Амазонке появились океанские суда, началось строительство железной дороги Мадейра-Маморе⁸², которая облегчила эксплуатацию

Чили и Перу, позволили уточнить форму и размеры Земного тара. На обратном пути Кондамин дал довольно точное описание и составил карту Амазонки.

⁸⁰ **Чарльз Гудьир** – родился в 1800 и умер в 1860 году.

⁸¹ Бразилия открыла Амазонку для плавания судов всех флагов в 1866.

⁸² **Мадейра** – крупнейший правобережный приток Амазонки образован слиянием рек – Маморе и Бени, вытекающих из Кордильер на территории Боливии. Мадейра протекает через Боливию и Бразилию, ее длина составляет 3240 км., а площадь бассейна – 1100 тыс. кв. км. Поскольку водопады на реке мешали транспорту, в 1913 году осуществлено строительство железной дороги Мадейра-Маморе, протяженностью около 400 км. Железная дорога стала важной транспортной артерией, по которой вывозится большое количество древесины и каучука.

каучука на территории Боливии.

Цены на каучук непрерывно росли. Бразилия в качестве основного поставщика богатели и ревниво оберегала семена каучуковых деревьев от вывоза за рубежи страны. В это время в Англии вышла из печати книга Уикгема⁸³, жившего в Бразилии в Монте-Алту, в штате Пара. Уикгем занимался естествознанием и написал книгу о возможности разведения каучуконосов на плантациях. Английские капиталисты стремились подорвать бразильскую монополию на каучук, и некоторые из них заинтересовались книгой, в которой подробно описывались почвенные и климатические условия, необходимые для культивирования каучуконосных деревьев.

В английских колониях было немало местностей, располагавших условиями подходящими для произрастания каучуконосов, в частности, на Малайском полуострове, в Индии и в других тропических странах. Достаточно было завезти туда семена и насадить каучуковые плантации, чтобы подорвать монополию Бразилии на каучук. Англичане решили вывезти семена гевеи из Бразилии контрабандным путем.

– Ах, сто дохлых китов! Теперь я догадался, что этим занялся Уикгем, – воскликнул капитан Новицкий.

– Да, но не он был первым, – продолжал Томек. – Сначала пытался это сделать ботаник Роберт Кросс, сотрудник

⁸³ **Генри А. Уикгем** родился в 1841 году, умер в 1928. Был сыном богатого английского фермера.

Джозефа Гукера, директора ботанического сада в Кью, в Англии. Кросс был известным исследователем орхидей, поэтому отправился в Бразилию, и вместе с семенами цветов переправил через границу три тысячи семян каучуконоса. Транспортные трудности привели к тому, что в Кью только несколько из них дали ростки.

Потом в Бразилии появился известный английский охотник Джон Фаррис. Ему удалось тайно вывезти саженцы гевеи, зашитые в шкуры двух громадных крокодилов. Благодаря тщательному уходу на судне, саженцы благополучно выдержали длительное путешествие, но в оранжерее в Кью – засохли. Тогда английский консул в Бразилии связался с Уикгемом и сославшись на его патриотические чувства, договорился совершить необыкновенную кражу.

Уикгем взялся за выполнение рискованного предприятия с неожиданной ловкостью. Сначала он некоторое время посылал из Бразилии в Ботанический сад в Кью целые корзины с разными видами орхидей. Бразильские таможенники тщательно обыскивали все корзины, но всякий раз ничего не находили, кроме орхидей. Однажды, когда в порту Пара причалил английский корабль, шедший якобы из Манауса в Европу, таможенники не обратили внимания на корзины с орхидеями, которые вез с собой Уикгем. Таким образом, ему удалось вывезти в Англию семьдесят тысяч семян, из которых под его руководством в ботаническом саду в Кью дали ростки две тысячи восьмьсот штук.

Полученные саженцы со многими предосторожностями были вывезены на Цейлон и посажены в Ботаническом саду города Коломбо. Через некоторое время операция была повторена на Малайском полуострове. Теперь там существуют огромные плантации, которые вскоре станут успешно конкурировать с бразильским каучуком⁸⁴.

– Чтоб его акула проглотила, этого Уикгема! Вот как он отблагодарил Бразилию за гостеприимство, – сказал капитан Новицкий. – Как ты думаешь. Никсон принимал участие в этом деле?

– Контрабанда была осуществлена в 1875 году, то есть тридцать пять лет назад, – ответил Томек. – Никсону сейчас не больше пятидесяти.

– Никсону исполнилось пятьдесят четыре года, – уточнил Збышек.

– Таким образом, в то время Никсон был на два года моложе Томека, – сказал Новицкий. – Значит, вполне мог помогать Уикгему.

– Ну, это, пожалуй, ничего общего не имеет с исчезновением Смуги? – вмешалась Салли.

– Если бы так было, Никсон нам сказал бы все, что знает, – ответил Новицкий. – В деле исчезновения Смуги только у

⁸⁴ В 1914 году производство каучука на Цейлоне и на Малайском полуострове превысило поставки каучука из диких лесов. Ныне плантации поставляют около 98 процентов всего количества натурального каучука. Следует отметить, что в связи с распространением производства синтетического каучука можно ожидать упадка этих плантаций.

одного Альвареса рыльце в пушку!

– В особенности потому, что он заинтересован в этом, – добавил Збышек. – Ведь я сам присутствовал при том, как Смуга грозил Альваресу, что один из них погибнет, если расследование подтвердит подозрения в причастности Альвареса к убийству молодого Никсона.

– Альварес мог опасаться, что под влиянием Смуги Матео расскажет всю правду, – заметила Наташа.

– Конечно, а потом ему донесли, что Смуга отправился на Укаялю к Варгасу, – сказал Томек.

– Если Смуга вернулся бы с доказательствами вины, то Альварес погиб бы, как пить дать! И этот подлец прекрасно знает, что ему грозит! Довольно болтовни! У нас с Томеком есть одно срочное дело в городе. Уже поздно, идите спать!

Наташа взглянула на Салли, но та многозначительно приложила палец к губам. Салли подошла к Томеку, чтобы поцеловать его и пожелать спокойной ночи. Когда он наклонился к ней, Салли шепнула:

– Томми, я тебя прошу, будьте осторожны...

– Не беспокойся... – шепотом ответил Томек и крепко обнял жену.

Салли вышла из гостиной. Наташа и Збышек ждали ее в сенях.

– Еще не поздно, пойдем к нам, поговорим, – предложила Наташа.

– Хорошо, а то я все равно теперь не засну.

Как только они вошли в комнату, Наташа взволнованно спросила:

– Куда они собрались?!

Салли в задумчивости молчала. Только после длительной паузы, взглянув на обеспокоенных друзей, она сказала:

– Редко бывает, чтобы добродушный капитан Новицкий так разгневался, как сейчас.

– Что они намерены делать в городе? – опять спросила Наташа, вопросительно глядя на Салли и мужа.

– Не будем строить догадки! В случае чего скажем, что они работали всю ночь и никуда не выходили из дому, – сказал Збышек и добавил, понизив голос: – Жалею, что они не взяли меня с собой...

– Я тоже! Мы все любим Смугу... – сказала Салли.

– Сначала Джон Никсон, такой молодой, такой жизнерадостный, а после такой благородный человек, как Смуга... Я ничего не изменила в его комнате, ожидая, что он еще вернется... – прошептала Наташа и горько заплакала.

* * *

Положив на кресло чемодан, капитан Новицкий открыл его и обратился к другу со словами:

– Я захватил с парохода наши темные куртки и брюки, а то ночи здесь бывают холодны. Переоденься!

– Что вы намерены предпринять? – спросил Томек.

– Через полчаса назначена встреча со Слаймом у оперного театра. Он прекрасно знает Манаус и этого подлеца Альвареса.

– Стоило ли посвящать в эти дела чужого человека?

– Ни я, ни ты не можем расспрашивать прохожих о таверне Альвареса. Это сразу же обратит на нас внимание. Здесь все прекрасно осведомлены о ссоре Альвареса со Смугой и Никсоном. Если с ним что-нибудь случится, подозрения сразу же коснутся нас. А вот Слайм может без всяких опасений разведать положение. Это парень, что надо, я уж с ним пережил не одно приключение.

– Салли угадала, что мы намерены поговорить с Альваресом. Когда прощалась со мной, то желая спокойной ночи шепнула: будьте осторожны!

– Ее не так легко провести, как кажется! – сказал Новицкий. – Тогда в Аризоне у шерифа Аллана она сразу догадалась, что мы намерены устроить побег Черной Молнии. Теперь из-за присутствия Збышека и Наташи она не могла настаивать, чтобы мы ее взяли с собой. Думаю, что до нашего возвращения она не заснет.

– Вы говорили со Збышеком об Альваресе? – спросил Томек.

– Спрашивал его о том, о сем, да и он сам всегда сворачивал беседу на тему об Альваресе.

– Присутствовал ли он при вашей беседе с капитаном Слаймом?

Новицкий достал из чемодана пояс с револьверами, который надевал только в исключительных случаях, так как обыкновенно носил револьвер в кармане брюк. Взглянул на друга и ответил:

– Я договорился со Слаймом еще во время путешествия на «Санта Марии». Я уже давно решил, что, если не застаю Смуги в Манаусе, то перед отъездом отсюда серьезно поговорю с Альваресом. Скажу тебе, браток, без обиняков, не отговаривай меня от этого, потому что я не уступлю. Ты, как и твой уважаемый папаша, не признаешь насилия. Поэтому я договорился на всякий случай со Слаймом. Это парень моего покроя! Око за око, понимаешь!

Томек посмотрел прямо в глаза Новицкому и тихо сказал:

– Вы напрасно все это говорите. Идем вместе и вместе будем отвечать за наши дела.

– В таком случае, пошли! У нас осталось мало времени.

Друзья на цыпочках вышли из дома на улицу. На фоне неба, усеянного яркими звездами чернел купол оперного театра. Через несколько минут друзья остановились у широкой каменной лестницы. Томек взглянул на великолепный ряд колонн, поддерживающий фронтон, но не успел, как следует, рассмотреть многочисленные украшения, потому что увидел блеснувший огонек между деревьями, росшими около оперного здания. Капитан Новицкий тоже заметил его. Он дал Томеку знак и они поднялись по лестнице наверх.

Капитан Слайм стоял, опираясь спиной о колонну и курил

папиросу. Увидев друзей, протянул им руку и после горячего рукопожатия сказал:

– Ну что, плохое место я выбрал для нашей встречи? Здесь всегда пусто, будто люди боятся духов, которые могут появляться здесь.

– По-видимому, народ здесь бывает во время оперных спектаклей? – заметил Томек.

– Оперные спектакли?! – ответил Слайм и захохотал. – До сих пор здесь не было еще ни одного оперного спектакля. Здание оперы не хуже чем в Париже, а вот певцов – нет. Иногда сюда раз на несколько месяцев приезжает бродячая труппа артистов и все. Здесь никто не поет. Место как будто специально выбрано для нас.

– Действительно, здание внушительное, что и говорить! – признал Новицкий. – Ты пробовал отмычку? Берет она замок или нет?

– Берет, будь спокоен. Мы проскользнем через служебный ход.

Томек не верил собственным ушам.

– Вы хотите заманить сюда Альвареса? – удивленно спросил он.

– Слайм обдумал это еще на пароходе, – ответил Новицкий. – Изобретательный парень, нет?

– Здесь нам никто не помешает. Кроме того, если бы во время беседы с Альваресом, что-нибудь случилось, пройдет много времени пока его обнаружат, – сказал капитан

Слайм. – У него дома слишком многолюдно. Там нельзя с ним спокойно поговорить.

– А как мы его сюда заманим? – спросил Томек, с тревогой наблюдая за выражением лиц своих друзей.

– Я узнал, что Альварес ежедневно до поздней ночи сидит в своем кабаке, Тешоуру. Домой возвращается один или в обществе индейского слуги, с которым вы уже столкнулись на «Санта Марии», – сказал Слайм.

– Мы должны поймать их по дороге домой.

– А что мы сделаем с индейцем, если он будет сопровождать Альвареса? – продолжал вопросы Томек.

– Вот в этом-то и вопрос, – признал Новицкий. Индеец – безвольное оружие в руках Альвареса.

– Идиот! Он уже давно должен был всадить Альваресу нож под левое ребро в отместку за всех индейцев, которых уложил в могилу его хозяин на сборе каучука, – сказал капитан Слайм. – Что ж, придется мне заняться им, если он выйдет вместе с Альваресом. Оглушу его и свяжу. Полежит до утра в каком-нибудь переулке.

– Прекрасно, но напади на него сзади, – посоветовал Новицкий. – Я и Томек берем на себя Альвареса.

– Идем, а то будет поздно!

В таверне Тешоуру был самый разгар веселья. Через проемы в занавесках на окнах, виднелся свет. Оркестр играл, слышался шум бесед, смех и пение.

Заговорщики остановились на противоположной стороне

узкой улицы, на которой стояла таверна. В этом месте на улицу выходили фасады двух больших зданий, в которых размещались конторы каких-то предприятий или учреждений. В эту пору в них никого не было. Между двумя зданиями находился проход, ведущий во внутренний двор. Заговорщики притаились в этом проходе и стали терпеливо ждать. Иногда дверь таверны отворялась, и в ее проеме появлялись небольшие группы веселых гостей, покидавших таверну, но Альвареса среди них не было.

– Уже прошло больше часа, а негодяй все еще гуляет, – буркнул Новицкий.

– Это его собственный кабаk, говорят он просиживает в нем вплоть до закрытия, – ответил Слайм.

– Если появится в большом обществе, ничего не выйдет из нашей затеи, – встревожился Томек.

Прошло еще немного томительных минут. Вдруг отворилась одна из створок дверей, ведущих из Тешоуру, и в проеме показалась фигура женщины. Вслед за ней поспешно выбежал мужчина. Схватил ее за руку и стал что-то тихонько нашепывать на ухо.

– Это он! – шепнул Томек.

– Альварес... – подтвердил Новицкий.

– Они вышли вместе, что будем делать? – спросил капитан Слайм.

– Подожди здесь, возможно покажется еще и индеец, а потом скачи за нами по направлению к опере, – распорядился

Новицкий. – Мы с Томеком пойдем за Альваресом.

– Он, пожалуй, еще не пойдет домой, ведь он выбежал за женщиной, оставив в таверне шляпу. Они ссорятся... – заметил Томек.

– Скорее, иди и не мешкай! – потребовал Новицкий.

Прячась за выступы стен, они быстро шли по своей стороне улицы. Альварес и женщина свернули в первую поперечную улочку. Новицкий оглянулся, Слайм уже бежал за ними.

– Индейца нет, Слайм на месте! Стодохлых китов в зубы! Черти наслали эту бабу. Что с ней сделаем? – шепнул Новицкий.

– Быстро – на ту сторону! – спешно потребовал Томек.

Они остановились под стеной здания. Томек осторожно выглянул из-за угла в переулок. Однако сразу же отпрянул и сказал:

– Женщина вошла в дом. Альварес ожидает на улице.

– Идем, ты веди меня, как пьяного, – шепнул Новицкий.

Они вышли из укрытия. Томек держал приятеля под руку. Шли шатаясь. За углом у следующего дома стоял Альварес. «Пьяные» мужчины были здесь настолько обычным явлением, что Альварес не обратил на них внимания. При слабом свете редких уличных фонарей он не мог их узнать. В задумчивости, он бросил взгляд на приближавшихся «пьяниц», и отошел на край тротуара, давая им дорогу.

Новицкий и Томек скоро очутились всего лишь в нескольких шагах от Альвареса, стоявшего на краю узкого тротуара.

ра. Кроме них в переулке никого не было. Только в боковом окне горел свет. Когда они поравнялись с Альваресом, Новицкий пошатнулся и толкнул его. Прежде чем Альварес понял в чем дело, получил мощный удар в подбородок. Томек ловко поддержал падавшего ресторатора. Новицкий забросил потерявшего сознание Альвареса на спину, и они побежали вниз по улице. Вскоре к ним присоединился Слайм.

– Что с женщиной? – кратко спросил Слайм.

– Альварес ждал ее у дома, – спешно сказал Томек.

– Когда я бежал за вами, никого нигде не было. Ну, пока что все идет без сучка и задоринки!

Хриплый вздох Альвареса прервал беседу, которую друзья вели вполголоса. Через минуту Альварес очнулся и посмотрел на них налитыми кровью глазами. На его лице появилось выражение крайнего изумления.

– Каррамба! – выругался он по-испански. – Чего вы еще хотите от меня?!

– Скоро узнаешь, а теперь молчи, если тебе жизнь мила, – предупредил его Новицкий.

– Немедленно пустите меня, не то я вас отдам в руки полиции!

– Не успеешь! – ответил Новицкий. В его руке блеснула сталь револьвера. – Ну, зови на помощь!

– Это разбой! – крикнул Альварес. Он попытался высвободиться из объятий моряка.

Новицкий приложил ствол кольта⁸⁵ к виску Альвареса и отвел курок большим пальцем.

– Еще одно слово, и все дело закончит пуля, – с угрозой в голосе сказал он. – Пойдешь за нами! Если кого-нибудь встретим по дороге притворяйся, что ты захмелел. Веди нас, Слайм, мы придержим молодца!

До оперы было совсем близко. Томек и Новицкий вели Альвареса, держа его между собой. Альварес шел не сопротивляясь, так как сквозь одежду чувствовал ствол кольта, приставленного к боку. Было довольно поздно, поэтому по дороге они встретили только двух прохожих, которые, заметив группу подвыпивших мужчин, поскорее перешли на противоположную сторону улицы.

На площади перед зданием оперы было пусто. Вскоре они подошли к служебному входу в здание. Слайм ловко щелкнул замком и отворил дверь. Они вошли в коридор. Слайм запер дверь, достал из кармана свечу и зажег ее.

– Веди! – сказал Новицкий.

Слайм направился в глубину здания. Стволом револьвера Новицкий подогнал Альвареса. Через несколько шагов Слайм остановился и отворил вторую дверь.

– Здесь вы сможете спокойно поговорить, – заявил он и первым вышел на сцену театра.

Новицкий подтолкнул Альвареса туда же.

⁸⁵ Шестизарядный барабанный револьвер, опатентованный в 1835 г. американским инженером Сэмюэлем Кольтом (род. в 1814, ум. в 1862 г.).

– Каррамба! Что это значит? – воскликнул Альварес, в изумлении оглядываясь вокруг.

Новицкий остановился и спрятал револьвер в кобуру.

– Теперь мы можем поговорить с тобой. Здесь нам никто не помешает, – сказал он.

Альварес отступил на шаг, пригнулся...

– Руки прочь от карманов! Знаю, что там у тебя револьвер, – предостерегающе крикнул Новицкий. – Я и мои товарищи стреляем не хуже... Смуги.

Альварес остановился, как вкопанный. В его глазах попеременно отразились недоумение, потом внезапное прозрение и страх.

– Кто вы такие? Что вам нужно? – спросил он.

– Ты думал, что мы хотим отомстить за драку на судне? Нет, там ты свое получил и мы квиты, – сказал Новицкий. – Сегодня ты ответишь за то, что сделал Смуге. Мы его друзья.

На лице Альвареса появилось выражение облегчения.

– Ах, вот в чем дело?! – сказал он. – Это какое-то недоразумение. Я сеньору Смуге ничего плохого не сделал. Не знаю даже, где он сейчас. Несколько месяцев назад он заявил мне, что уезжает в лагерь на Путумайо. С той поры я его не видел.

– Слушай, у нас нет времени играть с тобой в прятки. Мы знаем, что сказал тебе Смуга перед отъездом на Путумайо, и знаем зачем он туда поехал. Смуга нашел доказательства твоей вины. Матео признался во всем. Потом Смуга поехал на Укаяли, чтобы поймать Кабрала и Хозе, то есть подослан-

ных тобой убийц Джона Никсона. Смуга не вернулся оттуда, а ты должен знать, что с ним случилось.

– Почему я должен знать?! – спросил Альварес.

– Смуга тебе сказал, что сведет с тобой счеты, как только добудет доказательство твоей вины. Тебе донесли, что такое доказательство он добыл. Ты предупредил Кабрала и Хозе, а те заманили Смугу в ловушку.

– Это ложь! – резко возразил Альварес.

– Значит, ты не знаешь, где теперь Смуга?

– Не знаю!

– Хорошо, это твое дело. Смуга убедился, что это ты подослал убийц Джона Никсона. Если бы он вернулся, ты уже давно качался бы в петле. По твоей вине Смуга пропал без вести, а может быть погиб. Раз ему не суждено закончить дело, за которое взялся, мы его закончим. Теперь ты дашь нам ответ за все преступления, которые ты совершил.

– Вас трое против меня одного!

– Ты прав, это было бы убийство, хотя сам ты не очень разбирался в средствах и не дал бедному Никсону шансов на защиту. Но мы люди другого покроя. Я здесь только заменяю Смугу. Если победишь меня, мы дадим тебе спокойно уйти.

– Не верю!

– Слайм, Томек! Вы слышали, что я сказал? – спросил Новицкий.

– Ты слишком долго церемонишься с этим подлецом. Повесить его и дело в шляпе! – ответил Слайм.

– Это не твое дело!

– Ладно, пусть не мое, – сказал Слайм.

– Он должен предстать перед судом, но я знаю, что нам на слово не поверят, – сказал Томек. – Кроме того, Альварес признает право сильного. Если он теперь победит, уйдет отсюда беспрепятственно, но не обещаю, что потом не рассчитаюсь с ним.

– Ну, выбирай! Револьвер, или нож! – крикнул Новицкий. Альварес окинул взглядом противника. Сам он отличался силой и обладал большим опытом в рукопашных схватках. Револьверу он предпочитал нож. Подумав немного, он сказал:

– Раз вы вынуждаете меня к драке, пусть будут ножи.

ХII

ОТЧАЯННАЯ СХВАТКА

Капитан Новицкий отстегнул пояс с револьверами и отбросил его в сторону. Снял куртку и закатал рукава сорочки. Из-за пояса брюк у него торчала рукоятка охотничьего ножа.

Насупив брови, Томек наблюдал за действиями друга. Он был уверен, что будь на его месте отец, он ни за что не позволил бы вести такой поединок. Знал также, что заставить Новицкого отказаться от борьбы нельзя, потому что тот еще во время путешествия на «Санта Марии» поклялся расправиться с Альваресом при первой возможности. Несмотря на это, Томек подошел к Новицкому и шепотом спросил.

– Что скажет об этом папа, когда узнает?

– Стодохлых китов в зубы! Теперь не время читать мораль! Я тебе уже говорил, что от своего не отступлю! Томек тяжело вздохнул и сказал:

– Будьте, по крайней мере, осторожны, Альварес, как видно, не из трусливого десятка!

– Не беспокойся, браток, Альварес только храбрится! Ты же знаешь, что на меня можно положиться в этих делах!

– Осторожность и расчет – вот самое главное! Нас ждет тяжелая экспедиция. Один, да еще с женщинами, я не много

сделаю. Стоит ли брать на свою совесть убийство, даже такого подлеца, как Альварес?

– Послушай, браток, если бы так поступили с нами, Смуга бы не спустил никому!

Пока друзья вели эту тихую беседу, Альварес тоже успел снять куртку и отложил ее в сторону. Закатал рукава выше локтей, достал из кармана брюк нож, нажал пружину, отчего выскочило острие и крикнул:

– Я готов, начинаем! Помните, однако, об уговоре!

– Ты спешишь в ад?! – ответил Новицкий. Он подмигнул Томеку, и, не доставая ножа, пошел на Альвареса.

Держа нож в руке, Альварес готовился к прыжку на противника. Немного наклонившись вперед, Новицкий обходил Альвареса полукругом, постепенно сближаясь с ним. Альварес не спускал глаз с Новицкого. Моряк подходил к нему справа, поэтому Альварес ловким движением повернулся лицом к противнику. Новицкий отступил немного и снова начал прежний обходной маневр. Таким образом, моряк заставил Альвареса вертеться на месте, а сам заходил то с правой, то с левой стороны. Вдруг Новицкий нагнулся еще ниже, словно готовился к прыжку. Альварес замахнулся и как молния бросился на моряка с ножом. Новицкий в последний момент отскочил в сторону. Удар ножом пришелся в пустоту, а Новицкий краем левой ладони ударил Альвареса в сустав руки, сжимавшей в кулаке нож. Альварес непроизвольно выпустил нож, который покатился в угол сцены.

Альварес выругался. Хотел поднять нож, но Новицкий прыгнул на него и навалился всей тяжестью тела. Сжав друга в смертельных объятиях, враги покатались к краю сцены и рухнули вниз, в помещение оркестра. Послышался треск ломаемых пюпитров и стульев.

Томек и Слайм со свечой в руках подбежали к яме для оркестра. В тусклом свете трудно было различить, что происходит внизу. Потеряв нож, Альварес бросился на противника, как сумасшедший. Удары следовали один за другим, как молнии. Ежесекундно то один, то другой из борющихся падал на пол, подхватывался, пытался ударить. Кресла разлетались в куски, ломаясь под тяжестью тел.

Несмотря на полумрак, Томек узнавал Новицкого по светлым волосам. Вдруг Альварес глухо застонал и резко согнулся, схватившись руками за живот. Томек побледнел, так как думал, что Новицкий ударил противника ножом. Однако в этот миг Новицкий коленом ударил Альвареса в лицо. Тот, словно отброшенный пружиной выпрямился и грохнулся оземь.

Новицкий тяжело дышал. Несколько мгновений он стоял неподвижно. Альварес пытался подняться, но не мог, так как совершенно обессилел. Наклонившись вперед, Новицкий стал опять подходить к нему. Только теперь он выхватил из-за пояса нож.

Альварес заметил это движение. Вытянул вперед дрожащие от ужаса руки.

– Не убивай меня!.. – хрипло крикнул он.

– Где Смуга? Говори! Что ты с ним сделал?

– Не убивай, я ничего не знаю о Смуге...

– Лжешь, подлец! Ты предупредил своих сообщников, что Смуга поехал за ними на Укаяли!

– Это неправда! Я не знал, что он туда поехал!

– Лжешь!

Новицкий наклонился над Альваресом, который, ошалеv от ужаса, внезапно крикнул:

– Подожди, письмо! Есть доказательство!

– Какое письмо?

Дрожащими руками Альварес стал копаться в кармане брюк.

– Уже знаю, знаю, письмо в кармане куртки! Проверьте, это письмо от Варгаса.

– Посмотри-ка, Томек, есть ли у него в пиджаке письмо, – приказал Новицкий.

Томек принес куртку Альвареса и стал обыскивать карманы. В одном из них он нащупал конверт.

– Читай, – потребовал Альварес.

– Письмо написано по-испански, – сказал Томек, заглядывая в бумагу.

– Я не знаю испанского...

– Давайте мне, – вмешался капитан Слайм. – Подержите свечу!

«Ла Уаира, 10 сентября 1910 года, – читал Слайм, сразу

же переводя текст на английский язык. – Уважаемый Альварес, я никогда не представлял, что человек так хорошо разбирающийся в делах, может вести себя, как старый дурак. Мало того, что ты тайно нанимаешь моих людей для расчетов со своими конкурентами, ты еще причиняешь мне неприятности. О нападении на лагерь Путумайо я узнал от некоего Смуги, который появился в Уаире в августе, чтобы захватить хорошо тебе известных Кабрала и Хозе. Смуга обвинял их в нападении на лагерь и в убийстве родственника своего компаньона Никсона. Кабрал и Хозе привели ко мне индейцев из племени сюбео, но не сказали мне, что взяли их из лагеря Никсона. Я не хотел ссориться с этим Смугой, который приехал ко мне не один. С ним был Уилсон, сотрудник Никсона и несколько индейцев. В последнее время у меня довольно своих неприятностей, поэтому я втихомолку выгнал Кабрала и Хозе. С ними я отправил пятерых доверенных индейцев из племени пира, чтобы они следили за действиями этих идиотов. Кабрал и Хозе укрылись в Гран-Пахонали. Я вернул Смуге сюбео, угнанных из Путумайо, но он потребовал выдать ему Кабрала и Хозе. Ему они нужны в качестве свидетелей против тебя. Как только он узнал, что эти двое укрылись в Гран-Пахонали, отправил своих людей обратно, а сам с метисом Матео организовал погоню. Я ему даже дал в помощь троих моих индейцев как носильщиков. С ними отправился также один индеец кампа, который подслушал твоих дураков, когда они советовались как и куда

скрыться.

Что там произошло в Гран-Пахонали, сам черт не разберет.

Ни Смуга, ни мои люди не вернулись до сих пор. Канули как камень в воду. Их, вероятно, убили дикие кампы, которые ненавидят белых, или, может быть, взяли их в плен и обратили в рабство. Есть дикие племена, которые считают почетным делом держать в рабстве белого человека.

Я не хочу, чтобы чужие люди ходили здесь, разнюхивая куда пропал Смуга. Повторяю: у меня довольно своих хлопот!

Поэтому держись от моих людей подальше, если не хочешь чтобы я нанес тебе визит в Манаусе. Варгас».

– Почему ты сразу не показал нам это письмо? – воскликнул капитан Новицкий, когда Слайм кончил чтение.

– Я только теперь вспомнил о нем. Ведь получил я его несколько месяцев назад, – ответил Альварес. – У вас в руках доказательство, что я неповинен в исчезновении вашего друга.

– Из письма можно заключить, что Смуга еще не погиб, – сказал Томек.

– Да, браток, это хорошие вести, – согласился Новицкий. – Возьми это письмо, оно может нам пригодиться.

– Что теперь делать с Альваресом? – спросил капитан Слайм.

– Я хотел отомстить за Смугу, но перед самой борьбой

Томек начал отговаривать по-своему и, действительно, мне стало как то неудобно. Мы, выходит, привели его сюда, как вола на бойню! Мой папаша в Варшаве всегда говаривал: «не суди никого и тебя судить не будут». Раз мы теперь знаем, что Альварес не виноват в пропаже Смуги, так черт с этим Альваресом! Иди отсюда, но помни, если еще раз тронешь Никсона, то пощады больше не жди!

Обрадованный Томек соскочил со сцены, и крепко обнял друга.

– Хорошо, хорошо, ты добился своего, – ворчал Новицкий. – Однако пусть он отсюда уходит, пока я не раздумал! Помоги ему, браток, одеться, потому что, как я вижу, он немного обессилел.

– Ничего удивительного, кто бы справился с вами!

– Ты так думаешь? Ну поначалу он неплохо огрызался! Однако знаешь что? Давай перейдем на ты! Правда я, как будто старше тебя, но ты женат, а я холостяк. Кто знает, может быть ты скоро станешь отцом? Это сравнивает разницу в годах!

Томек и Новицкий подали друг другу руки, после чего втащили Альвареса на сцену, потому что под ним еще подгибались колени. На лестнице они попрощались со Слаймом, который спешил на судно. Перед тем, как отпустить Альвареса, Новицкий схватил его за отвороты куртки и сказал:

– По твоей милости мы наделали в опере балагану. Займись ремонтом стульев и пюпитров. Я скажу Никсону, чтобы

проверил и сообщил мне.

– Хорошо, сеньор, будет сделано, – послушно ответил Альварес.

– Ну, так поздравляю, послезавтра Новый Год! Лучше всего будет, если ты переоденешься Дедом Морозом, не будешь пугать людей синяками!

На вспухшем, покрытом ссадинами лице Альвареса появилось подобие улыбки. Выглядел он ужасно, и все ещё еле держался на ногах. Окровавленная сорочка висела на нем лохмотьями. Несмотря на это, он смотрел на своего погромщика скорее с восхищением, чем с ненавистью.

– Да, неплохо я получил, еще и сейчас кружится голова! – немного бодрее сказал он. – Этот молокосос повалил меня на корабле, каким-то неизвестным мне приемом, но ты, сеньор, в самом деле сильнее меня. Ты мог меня убить! Скажи, почему во время борьбы ты не пырнул меня ножом?

– Нож – оружие подлецов, а я люблю честную борьбу!

– Я не очень меткий стрелок, поэтому боялся вашего Смуги. К счастью, я вовремя вспомнил о письме! Ну, я пошел! Уже скоро рассвет! До свидания.

Альварес исчез в темном переулке.

– Ушел живой... – проворчал Новицкий. – Лишь бы не пытался совать нос в наши дела!

– Мы добыли доказательство, что он в прямом смысле не виновен в исчезновении Смуги, – сказал Томек. – За остальные его прегрешения он когда-нибудь понесет заслуженное

наказание, можешь быть в этом уверен! Но мы не можем так поступать, как он!

– Не знаю, совладал бы я с собой, если бы не письмо Варгаса, – ответил Новицкий. – Если говорить правду, я думал, что Смуга погиб. Поэтому как услышал, что он может быть у индейцев в плену, я от радости мог бы расцеловать этого Альвареса.

– Ты прав, это письмо и меня приободрило. Идем-ка домой, скоро рассвет. Мне надо приложить компресс к левому глазу. Опухло так, что ничего не видно.

– Лучше всего помогает сырой бифштекс.

– Может быть, найдется у Наташи в леднике!

– Посмотри, браток! Наши еще не спят. В окнах горит свет!

– Я ожидал, что так будет. Они догадались, куда мы пошли.

Друзья осторожно вошли на веранду, потом в сени. Они несказанно удивились и даже встревожились, увидев через дверной проем не только всех домашних, но и Никсона.

– Слава богу! Наконец вернулись! – воскликнула Наташа, подбегая к ним. – Разве Альварес?..

Она умолкла на полуслове, потому что взглянула на капитана Новицкого и поразилась его внешнему виду, красноречиво свидетельствующему об его участии в борьбе.

– Что случилось? Почему господин Никсон явился сюда ночью? – обеспокоенно спросил Новицкий.

– Все ли в порядке, ребята? – спросила Салли.

– В порядке, дорогая, – успокоил ее Томек. – Объясни-ка ты, пожалуйста, что здесь происходит.

– Мы догадались, что вы пошли к Альваресу, чтобы расправиться с ним. Поскольку вы долго не возвращались, мы решили пригласить господина Никсона, полагая что нам может потребоваться помощь с его стороны, – сказала Салли. – Вот Збышек и пригласил его к нам.

– Почему вы не сказали мне, что собираетесь поприжать Альвареса? Я бы взял с собой нескольких преданных людей и пошел бы вместе с вами, – вмешался Никсон. – Вижу, что дело дошло до драки. Вы не ранены?! Может быть позвать доктора?

– Не стоит беспокоить доктора из-за такой мелочи, – заявил Новицкий.

– Я сейчас займусь капитаном, только я сгораю от любопытства, что вы сделали с Альваресом? – воскликнула Салли с нетерпением.

– Он получил свое! Если бы в последнюю минуту он не вспомнил о письме Варгаса к нему, был бы уже мертвецом, – ответил Томек.

– Неужели? Наконец, Альварес поплатился за свои делишки?! – воскликнул Никсон. – Кроме Смуги, до сих пор никто не мог добраться до его шкуры!

– Можете быть уверены, что Альварес не скоро решится стать на вашем пути. Даже через полчаса после драки он не

мог прийти в себя, ноги его не держали, – добавил Томек. – Это была борьба не на жизнь, а на смерть!

– Что писал Варгас в письме? Как видно там были сведения о Смуге, раз письмо спасло жизнь Альваресу? – вмешался Збышек.

– Будьте добры, Томми, расскажите нам все с самого начала! По-видимому, у вас важные вести, – попросил Никсон.

Томек рассказал обо всем, что произошло в оперном театре. Когда он закончил рассказ, первая взяла слово Наташа:

– Значит, есть луч надежды, что Смуга еще жив!

– Варгас уже много лет живет среди индейцев и прекрасно знает их обычаи, – сказал Никсон. – Индейцы племени пиров очень его уважают. Если он считает, что Смуга может быть в плену, то, кто знает, может быть он прав? Если у нас есть хотя бы один шанс из ста, нельзя его упустить! Экспедиция может надолго затянуться. Найти Смугу в Гран-Пахонали не просто. Располагаете ли вы достаточным временем?

– До тех пор, пока не найдем нашего друга, или его могилу, мы не уедем. Но даже и в последнем случае мы должны будем раскопать его могилу, чтобы убедиться, что в ней действительно похоронен Смуга, – твердо сказал капитан Новицкий.

– Экспедиция потребует крупных расходов. Компания «Никсон-Риу-Путумайо» берет на себя все расходы. Завтра я открою вам счет в банке в Икитос, – добавил Никсон. – Если вы считаете, что я могу пригодиться еще на что-нибудь,

я готов принять участие в экспедиции.

– Таскаться по степи – дело не для вас! – ответил Новицкий. – Больше пользы будет от нескольких верных индейцев.

– Я присоединяюсь к мнению капитана Новицкого, – сказал Томек. – Кроме того, с нами обязательно хотят идти Збышек и Наташа.

– Если дело обстоит так, то господин Карский будет представителем нашей фирмы в составе экспедиции. Жалование буду платить на ваш счет в банке. Согласны?

– Большое спасибо! Вы и без того оказали нам с женой множество добра, – ответил Збышек.

– Все в порядке, – заключил Никсон. – Я в долгу перед Смугой. Сделаю все, чтобы ему помочь.

– Мы вам очень благодарны. Большое спасибо от имени Смуги, – сказал Томек. – Финансовая помощь для нас весьма пригодится. Мы не так богаты, чтобы организовать экспедицию должным образом.

– Прошу вас не обращать внимания на сумму расходов. В конторе мы закончим все формальности.

– Томми, ты помнишь, что нам говорил господин Фаучит? – спросила Салли.

– Ты имеешь в виду сокровища Мурибека? – спросил в свою очередь Томек. – Ах, уже знаю!

– Ну, что там нового выдумала наша голубка? – с любопытством спросил Новицкий.

– Она мне напомнила недавний разговор с одним челове-

ком, который утверждал, что есть индейские племена охотно держащие в рабстве белых людей, – ответил Томек.

– Расскажи нам об этом, пожалуйста! – попросил Збышек.

– Это интересно, и, возможно, важно в нашем теперешнем положении, – добавила Наташа.

– Пожалуйста, говорите! – поддержал просьбу Никсон. – Кто такой этот Фаучит? Я, кажется, уже слышал эту фамилию.

– Очень может быть, потому что полковник Фаучит один из исследователей Южной Америки, – сказал Томек. – Когда он состоял генеральным комиссаром Боливийско-Бразильской пограничной комиссии в 1906 году, и потом, в 1909 году, он совершил весьма важные открытия в восточной Боливии. Теперь он, по-видимому, опять находится в Южной Америке.

Несколько месяцев назад я встретился с ним в Лондоне в Королевском географическом обществе. Он читал там лекцию об индейской цивилизации якобы существовавшей на землях Южной Америки еще до завоевания ее инками. Есть множество легендарных известий о затерянных городах, рудниках и о странном племени, которое избегает встречи с белыми. Фаучит собирал эти легенды, изучал их, и в конце концов, пришел к убеждению, что в неизвестных еще, недоступных уголках южноамериканских лесов кроется множество тайн. Фаучит верил в существование древних городов и рудников Мурибека и довольно много говорил о них. Кроме

того, он предполагал организовать крупную экспедицию на поиски этих затерянных объектов древней цивилизации⁸⁶.

– Что это за сокровища Мурибека? – спросил Збышек.

– Вот, вот, расскажи нам о них, – добавил Новицкий.

– Спустя всего лишь несколько лет после открытия Америки Колумбом один из португальских конкистадоров женился на индианке из племени тупинамба и долгие годы жил среди ее соплеменников. У них родился сын, которого называли Мелчиором Диасом Морейра, а индейцы по-своему – Мурибеком. Этот Мурибек открыл множество серебряных руд-

⁸⁶ В то время Томек не мог еще знать, что Перси Фаучит, английский военный и заслуженный путешественник, осуществил свои планы в 1925 году. Фаучит с сыном Джеком и другом Ралеем Римеллем организовал экспедицию на Мату-Гроссу, чтобы окончательно выяснить тайну древних, затерянных городов. Из этой экспедиции Фаучит и его спутники не вернулись. Их гибель стала известной в мире. Начались поиски. Однако снаряженная на поиски экспедиция комендора Дьотта в 1928 году не дала результатов. В 1930 году поиски начал журналист Альберт Винтон, но и он пропал без вести. Экспедиция Вирджинию Пессионе прислала весточку с берегов реки Кулуэни, якобы им стало известно, что Фаучит находится в плену у индейцев арувуду, живущих в глубине Мату-Гроссу. Подобное известие принес Патрик Ульатт, который вместе со своим братом Гордоном начал поиски Фаучита. Однако ему не удалось пройти через земли индейского племени бока-прета, так как индейцы не пропустили его в район, где он надеялся встретить Фаучита. Безрезультатными оказались и все другие экспедиции. На протяжении многих лет находились люди, которые утверждали, что встречали Фаучита или слышали рассказы о нем. Показывали даже индейского мальчика, который якобы был сыном Фаучита. Однако это были сведения не внушавшие доверия. Обстоятельства исчезновения Фаучита остаются до сих пор загадкой. Возможно ему удалось дойти до легендарного города, жители которого отгородились стеной от остальных племен? Может быть он до сих пор живет там? Кто может дать ответ на эти вопросы?

ников, золотых и алмазных россыпей. Сын Мурибека, Робейро Диас, был посвящен во все тайны отца, сокровищам которого завидовали другие белые. Робейро как-то согласился сообщить королю Португалии данные о местах, где находятся серебряные рудники, потребовав за это титула маркиза дос Минас. Во время похода к рудникам Робейро убедился, что король не намерен сдержать данное слово⁸⁷. Диас отказался показать дорогу к рудникам и вскоре умер, не открыв никому тайны. После него многие смельчаки пытались найти сокровища Мурибека, но никому не удалось напасть на следы древних рудников. Большинство экспедиций, даже с довольно большим числом участников, навсегда исчезали в джунглях. Что касается индейцев, то от них нельзя было добиться каких-либо сведений о сокровищах Мурибека.

По мнению Фаучита, в глубине континента сохранилось древнее племя. Возможно члены этого племени бежали от жестоких завоевателей инков и выставили против них заслон из многих диких племен? Это могло бы объяснить почему так много экспедиций, отправившихся на поиски древних городов исчезали без следа. Фаучит говорил также, – об этом и напомнила Салли, – что среди некоторых диких племен существует обычай содержать в плену белых людей, причем это придает племенам вес и значение. Бывает иногда, что ин-

⁸⁷ Речь идет о португальском короле Педру II. **Маркиз** – первоначально этот титул имел то же значение, что и маркграф. Впоследствии маркиз стал дворянским титулом в Испании, Франции, Англии и Италии, занимая среднее место между принцем и графом.

дейцы избирают такого белого своим вождем, но, несмотря на это, следят за каждым его шагом.

– Таким образом, есть еще одно доказательство того, что догадки Варгаса не лишены основания, – сказал Никсон.

– Мы не можем терять ни минуты больше! – воскликнул капитан Новицкий. – Если Смуга жив, он возможно требует немедленной помощи!

– Как же мы найдем его следы в этой дикой, лишенной дорог стране? – опечалилась Наташа.

– Если Смуга жив, Томми найдет его, как некогда нашел в буше меня и вырвал из плена у индейцев зуни в Мексике! – уверенно сказала Салли.

– То, что Томеку удалось в Северной Америке должно удастся и в Южной! – заявил Збышек. – Однако не могу понять, почему в Северной Америке колонизация достигла таких великолепных успехов, а здесь еще остается глушь и дикость?

– Мой дорогой, есть много причин такого положения вещей, – ответил ему Томек. – Достаточно взглянуть на карту...

– Они успели мне надоест еще в школе! – перебил его Збышек. – Ведь условия на обоих континентах похожи, но здесь почему-то цивилизация не проникает в глубину!

– Я вижу, что школьные карты не много принесли тебе пользы, – продолжал Томек, улыбаясь брату. – У меня на «Санта Марии» хранится обширная книга по географии

Южной Америки. Советую тебе во время поездки на корабле внимательно ее проштудировать. Некоторые сведения пригодятся тебе во время путешествия.

– Неужели я ошибаюсь, утверждая что оба континента не очень отличаются друг от друга по природным условиям? – удивился Збышек.

– Объясни нам, Томек, в чем тут дело, потому что я тоже до сих пор была того же мнения, что и Збышек, – сказала Наташа.

– Скоро утро, и ложиться спать уже не стоит, поэтому я присоединяюсь к просьбе Карских и тоже охотно послушаю ваш рассказ, – заявил Никсон.

– Природные условия на обоих Американских континентах похожи, в особенности, если принять во внимание систему образования горных цепей. Древние горы находятся на востоке обоих континентов, а новые горные цепи продолжают формироваться на западе. Но есть и весьма значительная разница.

В Северной Америке есть центральные районы равнин, орошаемые реками бассейна Миссисипи, которые тянутся непрерывно от Аппалачей до Скалистых Гор, причем Миссисипи впадает в Мексиканский залив. В Южной Америке есть три огромных равнинных пространства, разделенных возвышенностями, причем реки, которые их орошают впадают в океан в трех разных местах.

Широкая равнина на восточном побережье Северной

Америки, простирающаяся от штата Мэн на севере, вплоть до Флориды на юге, способствовала прониканию в глубь континента европейских поселенцев, тогда как в Южной Америке прибрежные горы затрудняли это и вынуждали пользоваться реками как единственно удобными путями сообщения.

Огромная центральная равнина в Северной Америке обладает превосходными условиями для строительства шоссейных и железных дорог, что способствовало объединению в одно целое отдельных территорий, и дало толчок развитию торговли и промышленности.

В Южной Америке, наоборот, горные барьеры, разъединяющие равнины препятствовали развитию путей сообщения. Поэтому здесь поселения возникали, главным образом, на побережье континента, а внутренние области оставались разобщенными и до сих пор в экономическом отношении не составляют единого целого. Поэтому отдельные страны в Южной Америке находятся на разной ступени развития и разнятся как рельефом территории, так и климатом, уровнем культуры и образования жителей, степенью использования естественных богатств и уровнем жизни населения.

Никсон одобрительно посмотрел на молодого географа, а когда Томек умолк, сказал:

– Я должен поздравить вас. У вас весьма глубокие познания о мире! Однако мне приходилось слышать, что побережья рек, в особенности берега Амазонки обезлюдели в ре-

зультате португальского и испанского завоевания Латинской Америки.

– Совершенно верно! – согласился Томек. – Франсиско Орельяна, испанский конкистадор⁸⁸, вместе с Писсаро отправились в 1541 году из Кито на восток, надеясь найти легендарную страну золота, Эльдorado. Ему удалось дойти до реки Напо. Там он построил корабль, на котором дошел до Амазонки и первым из европейцев пересек весь континент от истоков Напо до Атлантического океана.

Орельяна был поражен плотностью населения на обоих берегах Амазонки. Его спутник Фриар Карвахал указал в своем донесении, что территория подчиненная великому владетелю Мачипаро простирается, по крайней мере, на 130 километров в длину и густо заселена. От одной деревни до другой расстояние не превышало длины полета стрелы, выпущенной из лука. Встречались такие места, где человеческие поселения тянулись сплошь на расстоянии до девяти километров, дом около дома. Индейцы с берегов Амазонки сначала относились к Орельяне и его товарищам довольно благожелательно и только потом, когда убедились в жестокости конкистадоров, которые охваченные жаждой найти золото безжалостно убивали туземцев, они изменили к ним от-

⁸⁸ Орельяна вместе с Франсиско Писсаро завоевал Перу. Благодаря экспедиции Орельяны была открыта и обследована Амазонка от истоков до устья. Орельяна был первым европейцем, который прошел через весь южноамериканский континент. Орельяна погиб в 1546 году во время нового похода к верховьям Амазонки, в который отправился, надеясь найти Эльдorado.

ношение. В большинстве случаев индейцы ушли с берегов реки в недоступные леса.

– Теперь белые относятся к индейцам не менее жестоко, – сказала Наташа. – Они принуждают их к рабскому труду и зверски обращаются с ними. Если каучуковая лихорадка продлится еще какое-то время, то население значительной части континента будет совершенно уничтожено!

– Что за ужасы ты говоришь! – шепнула Салли.

– Здесь человеческая жизнь ценится очень мало, – согласился Збышек.

– То, что португальцы и испанцы жестоко расправились с местным населением – правда, но и теперь здесь царит полнейший произвол! – сказал Никсон.

– Довольно разговоров! – потребовал капитан Новицкий. – Пора подумать о приобретении в Манаусе снаряжения для экспедиции.

– Придется ограничиться самым необходимым. Во время этой экспедиции трудно рассчитывать на носильщиков, – сказал Томек.

– Верно! – согласился Новицкий. – У нас нет даже уверенности согласятся ли индейцы сюбео идти с нами.

– Я вам помогу завербовать нескольких людей, достойных доверия, – предложил Никсон. – Вы считаете, что в этой экспедиции я вам не нужен... Ну, что ж, я человек не молодой! Возможно вы правы, но поехать с вами в лагерь на Путумайо я могу. Сюбео любили Смугу. Если Габоку решит пойти в

экспедицию, за ним пойдут и другие!

ХІІІ

В ЛАГЕРЕ СБОРЩИКОВ КАУЧУКА

Вверх по Риу-Путумайо быстро двигалась длинная лодка. Индейские гребцы сильно и ритмично толкали лодку вперед, глубоко погружая в воду лопатки коротких весел. К вечеру движения сильных рук гребцов становились чаще и сильнее. Если была возможность добраться домой до наступления ночи, индейцы сюбео не останавливались даже на обед, довольствуясь тем, что можно было перекусить во время хода лодки.

Томек Вильмовский одобрительно смотрел на индейцев, которые с самого рассвета почти без отдыха гребли веслами, толкая лодку вверх по реке. Сегодня утром Томек, Новицкий и Никсон попрощались с друзьями на «Санта Марии» и высадились в устье Путумайо на небольшой пристани, к которой причалил капитан Слайм. «Санта Мария» сразу же повернула обратно в Амазонку, направляясь в Икитос в Перу, где Збышек и обе женщины должны были ждать приезда Томека и Новицкого.

Томек с нетерпением ждал встречи с Уилсоном и Габоку, которые были спутниками Смуги во время его путешествия на Укаяли. Он раздумывал над тем, какими аргумен-

тами убедить индейца согласиться сопровождать его во время поисков Смуги. Одновременно Томек прислушивался к беседе Никсона и Новицкого о лагерях сборщиков каучука.

Солнце уже клонилось к закату. Жара спала, прибрежная зелень снова становилась живой и сочной. В кронах деревьев, спутанных лианами распускались великолепные цветы, в кустах, на лугах и среди прибрежных зарослей тростника, то и дело встречались жирующие птицы. Над рекой с громким криком носились зеленые попугаи; дикие животные украдкой подходили к водопою; монотонно пели цикады. Среди прибрежных зарослей мимоз и акаций носились маленькие колибри⁸⁹, издавая характерное жужжание, похожее на шмелиное.

Лодка шла вблизи левого берега Путумайо, поэтому Томек легко заметил стаю необыкновенно вертких и подвижных колибри; их молниеносный полет можно было заметить только тогда, когда они взлетали выше кустов и оказывались на фоне светлого неба. Быстрыми движениями, жужжа крыльшками, птички перелетали от цветка к цветку, на корот-

⁸⁹ **Колибри** – подотряд птиц из отряда длиннокрылых, который делится на два подотряда: стрижей (*Mecropodidae*) и колибри (*Trochilidae*). Колибри красивые и оригинальные птицы, распространены в Центральной и Южной Америке от Лабрадора до Магелланова пролива. Почти каждый географический район располагает присущими ему видами колибри. Отдельные виды, которых насчитывается 319 с 357 подвидами, разнятся между собой строением и длиной клюва и хвоста. Длина тела колибри колеблется от 6,3 до 21,6 сантиметра; вес иногда не превышает 1,7 грамма. Колибри добывают своими трубчатыми языками нектар из чашек цветов и тем самым, подобно насекомым, содействуют их опылению.

кий момент зависали над ними, быстро трепыхая крыльями, и высасывали нектар или ловили мелких насекомых, затерявшихся в чашечке цветка. Когда они зависали над цветком, движение крылышек становилось столь быстрым, что сравнить их можно было только с трепетанием крыльев мух или других насекомых. Кроме того, движениями хвоста они помогали себе сохранить нужное положение в воздухе. Оригинальные, тонкие клювы колибри были приспособлены к форме чашечки цветка, нектаром которого питались птицы. У одних видов клювы длинные и прямые, у других короткие, у третьих закрученные. Птицы зависали над цветком на очень короткое время, издавали при этом характерный, нежный писк, и молниеносно уносились к следующему цветку.

Наблюдая за колибри, Томек обратил внимание на их склонность к ссорам и битвам между собой. Птички непрерывно гонялись одна за другой и во время полета сшибались, норовя угодить противницу клювом. Томек вспомнил, что колибри высиживают яйца в дождливый период, то есть от декабря до февраля. В это время они ведут себя весьма беспокойно и попадают в сварливое настроение. Следя за агрессивностью маленьких птичек, Томек вспомнил мексиканскую легенду о том, будто бы души погибших воинов вселяются в колибри.

Летающие, оперенные алмазы... – сколько загадок кроется в жизни и обычаях маленьких птиц, сколько труда затра-

тили изучавшие колибри исследователи, среди которых было не мало поляков!

Томек вспомнил, что отец говорил ему о знакомстве с Константином Браницким⁹⁰, одним из покровителей природоведческих наук в Польше.

Браницкий, любитель-орнитолог, организовал и финансировал научные экспедиции, направлявшиеся в разные страны за представителями фауны. Благодаря заботам Браницкого, ученый природовед и путешественник Константин Ельский собрал коллекцию фауны Перу. Впоследствии Ельского сменил зоолог и путешественник Ян Штольцман. Он исследовал побережье Перу, район истоков Амазонки, которую прошел вплоть до Белем, откуда вернулся в Польшу. Потом Штольцман вместе с Семирадским путешествовал по Эквадору и совершил поездку по Египту и Судану. Охотник, Ян Калиновский, состоявший на службе у Браницкого, собирал ценные коллекции фауны Бразилии и Перу целых тринадцать лет.

Отец говорил Томеку с какими трудностями и опасностями приходилось встречаться польским ученым-путешественникам⁹¹. Они в большинстве случаев в одиноче-

⁹⁰ **Константин Браницкий** (1824—1889) направлял свои ценные коллекции сначала в Зоологический кабинет Главной школы в Варшаве, потом стал их собирать в Зоологическом музее Браницких (во Фраскати); ныне его коллекции хранятся в Зоологическом институте Польской Академии Наук в Варшаве.

⁹¹ Константин Ельский (1837—1896) исследовал Гвиану, где работал провизором во французском морском госпитале. В 1868 году Браницкий поручил ему

стве, направлялись в глубину неисследованных, диких областей Южной Америки. Сколько трудов стоило, например, Штольцману создание коллекции колибри Лоддигессия мирабилис, существование которого до Штольцмана подтверждалось только лишь наличием единственного экземпляра, пойманного в 1847 году!

Внутренние области Южной Америки представляли множество загадок – они недостаточно изучены. Все еще в глубине материка исчезали без следа путешественники одиночки, и погибали целые экспедиции. На дикой Гран-Пахонали исчез даже такой опытный путешественник, как Смуга.

Томек с гордостью стал вспоминать имена польских уче-

дело коллекционирования южноамериканской фауны. В 1875—1879 годах состоял хранителем Музея Раймонди в Лиме, в 1880 году был назначен хранителем Музея Академии Знаний в Кракове. Штольцман (1854—1928) исследовал в 1875—1881 годах фауну Перу, а в 1882—1884 – Эквадора. Огромные коллекции Ельского и Штольцмана имеют большое научное значение. Они стали ценным материалом для исследований отечественных и зарубежных ученых. В этих коллекциях находилось около 60 видов совершенно до того неизвестных птиц. Калиновский умер в Бразилии во время второй мировой войны. Следует еще упомянуть об орнитологе Тадеуше Хростовском, который совершил три самостоятельных экспедиций в Бразилию (1910, 1913, 1921). Во время третьей экспедиции ему сопутствовали Тадеуш Ячевский и Станислав Борецкий. Впоследствии научные экспедиции совершили: в 1923 году Шимон Тененбаум – на поиски представителей фауны Параны; в 1926—1928 годах Михалина Исаакова, жена польского энтомолога, которая собрала около 15 тысяч экземпляров экзотических насекомых; в 1933—1934 годах Вацлав Рошковский и Януш Наст совершили путешествие на школьном паруснике польского морского флота «Дар Поможа», и собрали большое количество экземпляров морской, пресноводной и сухопутной фауны.

ных и путешественников. Среди них почетное место занимает Юзеф Семирадский⁹², геолог, который вместе со Штольцманом изучал Эквадор, бассейн Амазонки, Панаму и Антилские острова, а потом самостоятельно путешествовал по Бразилии и Аргентине. Именно Семирадский обследовал малоизвестные до него территории Патагонии, расположенные у подножия Кордильер и внес исправления в неточные карты обследованных районов. А Игнацы Домейко в Чили? Ему принадлежит заслуга изучения естественных богатств Кордильер, открытия первого университета в Чили; ему во многих городах возведены памятники⁹³. Своими исследованиями Южной Америки заслужили себе славу многие поляки, а сколько еще их обогатит науку в будущем?⁹⁴ Почти

⁹² **Семирадский** (1858—1933) еще будучи студентом геологического факультета, в 1882 году отправился в составе экспедиции Штольцмана в Эквадор. В 1887 году стал доцентом Львовского университета. В 1891 году путешествовал по Бразилии и Аргентине; в 1895 году изучал условия жизни польских поселенцев в Бразилии и этнографию индейцев Америки.

⁹³ Более подробные сведения о Домейко и его трудах будут даны в готовящейся к печати книге «Томек в Гран-Чако».

⁹⁴ Значительно позже еще два поляка заслужили известность путешествиями по Южной Америке: первый из них – Аркадий Фидлер (род. в 1894 году в Познани) писатель и путешественник, который в 1927 году посетил много стран Южной Америки и Африки. В Южной Америке Фидлер собрал орнитологическую коллекцию для европейских музеев, охотился, приручал диких животных и изучал их поведение. Напечатал много книг и репортажей, посвященных путешествиям. Второй – это Мечислав Богдан Лепецкий, о котором уже упоминалось на страницах этой книжки. Книги Лепецкого о путешествиях содержат множество ценных географических, этнографических и других сведений.

неисследованные, малоизвестные территории Южной Америки привлекали внимание выдающихся путешественников разных наций. Этим континентом интересовались такие ученые, как Гумбольдт, Дарвин и Д'Орбиньи⁹⁵. Томек очень гордился тем, что рядом с фамилиями столь знаменитых европейских путешественников стоят имена его соотечественников.

– Эй, браток! Ты спишь, или заболел? – воскликнул капитан Новицкий.

Томек, внезапно пробужденный от раздумий окриком моряка, вздрогнул и повернулся к другу.

– Я не сплю, Тадек, – ответил он. – Так, только разные мысли путались в голове.

⁹⁵ **Александр Гумбольдт** (1769—1859) германский естествоиспытатель, путешественник и географ. Вместе с французским ботаником Бонпланом совершил в 1799—1804 годах путешествие по тропическим странам Южной Америки, откуда привез богатую ботаническую, зоологическую и минералогическую коллекцию. Гумбольдту по праву принадлежит честь создателя географии растений. Кроме того, он был одним из первых ученых, обративших внимание на необходимость охраны природы. В климатологию ввел понятие изотерм, творчески работал в области истории географических открытий. Гумбольдт принадлежит к числу создателей современной географической науки. **Чарлз Роберт Дарвин** (1809—1882) английский естествоиспытатель, создатель теории эволюционного происхождения видов путем естественного отбора. По предложению британского адмиралтейства принял участие в путешествии вокруг света на корабле «Бигл». Из пятилетнего путешествия привез ценные зоологические, ботанические и геологические коллекции. Опыт и материалы собранные во время путешествия, Дарвин положил в основу своего учения. **Альсид Дессалин Д'Орбиньи** (1802—1857) французский палеонтолог и исследователь Южной Америки, по праву считается творцом физической географии Боливии.

– Не философствуй на голодный желудок. Никсон говорит, что вот-вот появится пристань на реке. Время уже поужинать и отдохнуть. От этого сидения в лодке у меня ноги затекли, да и в брюхе урчит.

– На «Санта Марии» наши сидят теперь за столом, – буркнул Томек.

– Через час и мы сядем за ужин. Уже видна пристань, – сказал Никсон.

Действительно, на правом берегу реки показался примитивный шаткий помост, построенный из деревянных, грубо отесанных брусьев. У нескольких лодок, привязанных лианами к помосту, сутились индейцы. Увидев лодку, они схватились за луки и стрелы, потому что в Амазонской сельве встречи с незнакомыми людьми всегда возбуждают тревогу.

– Ах, сто дохлых китов в зубы! Не очень-то хорошо нас здесь встречают, – сказал капитан Новицкий.

– Они боятся, – ответил Томек.

Но как раз в этот момент на пристани раздались приветственные крики. Гребцы в лодке охотно ответили тем же и сильнее заработали веслами. Вскоре лодка пристала к причалу.

Сюбео вежливо, но без признаков униженной покорности приветствовали Никсона, который довольно часто посещал лагеря сборщиков каучука, в том числе и лагерь на берегу Путумайо. По поведению индейцев было заметно, что они любили владельца компании. Никсон представил Томе-

ка и Новицкого как друзей Смуги. В глазах сибиряков блеснули огоньки дружелюбной заинтересованности.

После кратких приветствий индейцы повели гостей в лагерь, построенный на берегу ручья впадающего в Путумайо. Томек и Новицкий с интересом рассматривали лагерь. Следов нападения, совершенного несколько месяцев назад уже не было. Вблизи склада каучука стояли два жилых барака, вокруг которых расположились шалаши индейцев.

На веранду одного из барачков вышел белый мужчина.

– Знакомьтесь, это Уилсон, начальник этого лагеря и еще двух, находящихся на берегу реки Япури, – представил мужчину Никсон.

– Что за приятная неожиданность?! – воскликнул Уилсон. – Неужели вы привезли с собой долгожданных гостей из Европы?

– Вы не ошибаетесь, наконец они приехали, – ответил Никсон. – Это капитан Новицкий, а это – хорошо известный нам по рассказам Карских – Томаш Вильмовский.

– Пожалуйста, пожалуйста, милости просим ко мне, – сказал Уилсон. – Вы конечно устали и голодны? Я сейчас распорядюсь об ужине.

– Хорошая новость, я голоден, как акула, – ответил Новицкий.

– Ничего удивительного, мы ехали весь день без остановок. Наши дорогие гости стремились, как можно скорее увидеть вас, Уилсон, – сообщил Никсон.

– Удачно получилось то, что в устье Путумайо мы застали лодку, принадлежащую компании. Это позволило сэкономить время, – сказал Томек.

– Теперь я поддерживаю постоянную связь с пристанью на Амазонке, – ответил Уилсон. – Я со дня на день ожидал вашего приезда, Никсон. Скоро начнется главный период сбора каучука.

– Через месяц настанет сухой период. Вода уйдет из джунглей, высохнут болота, что откроет путь к гевеям, растущим в основном на болотах, – добавил Никсон.

– Я ожидал, что из Европы приедет больше людей, – сказал Уилсон. – Господин Карский решительно советовал не начинать поисков Смуги до вашего прибытия. Мы потеряли много времени. Надо, наконец, что-то предпринять.

– Теперь я вижу, что Збышек был прав, когда советовал нам ничего не предпринимать до приезда друзей Смуги из Европы. Вы, Уилсон, не знаете еще, что произошло в Манаусе, – сказал Никсон. – Господа приехали в Манаус всего лишь десять дней тому назад, но уже успели добраться до шкуры Альвареса, да так крепко, что этот негодяй желает с нами мириться. Накануне нашего отъезда из Манауса, Альварес нанес мне визит в конторе. Он присягал, что не давал Кабралу и Хозе приказа убивать Джона. От себя дал письмо к Варгасу.

– Не может быть?! – изумился Уилсон. – Не могу себе представить Альвареса, просящего милости!

– Я тоже с трудом поверил собственным ушам и глазам, – продолжал Никсон. – Ну, это, впрочем, чепуха, самое важное это то, что часть экспедиции уже направилась на пароходе в Икитос, а эти господа приехали сюда единственно за тем, чтобы побеседовать с вами, Уилсон, и завербовать нескольких сюбео в помощь.

– Ах, наконец-то, что-то началось, как я рад этому! – воскликнул Уилсон. – Я дни и ночи все думал о судьбе Смуги. Если господин Никсон даст свое согласие, я с удовольствием приму участие в поисках. Меня мучает совесть, что я оставил Смугу одного. Если бы он был на моем месте, то, наверное, не зевал бы, как я, а сразу же начал поиски.

– Я тоже предложил свое участие в экспедиции, но ее организаторы считают, что я скорее был бы помехой, чем помощником, – вмешался Никсон.

– Экспедиция изобилует опасностями. В Гран-Пахонали живут дикие индейцы племени кампа. Без битв не обойтись, а жизнь участников экспедиции будет зависеть от силы ружейного огня. – запальчиво сказал Уилсон.

– Я придерживаюсь иного мнения, – ответил Томек. – Даже самое новейшее огнестрельное оружие никого не спасет от отравленной стрелы, выпущенной из засады.

– Томек прав, во время этой экспедиции надо больше надеяться на хитрость и ум, чем на оружие, – согласился капитан Новицкий. – Видимо, Смуга попал в ловушку, в открытой борьбе он не дался бы.

– Небольшой группе легче пройти между воинственными племенами, – добавил Томек. – В джунглях индейцы будут нападать из засады. Такова их военная тактика. Чтобы их перехитрить надо придерживаться такой же тактики.

– Господа хотели бы завербовать в экспедицию Габоку и еще нескольких других сюбео, – сказал Никсон.

– К сожалению, Габоку нет в лагере, – ответил Уилсон. – Две недели назад он ушел в свою деревушку на реке Ваупес.

– Вот беда, это плохое известие, – опечалился Никсон. – Этот храбрый парень, наверняка, очень пригодился бы экспедиции.

– Я опасюсь, что без него трудно будет завербовать других. Его очень здесь уважают все сюбео, – сказал Уилсон.

– Габоку не собирается вернуться в лагерь? – спросил Томек.

– Он вознамерился жениться и пошел за женой, – пояснил Уилсон. – Нельзя рассчитывать на то, что он скоро вернется.

– Ах, сто пар бочек протухлого жира! – выругался капитан Новицкий.

– Мы должны взять с собой нескольких достойных доверия и храбрых носильщиков.

– А что делают остальные сюбео, которые сопутствовали Смуге во время его поездки на Укаяли? – спросил Томек.

– Кроме Габоку было еще четыре человека, но они тоже пошли с ним на реку Ваупес, – ответил Уилсон.

– Жаль, я очень хотел бы, чтобы они приняли участие в

новой экспедиции.

– Это друзья Габоку. Они пошли с ним, потому что он вознамерился взять в жены девушку из чужого племени. В этом случае по обычаю жених должен разыграть сцену похищения девушки, братья которой будут имитировать ее защиту. Это должно символизировать факт, что никто не хочет добровольно покинуть свою родину, – сообщил Уилсон.

– Эти четыре парня должны, как я понял, помогать Габоку в похищении девушки? – вмешался Новицкий.

– Да. В общем, нам не повезло, – продолжал Уилсон. – Сюбео неоценимые спутники в таких экспедициях. Они испокон веков живут по берегам рек и стали прирожденными путешественниками, не в пример другим племенам. Некоторые даже знают несколько местных языков и наречий, кроме того, они превосходные следопыты и весьма храбрые люди.

– А что вы скажете, если мы отправимся в деревушку сюбео? – спросил Никсон. – Заполучить в экспедицию Габоку и нескольких его друзей дело весьма стоящее.

– Вам обязательно нужны верные люди из местных, – решительно заявил Уилсон. – Это тем более важно, что ваша экспедиция довольно малочисленна.

– Много ли времени потребуется на то, чтобы найти Габоку? – спросил Томек.

– Сюбео живут по берегам реки Ваупес, вблизи ее впадения в Риу-Негру. Отсюда, если считать по прямой, каких-нибудь триста километров, – ответил Уилсон. – Дорога туда и

обратно займет не меньше двух недель.

– Как по-твоему, браток? – обратился к Томеку Новицкий. – У нас в экспедиции будут две женщины. Надо думать об их безопасности!

– Можно ли послать письмо жене и друзьям в Икитос? – поинтересовался Томек. – Их необходимо предупредить о нашем опоздании и его причинах.

– Итак, вы решаетесь пойти к сюбео? – спросил Никсон.

– Да, видимо, это будет разумный выход, – ответил Томек.

– Думается, вы правы, – согласился Уилсон. – Приготовьте письмо, я его пошлю в Икитос. Если вы, Никсон, не возражаете я возьму на себя роль проводника к сюбео. Я знаю Габоку, и мне возможно будет легче его уговорить.

– Спасибо, я как раз хотел вас просить об этом, – ответил Никсон. – Я вас заменю здесь в лагере на время вашего отсутствия.

– Когда можно отправляться в путь? – спросил капитан Уилсона.

– Мне надо несколько часов с утра, чтобы посвятить Никсона в дела, и после обеда можно выезжать! – ответил Уилсон. – Не возражаете?

– Мы согласны, чем раньше, тем лучше, – заявил Новицкий.

– По дороге мы хотели бы послушать ваш рассказ о том, что случилось на Укаяли во время вашей поездки к Варгасу, – добавил Томек.

После ужина Томек и Новицкий написали обширное письмо друзьям и легли спать.

Лагерь сборщиков каучука оживился на рассвете. Томек и Новицкий, услышав шум на дворе, сорвались с постелей и вышли из барака. Уилсон в обществе нескольких вооруженных капангос распределял задания между рабочими бригадами. Серингеро, вооруженные мачете⁹⁶, готовили жестяные бочки и сосуды из тыквы для сбора сока каучуковых деревьев. Индейцы-рабочие поочередно уходили в лес на утренний обход своих делянок. Остальные тоже принимались за повседневные дела. Женщины готовили еду для серингеро. Справившись с этим нехитрым делом, они стали собирать дрова и орехи пальмы урукури, в дыме которых сгущался каучуковый сок.

Уилсон поздоровался с Новицким и Томеком, говоря:

– Приходится начинать работу с восходом солнца, так как днем, когда солнце в зените, начинается жара, отчего каучуковый сок в надрезах сгущается и перестает поступать в сосуды.

– Мы встали пораньше, потому что впервые находимся в лагере сборщиков каучука, – сказал Томек. – Нас интересует как используются деревья гевеи.

– Конечно, каучук теперь известен во всем мире как пре-

⁹⁶ **Мачете** – нож длиной ок. 50 см с изогнутым лезвием и прочной рукояткой, который употребляется в Южной и Центральной Америке, а также в Африке, для прорубания просеки в подлеске и для уборки сахарного тростника.

красный материал и вам полезно ознакомиться с его добычей, – согласился Уилсон. – Пожалуйста, познакомьтесь подробнее с оборудованием лагеря. Эксплуатируемая нами территория представляет собой как бы плантацию. Мы разделили ее на делянки, обслуживаемые отдельными серингеро. По необходимости делянки эти занимают довольно большую площадь, потому что гевея не растет сплошными участками. Примерно, на восемьдесят деревьев разного вида, приходится в лесу одна гевея, причем каждый серингеро обслуживает около ста пятидесяти каучуконосных деревьев.

– Скажите, пожалуйста, в чем заключается работа серингеро? – спросил Томек.

– Сначала с помощью мачете серингеро прорезает тропу в лесной чаще. Делает это так, что тропа ведет от дерева к дереву и, завершив круг, приводит к исходной точке. После этого серингеро ежедневно на рассвете уходит в лес по тропе, делает на деревьях гевеи соответствующие надрезы, подвешивает внизу их сосуды, куда стекает каучуковый сок, на первый взгляд похожий на козье молоко, но довольно густой и тягучий.

Второй обход делянки осуществляется после полудня. Серингеро сливает полученный сок в ведра. Вернувшись из обхода, он должен немедленно заняться операцией по сгущению сока, так как капли дождя могут испортить каучуковое молоко и свести на нет весь тяжелый труд серингеро.

– А как сгущают каучуковое молоко? Я что-то не вижу

здесь специального оборудования, – спросил капитан Но-вицкий.

– Для этого достаточно вон тех навесов с односкатной крышей, – ответил Уилсон, указывая на несколько шалашей, стоявших в разных местах лагеря. – Под крышей навеса серингеро разводит костер, в который подкладывает плоды пальмы урукури, выделяющие серый дым ускоряющий сушку каучукового молока. Серингеро спускает в бочку с каучуковым молоком специальную деревянную лопату и облепив ее тягучим молоком сушит над огнем⁹⁷. Эту операцию он повторяет много раз, пока на лопате, или, как ее называют «бо-лачас», не образуется густая масса. Во время такой сушки желтоватый каучуковый сок чернеет от дыма. Высушенный каучук, скатанный в черный шар, серингеро сдает на склад, откуда каучук вывозится в Манаус.

– Очень легкий способ разбогатеть, – заметил капитан Но-вицкий.

– Я не совсем согласен с вами, – возразил Уилсон. – Ра-бота серингеро не только тяжела, но и опасна. Тропический лес ревниво оберегает свою неприкосновенность. Серинге-ро должен опасаться ядовитых гадов, насекомых и хищных животных. Свободные индейцы считают серингеро кровным

⁹⁷ **Каучуковое молоко** или **латекс** получают из сока каучуконосных расте-ний. Свежий латекс обладает слегка алкалоидной реакцией; под влиянием кис-лот, солей некоторых металлов, изменения температуры и других факторов, ла-текс обращается в липкую, пористую, тягучую массу. **Болачас** – длинное древ-ко, похожее на лопату или весло.

врагом, потому что он нарушает спокойствие на их земле, а каучуковые спекулянты и авантюристы всякого покроя дерутся между собой, отнимая друг у друга ценную добычу и рабочие руки. Каучук истекает человеческой кровью. В лесах погибают ежегодно тысячи серингеро⁹⁸.

– Ах, проглоти тебя акула! Я как то не подумал об этом. А ведь наш Смуга тоже попал в переделку из-за каучука, – воскликнул Новицкий.

– Вы совершенно правы. Каучук стал причиной многих несчастий, – сказал Томек.

– Не думай об этом. Меня интересует способ сбора каучука, – перервал Новицкий.

– Долго ли можно собирать сок из одного и того же дерева? – спросил Томек.

– Поначалу добыча каучука велась хищническим образом. Серингеро срубал каучуковое дерево, собирал сок. Потом стали добывать его с помощью надрезов. После сбора латекса необходимо оставлять дерево в покое на несколько лет. Кора зарастает в местах надрезов через пять или шесть лет, и только после этого дерево можно эксплуатировать вторично. Если слишком часто делать надрезы, дерево засыхает.

– Капитан, у нас еще есть немного времени, может быть погуляем по лесу. Меня интересуют каучуковые деревья в их естественной среде, – сказал Томек.

⁹⁸ Весьма поучительная история каучука содержится в книге Камилла Гижицкого «Гевея плачет каучуком», выпущенной в издательстве «Śląsk».

– Прекрасно, воспользуемся удобным случаем.

XIV

ПОЛЯКИ В БРАЗИЛИИ

После завтрака друзья отправились в лес. В кустах среди лиан, опутавших кроны деревьев, вилась узкая тропинка. Джунгли пробуждались от ночного сна. Вокруг раздавался подозрительный шум, шорох, писк и крики. Кое-где, сквозь густую листву деревьев пробивались лучи взошедшего солнца, немного рассеивая полумрак. Красочные цветы раскрывали яркие чашечки, в воздухе чувствовался их дурманящий аромат.

Вырубленная серингеро тропинка, вела прямо от одного дерева гевеи к другому. Деревья эти несколько похожи на средневропейский ясень. Высокий и стройный ствол гевеи покрывает шелковисто гладкая кора светло-серого цвета. Высокие с редкой листвой кроны пропускают много света. Томек и Новицкий легко различали каучуконосные деревья, потому что широкие надрезы на коре и прикрепленные к стволам тыквы разрешали всякие сомнения.

– Посмотри-ка, браток, как джунгли защищают себя от проникновения человека, – сказал капитан Новицкий. – Тропинка уже стала зарастать, хотя видно, что и сегодня серингеро не жалел мачете!

– Осторожно, Тадек, под гниющими листьями могут гнез-

даться сколопендры⁹⁹, укусы которых бывает очень опасен даже для человека.

– Ты хочешь, чтобы я обращал внимание на сколопендр, а меня обсели красные муравьи, – пробурчал Новицкий. – Ах, черти, обжигают, как кипятком!

– Ты зазевался на каучуковое дерево, а здесь надо держать ухо остро и смотреть в оба! Подожди, я помогу тебе согнать муравьев. Их укусы тоже могут вызвать у человека высокую температуру.

– Вернувшись в лагерь, выпью рома, и ничего мне не будет – ответил Новицкий. – Ах, сколько здесь пиявок в этих болотах! Удивительно, как эти индейцы могут здесь лазить босиком?

– Они испокон веков живут в джунглях, – ответил Томек. – А ты разве не видел множество ран на коже у некоторых индейцев? Это их так разделали паразитические насекомые.

– Надо признать, что они довольно ловко избавляются от паразитических клещей, выдавливая их с помощью бамбуковой палочки. Делают они это совершенно так же, как па-

⁹⁹ **Сколопендры** принадлежат к числу крупнейших губоногих многоножек. В Бразилии, Чили и в соседних с ними странах водится гигантская сколопендра (*Scolopendra gigantea*). Это подвижные и ловкие хищные животные, ведущие ночной образ жизни. Кроме нормальных челюстей, первый сегмент ног у сколопендр представляет из себя ногочелюсти, к которым подходит проток от ядовитых желез на голове. Число бегательных ног, расположенных парами на отдельных сегментах тела колеблется от 15 до 173 пар. Сколопендры охотятся по ночам в темных местах в расщелинах или под корой деревьев.

пуасы Новой Гвинее.

– Папуасы тоже в огромном большинстве живут в джунглях.

– А пусть себе живут на здоровье, если им это нравится, – ответил капитан Новицкий.

– Привычка – вторая натура, ко всему можно привыкнуть – сказал Томек. – Ведь в Бразилии поселились и поляки! Наши Крестьяне селятся здесь целыми семьями.

– Чего наши крестьяне лезут в эту Бразилию? Жизнь здесь тяжелая, кругом одна нищета! Если бы им в Польше рассказали до отъезда всю правду о здешней жизни, вряд ли кто-нибудь согласился сюда ехать.

– У нас дома почти вся земля принадлежит помещикам, а здесь ее хоть отбавляй, – ответил Томек.

– Давай присядем на это сваленное дерево и побеседуем, – предложил Новицкий. – Садись смело, ядовитых насекомых здесь не видно!

Моряк достал трубку, набил ее табаком и закурил. Выпустил струю дыма, пытаясь разогнать муравьев, ползавших по древесному стволу, и сказал:

– Интересно, кто первый из поляков приехал в Бразилию? Ты что-нибудь знаешь об этом?

– Почему нет? Знаю. Первый поляк, получивший известность в Бразилии – это Кшиштоф Арцишевский¹⁰⁰, адмирал

¹⁰⁰ **Арцишевский Кшиштоф** – родился в 1592 году в Рогалине, умер близ Гданьска в 1656 году. Был изгнан из страны за убийство в имущественном споре

нидерландского флота.

– Как видно, давно это было, потому что я ничего не слышал о нем. Кто такой этот Арцишевский?

– Изгнанный из Польши, Арцишевский поселился в Голландии, где учился военно-инженерному и артиллерийскому делу. В 1629 году в звании капитана пехоты принял участие в экспедиции в Бразилию, потому что голландцы вознамерились захватить эту испанскую колонию в Южной Америке.

Голландский флот осадил с моря город Олинду, столицу капитании¹⁰¹ Пернамбуку и укрепленный форт Ресифи, на южном берегу залива. Артиллерийский огонь с кораблей, качавшихся на волнах не давал результатов, и голландцы не могли взять эти города. Арцишевский во время военного совета предложил повести штурм со стороны суши, откуда испанцы не ожидают атаки. По совету Арцишевского голландцы высадили на сушу втайне от испанцев отряд из трех тысяч человек и оба города были взяты приступом.

После возвращения в Голландию, Арцишевский получил звание полковника и снова был направлен в Бразилию. Вместе со своим другом, Зигмунтом Шкопом из Силезии, руко-

и выехал в Голландию. Принимал участие в осаде Бреды и в штурме протестантской крепости Ля Рошель. Находясь на голландской службе, несколько раз принимал участие в экспедициях в Бразилию (1629—1645). В ознаменование его заслуг голландцы соорудили в Ресифи памятник Арцишевскому. В 1646 году по приглашению короля Владислава IV Арцишевский вернулся в Польшу и принимал участие в битвах с казаками Хмельницкого.

¹⁰¹ **Капитания** – один из округов Бразилии.

водил военными действиями против испанцев. Взял приступом форт Аррайаль, потом разбил войска испанского командующего, принца Лерме. В конце концов, Арцишевский был назначен генералом артиллерии и адмиралом морских сил Бразилии.

– Ну, раз он стал в голландской колонии таким важным лицом, то наверное разбогател, – вмешался Новицкий.

– Ошибаешься, Тадек, Арцишевский не был конкистадором и воевал не для личного обогащения. Он вернулся в Польшу, где в качестве генерала коронной артиллерии принимал участие в битве с войсками Хмельницкого под Пилавцами, а потом руководил защитой Львова.

– Военные всегда умеют стать на ноги, потому что хороший солдат везде нужен, – заметил Новицкий. – Мне больше всего жаль наших бедняков, которые едут в Бразилию за куском хлеба. Недавно я читал книгу Марии Конопницкой «Пан Бальцер в Бразилии», и кое-что знаю на эту тему. Прямо плакать хочется, как читаешь о бедствиях наших поселенцев в Бразилии. Видать такая уж судьба у поляков: либо терпи преследования от чужеземных угнетателей, либо уезжай из родного края.

– А что же нам делать? – взволнованно спросил Томек, который сам, как и его отец и друзья, вынужден был уехать из родной страны из-за преследований со стороны царских чиновников. – Однако не все поляки, приехав в Бразилию, встретились там с трудностями. Польские политиче-

ские эмигранты, появившиеся здесь после восстания 1830 года, революции 1848 года и восстания 1863 года были, как правило, людьми образованными, которых очень не хватало в Бразилии. Например, потомки Тромковских служили в бразильской армии на очень высоких постах, инженеры Римкевич и Бродовский строили железную дорогу, соединившую Сан-Паулу с портом Сантус и подъемную пристань в порту Манаус. Инженер Бабинский составил первую геологическую карту Бразилии. Другие поселенцы, например, Дурский, заботились о сохранении национального самосознания среди польского населения Бразилии¹⁰².

А вот нашей так называемой экономической эмиграции пришлось худо. Это были, главным образом, безземельные крестьяне, которые уезжали в Бразилию целыми семьями. В огромном большинстве это люди лишенные какого-либо образования, не знающие языков, не имеющие никакого понятия о географии и условиях в Бразилии. Прослышав, что в Америке дают землю даром, они распродавали свое скромное имущество и отправлялись за море. Многим из них пришлось пережить множество разочарований и даже трагедий.

– Продолжай, Томек. Скорбная это история, но поучительная, – сказал Новицкий, когда Томек на минуту замолчал.

¹⁰² **Иероним Дурский**, считающийся отцом польского образования в Паране, был первым польским поселенцем в Бразилии. Его букварь для польских школ в Бразилии на польском и португальском языках, пользовался большой популярностью.

– Много шума наделала в свое время история нескольких крестьянских семейств из Верхней Силезии, которые поселились рядом с немецкими колонистами в городе Бруски в штате Санта-Катарина. Это горный район с неурожайными землями. Немецкие колонисты считали поляков из Силезии немцами и стали преследовать тех из них, кто хотел сохранить свой язык и обычаи. Беспомощные польские крестьяне обратились к землемеру Вось-Сапорскому¹⁰³ и ксендзу Антонию Зелинскому, настоятелю прихода в Гаспар, которые сами были в прошлом жителями Силезии и были единственными грамотными людьми среди польского населения города Бруски.

Вось-Сапорский и ксендз Зелинский решили создать ряд польских поселений в Паране, где в районе Куритибы, в 1853 году была основана первая польская колония. Они начали долгие и упорные хлопоты, пытаясь получить от бразильских властей согласие на переселение поляков из штата Санта-Катарина в Парану, где климат лучше.

Немецкое управление в Бруски скоро узнало о намерении поляков; опасаясь, что их колония опустеет, немцы стали мешать и противодействовать. Дело дошло даже до применения оружия. Ожесточенные несправедливостью польские крестьяне, по совету Вось-Сапорского и под его руко-

¹⁰³ Эдмунд Вось-Сапорский эмигрировал из Верхней Силезии в 1867 году. Польское население Параны соорудило Сапорскому памятник в польском поселении Абранчес близ Куритибы.

водством решили тайно бежать из Бруски. Они построили плоты и отплыли ночью по реке, а потом пешком через горы и девственный лес дошли до Итажаи, где их должен был ждать корабль из Параны. Обманутые немцы бросились в погоню, и в Итажаи пытались помешать отъезду польских поселенцев. Но власти штата Параны прекратили самоуправство немцев и взяли поляков под свою защиту.

Таким образом, тридцать две польские семьи из Верхней Силезии очутились в Паране и основали близ Куритибы поселение, названное Вось-Сапорским – Пиларсиньо.

– Что за странное название? Я на его месте придумал бы польское, – возмутился капитан Новицкий.

– Пиларсиньо означает «паломничество, блуждание»¹⁰⁴. Давая это название, Вось-Сапорский хотел увековечить трудный поход поляков из Санта-Катарина в Куритибу, – пояснил Томек.

– Ну, если так, то он поступил правильно. Ты, пожалуй, еще не кончил. Продолжай, браток.

– В конце прошлого века польская эмиграция в Бразилию усилилась¹⁰⁵. И тогда тоже бывали трагические события. По-

¹⁰⁴ В настоящее время бывшее польское поселение Пиларсиньо стало одним из районов города Куритибы.

¹⁰⁵ Начиная с 1869 года до первой мировой войны, в Бразилию выехали 105 тысяч поляков. Эта волна массовой эмиграции нашла отражение в литературе и на страницах журналов. Именно тогда Мария Конопницкая написала повесть «Пан Бальцер в Бразилии». Многие журналисты и писатели сами ездили в Бразилию, чтобы ознакомиться с тамошними условиями. Этими проблемами зани-

сле приезда в Бразилию эмигрантов временно размещали в общих бараках, где они ждали нарезки им участков земли для обработки и поселения. В перенаселенных бараках царили антисанитарные условия. Поэтому в 1890 году в бараках, занятых польскими эмигрантами возникла эпидемия тропической лихорадки. Доведенные до отчаяния поляки, во что бы то ни стало стремились уйти из оариков в районы с более благоприятным климатом. Они хватались за эту идею, как утопающий хватается за соломинку. Около шести тысяч польских крестьян, с женщинами и детьми направились пешком на юг. Это был настоящий поход смерти. Эмигранты бросали по дороге тяжелые предметы из своего имущества, ценные вещи меняли на продовольствие, и, в конце концов, умирая с голоду, отдавали за продукты собственных детей...

– Перестань, это ужасно! Несчастливые люди стремились к лучшей жизни, а нашли страдания и смерть. Они вероятно потом жалели, что уехали на чужбину. В родном доме кусок сухой корки приятнее, чем изысканные яства у чужих. Как только Польша получит самостоятельность я немедленно возвращусь в Варшаву.

– Мы все тогда вернемся, Тадек. Папа тоже тоскует по родной земле. Мы построим в Варшаве и в других городах зоологические сады, и будем привозить туда разных животных.

мались: А. Дыгасинский, Ю. Семирадский, А. Гемпель. Позже в Бразилию ездили М. Лепецкий и А. Фидлер. Во время второй мировой войны в Бразилии находились многие поляки, в том числе писатели и художники.

– Великолепная идея! – подхватил Новицкий, но вскоре снова вернулся к интересовавшей его теме: – А ты не слышал, как наши эмигранты относились к здешним индейцам?

– Мечтая получить земельный надел, польские крестьяне в большинстве совсем не знали, что в Бразилии живут законные владельцы этой земли – индейцы. По-видимому, польские эмигранты вообще не представляли себе, что на земном шаре до сих пор существуют первобытные племена, занимающиеся охотой. Первые наши эмигранты, которые поселились в Паране близ Куритибы не встретились с индейцами, вытесненными оттуда еще до прибытия поляков. Поселенцы, очутившиеся в северо-западных районах страны тоже встретили только остатки индейцев из племени короадов, которые нападали на поляков редко.

В значительно худшем положении очутились колонисты, поселившиеся по берегам рек Игуасу и Негру, на границе штатов Парана и Санта-Катарина. К югу от этих рек обитали ботокуды, одно из наиболее воинственных охотничьих племен восточной части Бразилии. Ботокуды не хотели принимать цивилизацию белых и предпочитали смерть потере свободы и независимости. Ботокуды вели примитивный образ жизни; они не знали гончарного дела, не умели выделывать ткани. Рыбу стреляли из луков, мясо жарили на огне или на раскаленных камнях, среди них процветал каннибализм. Ботокуды не носили одежды, кроме украшений в ушах и губах. Тела мертвых закапывали в шалашах и при этом крепко

утаптывали землю, чтобы покойник, случайно, не встал и не напал: на живых людей. Междуплеменные споры ботокуды решали весьма оригинально. Между собой не воевали, а все недоразумения разрешали поединком между вождями спорящих племен.

– Это мне очень нравится, – одобрительно вмешался Новицкий. – Во всех войнах всегда страдают невинные люди. Жаль, что такого обычая нет в Европе.

– Тогда я бы обязательно выдвинул тебя кандидатом на пост верховного вождя поляков, – смеясь, воскликнул Томек.

– Это было бы умное решение, браток, потому что я вызвал бы на дуэль сразу российского царя, германского и австрийского императоров и, как пить дать, браток, свернул бы им шеи.

– Зная твою необыкновенную силу, могу этому поверить.

– Однако довольно шуток! Продолжай рассказ о ботокудах и наших поселенцах.

– Надо сказать, что первыми встретились с ботокудами в штате Санта-Катарина немецкие колонисты, которые повели с ними безжалостную, кровавую войну. Оттеснить ботокудов в глубину страны немцам удалось только после нескольких десятков лет кровавой резни.

Польские поселенцы вошли в конфликт с ботокудами, или как их называют иначе – борунами, в конце прошлого века. Конфликт начался в поселениях к югу от реки Негру, где рас-

положена «священная» гора ботокудов Таиу. Поначалу индейцы не трогали поляков. Они ведь на собственном опыте убедились, что белые люди отличаются жестокостью, и предпочитали держаться от них подальше. Однако, когда поселенцы стали вырубать леса на склонах священной горы, ботокуды почувствовали себя в опасности. Они не сразу напали на поляков, потому что не в их обычае было нападать без предупреждения. Они сначала пытались напугать поселенцев, бросая по ночам камни в двери и стуча палками в стены домов. Только после того, как эти меры не принесли результатов, ботокуды организовали кровавое нападение и расправу.

Польские поселенцы оказались безоружными и бессильными перед лицом жестокого врага. Пали первые жертвы. Несколько семейств вынуждены были бежать в безопасные районы страны. Но на их место приходили другие, вооружались и продолжали рубить лес. В конце концов, они изучили военную тактику ботокудов и сами начали с ними войну, похожую на партизанскую, которая, говорят, продолжается там до сих пор.

Это, пожалуй, единственная в истории польско-индейская война¹⁰⁶.

¹⁰⁶ В книге под заглавием «Парана и поляки», М. Лепецкий пишет: «Польско-индейская тайная война продолжалась 27 лет и закончилась замирением индейцев в 1917 году». М. Лепецкий цитирует в этой книге часть воспоминаний молодого польского поселенца, который сообщил, что только лишь в районе города Итаполиса ботокуды убили сорок человек польских поселенцев. Кроме то-

– Ах, чтоб их кит проглотил! Мне даже трудно пожелать победы нашим поселенцам, – после некоторого раздумья сказал Новицкий. – Ведь эти несчастные ботокуды с оружием в руках защищают правое дело!

– Такова печальная правда. Победа наших колонистов не будет нас радовать, – ответил Томек. – Но надо принять во внимание и то, что нашим эмигрантам некуда было деваться из Параны. Отсутствие капиталов и образования не позволяло им находить другое занятие, кроме земледелия. Только лишь работа на земле могла обеспечить им горький кусок хлеба. Я уверен, что они не чувствуют ненависти к несчастным индейцам, с которыми столкнула их одинаково жестокая судьба.

– Ботокуды будут защищать свою священную гору до последнего издыхания. Мне жаль этих бедняг.

– Я тоже их жалею, Тадек, но, к сожалению, мы ничем им не можем помочь. Вокруг могил храбрых ботокудов возникнут плодородные поля, а потом в памяти людей останется только легенда о несчастливом и героическом племени.

Друзья печально умолкли. Они жалели индейцев, приговоренных к уничтожению и одновременно были опечалены судьбой польских крестьян, которых нищета изгнала из родной земли. После длительного молчания капитан Новицкий достал из кармана носовой платок и вытер пот, обильно струившийся у него по лицу и лбу. Новицкий взглянул на голу-

бое небо, просвечивающее сквозь ветви деревьев и сказал:
– Солнце начинает жарить всюду, через несколько часов надо отправляться в путь к индейцам сюбео. Пора возвращаться в лагерь.

В задумчивости друзья шли по лесу. Вдруг Томек остановился и знаком задержал друга. Как только Новицкий взглянул по направлению показанному Томеком, схватился за рукоятки револьверов, торчащих в кобурах у его пояса.

– Не стреляй! – шепнул Томек.

Среди чащи, окруженной трясинной по левой стороне тропинки виднелось красновато-желтое тело животного с черными полосами и такими же пятнами по бокам. Это был огромный ягуар¹⁰⁷, почти двухметровой длины. Проснувшись внезапно от утренней дремоты, ягуар высунул морду из листвы и желтоватыми глазами всматривался в неожиданно появившихся нарушителей спокойствия. Длинный, полосатый и мощный, как пружина, хвост животного тревожно бил по листьям близкого кустарника. Ягуар чуть приподнялся на передние лапы.

Новицкий наклонился вперед, и молниеносным движением

¹⁰⁷ **Ягуар** (*Felis onca*) прежде был распространен в обеих Америках от реки Негру и Колорадо в Патагонии, до Мексики и Луизианы. В настоящее время встречается только в жарких областях Южной Америки, так как в Северной Америке совершенно истреблен. По силе может считаться равным тигру и льву. Питается мелкими позвоночными, вплоть до тапира; иногда наносит вред скотоводству, похищая молодняк с пастбищ. Ягуар не прочь также ловить рыбу, которую лапой выбрасывает из воды на берег.

ем выхватил оба револьвера из-за пояса, но Томек еще раз тихо предупредил его:

– Не стреляй!

Томек сразу же выдвинулся вперед, мешая тем самым Новицкому целиться.

– Ты с ума сошел? – прошипел капитан.

Но Томек, не обращая внимания на слова Новицкого впился взглядом в горящие глаза ягуара. Огромная кошка разинула пасть. Блеснули острые белые клыки, и тишину джунглей нарушил стонущий, глухой рокот.

Томек медленно сделал еще один шаг по направлению к животному. Почувствовал острый запах дикого хищника. Не отрывая взгляда от глаз животного, Томек остановился в нескольких шагах от него.

Хищник зажмурил глаза и лениво зевнул. Его рокочущий рев звучал уже мягче. Ягуар потряс головой, словно отгоняя надоедливое насекомое. Потом долго-долго – Новицкому показалось, что целую вечность – Томек и ягуар стояли неподвижно, глядя друг другу в глаза, пока, наконец, притаившееся в кустах животное стало пятиться назад в чащу. Томек внезапно сделал хлопок руками. Слово проснувшись, ягуар повернулся, сделал прыжок и скрылся в лесу.

Томек повернулся к другу. С его лица медленно сходило выражение сосредоточенного напряжения. Улыбнувшись остолбеневшему моряку, Томек сказал:

– Удалось, нет?

– Видно, тебя бешеная акула покусала! – вспыхнул Новицкий.

– Чего ты злишься? – спросил Томек. – Я не такой уж легкомысленный человек, как тебе кажется. Я же знал, что ты стоишь у меня за спиной с оружием в руках. Я мог в любой момент отскочить и открыть тебе затылок. Я знал, что ты не промахнешься.

– Но зачем было так рисковать? Ты уже второй раз при мне показываешь фокус с гипнозом животных.

– Ах, ты еще помнишь этот случай с гепардом рани Алвара в Индии? – удивленно спросил Томек¹⁰⁸.

– Вот те на! – возмутился Новицкий. – У меня тогда мурашки бегали по спине, хотя гепард был ручной.

– Не злись, пожалуйста, я в самом деле хотел узнать как поведет себя дикий хищник в таком положении.

– Ты что, намерен стать гипнотизером животных? – пожал плечами Новицкий.

Томек расхохотался, потом ответил:

– В будущем я намерен попытаться счастья в качестве дрессировщика диких животных. Поэтому охотно произвожу нужные опыты.

– Во всяком случае больше не делай таких фокусов в моем присутствии, потому что я не посмотрю что ты уже женат, а задам взбучку, которую будешь помнить до конца жизни!

– Обещаю исправиться, но уверяю тебя опасность была

¹⁰⁸ Этот случай описан в книге «Томек ищет Снежного Человека».

не так уж велика, как кажется. Ленивые движения ягуара свидетельствовали о том, что он сыт. Смуга не раз говорил, что ягуар, в противоположность пуме¹⁰⁹, не нападает на человека. При случайной встрече либо убегает, либо спокойно смотрит на него. Он становится грозным, если его чем-либо раздражить.

– А мне говорили, что если такой дикий кот раз попробует человеческого мяса, то потом охотно нападает на человека.

– Это правда, потому что безоружные или плохо вооруженные туземцы – легкая добыча для ягуара, – признал Томек. – Мы же слышали о тиграх в Индии и львах в Африке, которые охотятся на людей.

– Вот потому-то я и разозлился на тебя. Этот ягуар тоже мог быть людоедом.

– На людей нападают, как правило, старые звери, у которых уже не хватает сил для охоты на мелких, но ловких и быстрых животных. А этот ягуар был еще молод.

– И все же лучше было его убить. Он, видно, здесь где-то живет и может напасть на какого-либо сборщика каучука.

– Ягуары встречаются в Амазонии повсеместно, потому что они живут по берегам рек, гнездятся на опушках болотистых лесов и на окраинах трясин. В большинстве случаев они не живут постоянно на одном месте. Днем спят там, где

¹⁰⁹ **Пума** (*Felis concolor*), или **кугуар**, распространена на всем американском континенте от Патагонии на юге, до Канады на севере. Днем пумы спят на деревьях, в кустах или высокой траве, вечером и ночью выходят на охоту.

их застанет восход солнца. В это время они после ночного пира, как правило, становятся тяжелыми на подъем, тогда как ночью ходят быстро и ловко.

Беседуя так, друзья вернулись в лагерь. Рядом с багажом стоял Никсон, который завидя их, воскликнул:

– Обед на столе! Уилсон уже готов в дорогу, вы можете тронуться в путь сразу после обеда.

– Мы готовы тоже, – ответил Томек.

– И верно, багаж у нас невелик, и сборы недолги, – добавил Новицкий.

– Уилсон уже все погрузил на лодку. В реках еще не сошли паводковые воды, поэтому путешествие не будет слишком тяжелым. Сюбео, назначенные к вам гребцами, прекрасно знают дорогу.

XV

СЮБЕО, ИЛИ «ЛЮДИ, КОТОРЫХ НЕТ»

Габоку сидел на краю циновки из пальмового волокна, расстеленной на земле в тени большого дерева. Он держал на коленях разобрannую на части винтовку. Габоку собирался тщательно очистить затвор, потому что решил поохотиться с утра на крупного зверя. Группа мальчуганов расселась вокруг Габоку, сосредоточенно наблюдая за всеми его действиями.

Габоку был охотником на ягуаров, за что был почитаем у сюмео как самый мужественный и отважный воин. Кроме символического ожерелья из зубов ягуара и набедренной повязки из шкуры броненосца, Габоку отличался от всех других жителей деревушки как обладатель винтовки. Это обстоятельство еще больше увеличивало его авторитет среди соплеменников. Впрочем, Габоку редко брал винтовку на охоту. В джунглях трудно достать патроны. Но на этот раз Габоку вознамерился подстрелить анту, то есть тапира¹¹⁰, следы

¹¹⁰ **Тапиры** – животные семейства млекопитающих отряда непарнокопытных, родственны носорогам. Распространены в Индии, на Суматре, в Центральной и Южной Америке. Обыкновенный тапир (*Tapirus terrestris*) отличается довольно крупными размерами: длина туловища доходит до 2 м (включая хвост), высота

которого видел на противоположном берегу реки. Винтовка напомнила ему поход к берегам Укаяли. Именно тогда за участие в этом походе Габоку получил в подарок от Смуги это великолепное оружие.

Что случилось со Смугой? Как видно, он погиб, потому что прошло уже столько времени, а он не вернулся. Габоку прекрасно понимал этого справедливого белого, желавшего покарать убийц и организаторов нападения на лагерь Путумайо. Индейцы тоже никогда не оставляли без мести нанесенный им вред или оскорбление. Но почему Никсон и Уилсон не стали искать Смугу? Почему бросили его на произвол судьбы? Габоку гневно насупил брови. Все сюбео из лагеря на берегу Путумайо считали, что эти двое белых нарушили правила дружбы по отношению к Смуге. Поэтому Габоку ушел из лагеря сборщиков каучука, и не намеревался туда вернуться. Пусть белые сами решают свои дела! Это не касается его, Габоку!

Индеец взглянул на реку. Улыбнулся ей, как старой знакомой. Ведь он с детства знал ее. Племя сюбео испокон веков жило на берегах этой священной реки. Граница между от-

– до 1 м в холке. Характерная особенность – короткая грива и шерсть серовато-бурого цвета, светлая по бокам головы, на шее и груди. У молодых тапиров на голове виднеется белое пятно, а на боках – белые полосы по четыре с каждой стороны. Этот вид тапиров обитает на обширной территории от Венесуэлы и Гайаны, во всем бассейне Амазонки, вплоть до Парагвая и северной Аргентины. В Колумбийских Андах, Эквадоре и в Западном Перу встречается горный тапир (*Tapirus pinchaque*). В центральной Америке можно встретить особый вид тапиров – тапиррелл (*Tapirus bairdi* и *Tapirus dowi*).

дельными родами племени проходила, как правило, по ката-
рактам и притокам. Габоку вернулся к своим; он знал, что его
радости и заботы разделяют не только члены его семьи, но и
все обитатели малоки¹¹¹. Габоку на момент прервал чистку
оружия. В задумчивости он взглянул на удобный, обширный
дом, в котором жили сюбео рода педиква. Отец Габоку был
старейшиной этого рода.

Некогда, следуя древнему обычаю, Габоку вместе с отцом
и двумя братьями поставили три первых, тяжелых древесных
ствола, вокруг которых строился дом. Потом за постройку
взялись сообща все члены рода. Главный фасад дома, в кото-
ром находился главный вход, выходил на реку. Сюбео всегда
ставили так дома, потому что для собственной безопасности
они должны были наблюдать за всем что происходит на реке,
то есть на главной артерии их страны.

По убеждениям сюбео общая крыта объединяет не толь-
ко помещение для сна, но и становится центром обществен-
ной и религиозной жизни. Поэтому дом внутри, как нельзя
лучше приспособлен для индивидуального и общественного
пользования. Вдоль длинных боковых сторон дома располо-
жены помещения для отдельных семейств, отделенные друг

¹¹¹ По описанию И. Гольдмана «малока» представляет из себя длинный обще-
ственный дом, в котором вместе со старейшиной живут все семьи данного рода.
Чем обширнее малока, тем богаче и важнее род. Наличие Ряда небольших домов,
построенных близ малока, свидетельствует о том, что некоторые члены рода от-
соединились, вышли из-под власти старейшины и не живут в мире с остальными
членами общества.

от друга тонкими перегородками. Эти помещения выходят на открытый коридор тянущийся от передней торцевой стены к задней.

Главный коридор используется по-разному: ближе к главному входу часть коридора отведена под приемную для гостей и помещение для устройства родовых торжеств и религиозных церемоний. Здесь происходили пиры, танцы и здесь же, под полом, хоронили покойников; в противоположном конце коридора находилась кухня, где члены рода перед закатом солнца устраивали ежедневный, совместный обед.

Как только Габоку вернулся в свою малую, ему сразу же отвели отдельное семейное помещение, потому что он собирался вскоре жениться. По традиции родители посоветовали ему из какого рода взять жену. Это была красивая, работящая и добрая девушка. В доказательство любви, Габоку выкорчевал довольно большую делянку леса под поле для своей будущей жены, на котором она теперь возделывала маниок.

Габоку посмотрел в сторону поля, где работала его жена. Он заметил вдали серый, тонкий столб дыма. Это был условный знак того, что жена работает и ей не грозит опасность.

Молодой индеец закрыл глаза. Он вспомнил свое знакомство с женой. Она ему понравилась с первого взгляда. Поэтому он совершил традиционную церемонию дружбы, подарив ей ситец на две юбки, два разукрашенных гребешка, маленькое зеркальце, нитки, иглы, две баночки бриллиантина, мыло и две коробки спичек. В свою очередь невеста под-

несла ему две калебасы¹¹² на чичу¹¹³, два клубка шпагата и ожерелье из сушеных семян. Отец невесты подарил будущему зятю две лески для ловли рыбы, потому что все сьюбео занимались рыбной ловлей.

Потом Габоку много дней провел в родовой малоке, где жила девушка. Он охотился вместе с ее братьями, ловил рыбу, плел корзины, сети и гамаки, трудом возмещал им заботы гостеприимства.

Однажды девушка бросила ему в лицо горсть маниоковой муки и убежала в поле к матери. Это был знак, что она полюбила его. Габоку воспользовался первым удобным случаем и облил девушку соком растения уве, что по древнему обычаю должно было обеспечить ему ее любовь.

После этого родители жениха и невесты вели долгие переговоры об условиях брака. Габоку обещал брату невесты, что отдаст ему в жены одну из своих сестер, и теперь можно было приступить к обряду похищения невесты. Однажды на рассвете, Габоку со своими друзьями подъехал на лодке к малоке, где жила невеста. Они схватили девушку во время купанья. Не обошлось при этом без мнимого боя, как этого

¹¹² **Калевасса** – сосуд из скорлупы плодов дерева кресченция (*Crescentia cujete*), растущего в Центральной и Южной Америке. Эти сосуды часто украшаются художественной резьбой. Кресченция – низкое дерево, листья которого вырастают прямо из ствола. Цветы крупные, плоды – бочарного вида, из скорлупы которых индейцы делают ложки, сосуды для жидкостей и курительные трубки.

¹¹³ **Чича** – бразильский алкогольный напиток, получаемый путем ферментации кукурузы, риса, маниока и пальмовых плодов.

требовал обычай.

Габоку очнулся от воспоминаний. На хозяйственном дворе на тылах малоки слышался смех и разговоры. Это женщины возвращались со своих участков. Значит солнце перевалило через зенит и стало клониться к закату.

Женщины побросали мачете у дверей и, взяв на плечи корзины, полные маниока, шли к пристани на реке. Они сначала выкупались, чтобы освежиться после долгого рабочего дня на жарком солнце, поиграли с детьми. Потом принялись мыть клубни маниока, погружая в воду полные корзины. Они весело возвращались в малоку, потому что чистка клубней маниока, которой предстояло им заняться, была для них не столько работой, сколько отдыхом. Они садились на пол в главном коридоре, опирались спиной о столбы, поддерживающие крышу, надгрызали зубами кожу и пальцами срывали ее. Занимаясь этим, соседки обменивались новостями и свежими сплетнями. В малоке то и дело раздавался веселый смех, который прекратился только тогда, когда женщины начали растирать плоды маниока на деревянных терках. Это была самая тяжелая работа, которую женщины очень не любили.

Габоку быстро собрал затвор винтовки. Когда он, держа винтовку на свету, заглядывал вовнутрь ствола, на реке вдруг послышались крики. Среди нескольких рыбацких челнов, возвращавшихся с ловли, находилась длинная чужая лодка. Габоку сразу же узнал одного из трех белых сидев-

ших в лодке. Это был Уилсон, надсмотрщик лагерей сборщиков каучука компании Никсон-Риу-Путумайо. Неужели он опять приехал нанимать серингеро?

Габоку предупредил отца о приезде гостей, а потом поспешил на пристань встречать новоприбывших. Чужая лодка подошла к пристани. «Через несколько минут на помосте стояли трое белых мужчин.

– Приветствую вас, сеньор Уилсон, – обратился Габоку к знакомому европейцу.

– Приветствую тебя, Габоку, я рад что опять вижу тебя. Ты не хотел вернуться к нам, и я приехал к тебе, – ответил Уилсон и добавил: – Со мной два друга сеньора Смуги. Это сеньор капитан Новицкий, а это сеньор Вильмовский.

По обычаю белых, Габоку пожал новым знакомым руки. Томеку показалось, что, услышав фамилию Смуги, Габоку постарался скрыть блеск живого интереса, появившийся у него в глазах.

– Прошу сеньоров пожаловать в малоку, – сказал Габоку и повел гостей к дому.

На пороге их ждал старейшина рода. Уилсон был ему знаком – он уже три раза приезжал в деревушку, нанимал рабочих для сбора каучука – поэтому старейшина обратился к нему первому:

– Приветствую тебя, сеньор, в нашей малоке! Мы всегда рады тебе.

– Привет, досточтимый старейшина! – ответил Уилсон. –

Я прибыл в твой дом с друзьями исчезнувшего сеньора Смуги, которые очень хотели познакомиться с тобой и твоим храбрым сыном.

– Приветствую вас, сеньоры! – сказал старейшина и подал друзьям руку. – Прошу вас, войдите в дом.

Обширный дом внутри поражал чистотой. В отдельных помещениях виднелись гамаки, подвешенные к столбам, корзины из коры, калебассы, луки, духовые ружья и колчаны со стрелами. Стены украшали развешанные здесь и там маски.

Старейшина пригласил гостей сесть на скамью, находившуюся вблизи входа. Как только они уселись, жена старейшины поставила на полу у ног гостей маленькие мисочки, наполненные вареными зёрнами перца и пригласила отведать это яство. Через минуту она снова подошла с подносом маниокового пирога, который поставила рядом с перцем. Вслед за ней с такими же подношениями явились остальные хозяйки, обитательницы малоки. Теперь с гостями остался один Габоку, потому что остальные вежливо удалились в свои помещения.

Уилсон, знакомый с обычаями сюбео, встал со скамьи и по очереди отломал кусочек пирога со всех без исключения подносов, макал эти кусочки в мисочки с перцем и съедал. Одновременно он знаками пригласил друзей следовать его примеру.

– Пробуйте еду со всех подносов, иначе смертельно оби-

дите одну из хозяек, – шепнул Уилсон.

После скромного угощения друзья опять уселись на скамью. Женщины немедленно убрали еду. Воспользовавшись временной суматохой, вызванной приходом женщин, Уилсон сказал вполголоса:

– Это было формальное угощение, которое считается обязательным проявлением гостеприимства. Сюбео больше ничем не угощают гостей.

– Плохая новость для меня, я здорово проголодался! – ворчливо сказал Новицкий.

– Гостей приглашают к общему обеду только в том случае, если они принимали участие в повседневных трудах рода, – пояснил Уилсон.

– Давайте теперь вручим им подарки, – предложил Томек.

Уилсон попросил старейшину, чтобы тот от имени гостей вручил всем членам рода подарки. Женщинам они подарили разноцветные, стеклянные ожерелья, иглы, нитки и зеркальца, мужчинам перочинные ножи, и крючки для ловли рыбы. Потом гости подарили всем обитателям малоки молодого тапира, подстреленного утром Томеком.

Все больше мужчин возвращались домой. Одни приносили дичь, другие пойманную рыбу. Прибывшие здоровались с гостями и втихомолку уходили в свои помещения.

– Разве сюбео обедают в малока сообща? – спросил Томек, когда они остались одни.

– Совместный обед устраивается перед закатом солнца

один раз в день, – ответил Уилсон. – Каждая семья готовит для себя отдельно только завтрак и ужин, но все блюда приготавливаются в одной общей печи, что должно символизировать общность рода. Дети получают дополнительно пирог из маниока, приготовленный матерями.

– Я надеюсь нам не придется спать в малоке, – сказал Томек. – Хотя здесь довольно чисто, однако полно насекомых.

– Они пригласят нас к себе, но мы можем сказать, что не хотим их стеснять. Разобьем палатку на площади, рядом с малока, – предложил Уилсон. – Когда я сюда приезжал, всегда так делал.

– Прекрасная идея, – согласился Новицкий.

Друзья прервали беседу, потому что к ним подошли старейшина и Габоку с приглашением на совместный обед. Они, видимо, посчитали, что гости достаточно уплатили, подарив им тапира.

На циновках, постеленных в центре главного коридора, женщины поставили подносы с маниоковым и кукурузным хлебом, свежей вареной рыбой, жареным и сушеным, порезанным на тонкие полоски мясом. Потом принесли чары с соусом из перца; в конце, они подали десерт из печеных личинок и муравьев. Были также плоды диких фруктовых деревьев.

Мужчины уселись широким кругом вокруг циновок с едой. Перед ними, более узким кругом уселись их сыновья. Женщины скромно расположились за спинами своих мужей,

отцов и братьев. По приглашению старейшины белые заняли почетные места между ним и Габоку.

Во время обеда мужчины шутили с женщинами, терпеливо ожидавшими своей очереди. Томек заметил, что Габоку несколько раз подал сидевшей за ним жене специально подобранные жирные куски рыбы или мяса с маниоковым хлебом. Как видно, Габоку очень любил свою жену.

Индейцы ели весьма умеренно, поэтому, когда они, получив сигнал закончить обед, стали полоскать рты водой и пальцами чистить зубы, Новицкий тяжело вздохнул, так как не успел еще как следует наесться. Мужчины уступили места женщинам, а сами расселись вместе с гостями на полу главного коридора у входа в малоку.

Из подручного мешка Новицкий достал кисет с табаком и стал скручивать папиросу. Индейцы последовали его примеру. Какое-то время все курили в полном молчании, как и требовалось по обычаю. Потом беседу начал старейшина:

– Вы прибыли в хорошее время. В реке мало воды, и рыбу можно ловить прямо руками.

– Ручьи в лесах высохли, у водопоя на берегу реки множество дичи, и легко охотиться¹¹⁴ на нее, – добавил Томек, который всегда умел находить общий язык с туземцами.

¹¹⁴ Было начало так называемого сухого периода, когда реки входят в свои берега. Сухая пора на этой географической широте бывает два раза в год: от октября до декабря и от февраля до марта. В обмелевших реках появляется множество рыбы, дикие животные в поисках водопоя покидают убежища в джунглях и выходят на берега рек. У индейцев сухая пора совпадает с периодом сытости.

Удивленные сюбео взглянули на Томека; Они были поражены тем, что самый молодой из гостей первым взял слово. Уилсон заметил это и сказал:

– Сеньор Вильмовский опытный охотник и превосходный стрелок. Он никогда не промахнется, стреляя из винтовки. Бывал уже во многих странах. Ловил там разных диких зверей, которые потом обменивал на разные предметы в своей стране.

– Он их ловил живыми? – с любопытством спросил старейшина.

– Да, у него на них есть свои методы. Он поймал даже нескольких живых ягуаров.

Среди сюбео послышались голоса недоверия. Беседа велась на португальском языке, поэтому Новицкий, знавший португальский лучше, чем Томек, обратился к нему по-польски:

– Покажи фотографии пойманных животных...

Сюбео в изумлении смотрели на тигров, львов, слонов, носорогов и жираф. Однако наибольшее восхищение и удивление вызвала фотография, на которой был представлен Томек, который связывал пасть пантере, столь похожей на ягуара. На минуту сюбео забыли о своем всегдашнем спокойствии и оживленно обменивались впечатлениями.

– Этот белый намерен здесь ловить зверей? – спросил старейшина.

– Нет, у сеньора Вильмовского совсем другие дела в

Бразилии. Он организует экспедицию, чтобы найти сеньора Смугу и отомстить за него, – пояснил Уилсон. – Он является начальником этой далекой и, конечно, весьма опасной экспедиции.

Сюбео с возрастающим интересом смотрели на Томека, который отнюдь не смутился под испытующими взглядами. Среди собравшихся воцарилось длительное молчание. В конце концов Томек заявил:

– Опытные охотники и воины сюбео, вероятно, удивлены, что я, столь молодой еще человек, назначен руководителем экспедиции. Присутствующий здесь капитан Новицкий, который обладает куда большим опытом, отвагой и силой, чем я, будет вместе со мной следить за безопасностью всех членов экспедиции. Мы вместе начнем поиски Смуги, потому что это наш лучший друг и будь мы на его месте он поступил бы так же, как поступаем мы. Смуга был и остался моим учителем. Всеми моими достижениями я обязан ему.

Сюбео с любопытством смотрели на Томека, который им понравился своей скромностью. Томек подождал немного, потом выступил опять:

– Господин Уилсон говорил нам, что сюбео весьма храбрые люди. Мы убедились также, что сюбео прекрасные следопыты и гребцы. Поэтому мы и приехали в вашу деревню. Мы подумали, что может быть знаменитый охотник Габоку и несколько других воинов пойдут с нами в эту экспедицию. Что ответят нам воины сюбео?

– Габоку, ты был вместе с сеньором Смугой на Укаяли, – сказал Уилсон. – Ты знаешь зачем он ходил туда? Теперь он сам ждет помощи.

Индеец высокомерно посмотрел на Уилсона.

– У Габоку прекрасная память, и он не забывает друзей индейцев, – ответил он. – Но почему только теперь приходиться к нам? Разве раньше ты не был другом Смуги?

– Никсон и я хотели немедленно отправиться на поиски сеньора Смуги, но брат сеньора Вильмовского отсоветовал нам это, для блага самого Смуги. Он утверждал, что только опытный сеньор Вильмовский сумеет найти следы. Поэтому мы решили ждать его приезда, – пояснил Уилсон.

– А теперь ты отправляешься с ними в экспедицию? – спросил Габоку.

– Они не хотят взять меня с собой! Ни меня, ни сеньора Никсона. Они утверждают, что мы не только не поможем, но даже помешаем в поисках.

– Небольшой группе людей легче скрытно продвигаться по Гран-Пахонали. Мы будем действовать осторожно. Поэтому предпочитаем взять с собой нескольких отважных и хороших следопытов, – сказал Томек.

– Очень опасная экспедиция, – заявил Габоку. – Кампы ненавидят белых и индейцев других племен.

– Компания «Никсон-Риу-Путумайо» готова хорошо заплатить тем сюбео, которые пойдут в экспедицию, – вмешался Уилсон. – Мы готовы сразу же заплатить всю сумму впе-

ред.

Габоку презрительно улыбнулся и ответил:

– Разве твоя компания подсчитала, сколько стоит жизнь индейца?

Уилсон покраснел и смутился.

– Извините, я, возможно, не так выразился, я не хотел кого-либо обидеть, – буркнул он.

– Теперь мы знаем, зачем вы к нам пришли, – сказал старейшина. – Мы должны посоветоваться. Завтра вы получите ответ.

Беседа закончилась. Белые вышли из малоки и направились на берег реки, где для них разбили большую палатку. Они уселись у костра.

Стоял погожий вечер. Вокруг стрекотали целые сонмища цикад, и раздавался характерный свист южноамериканских жаб-свистунов¹¹⁵.

– Не очень удачно закончилась наша беседа, – сказал капитан Новицкий. – Мы получим арбуз, честное благородное слово!

– Думаю, что да, – ответил Уилсон. – Еще тогда, когда Габоку только вернулся на Путумайо, мне показалось, что он за что-то на нас обижается. Теперь я догадываюсь в чем дело. Он считал, что мы неправильно поступили со Смугой.

¹¹⁵ Пятипалые свистуны (*Leptodactylus pentadactylus*) род бесхвостых земноводных, встречающийся в Южной Америке. Крупные эти животные отличаются сильно развитыми передними конечностями. В воде двигаются довольно неловко, на суше – весьма быстро, несмотря на довольно неуклюжее строение.

– Ах, сто дохлых китов в зубы! Я тоже сегодня заметил, что он на вас обижен, – воскликнул Новицкий. – Однако, если наши предположения справедливы, то этот индеец, видимо, любил нашего Смугу.

– Теперь положение у Габоку изменилось. В экспедиции со Смугой Габоку был холостяком, а теперь у него молодая жена, которую он, вероятно, очень любит, – сказал Томек. – Разве вы не видели, как он подавал жене куски во время обеда?

– Вы правы, только влюбленный сюбео может относиться так к женщине, заметил Уилсон. – Они недавно поженились, и эта женщина не пустит его в рискованный и длительный поход.

– Я всегда говорил, что жена для моряка то же, что якорь для корабля, – тяжело вздыхая, сказал Новицкий. – Сюбео большую часть жизни проводят на воде, как и моряки. Они должны жить холостяками.

– А меня ты сам уговаривал жениться! – пошутил Томек.

– Наша Салли – другое дело! Это бой-баба! Совсем, как мужчина. Стоит только упомянуть об экспедиции, как она уже принимается упаковывать вещи.

– Я повторю ей твои слова, вот обрадуется;

– Трудно, раз Габоку подвел, пойдем одни. Выпьем по глотку ямайского рома. Ничто так не поднимает настроение, как глоток хорошего рома! Я слышал, что все индейцы любят заглядывать в рюмку, но, видать, эти сюбео люди непью-

щие. Даже чичи не дали к обеду! Открой коробку консервов, а то я не засну на голодное брюхо!

– Сюбео, как правило, в обыкновенные дни не увлекаются алкоголем, но иногда устраивают торжественные пиры, во время которых напиваются, как говорится, до положения риз! – пояснил Уилсон. – Такое пьянство у них считается чем-то вроде религиозного обряда.

– Мне уже приходилось слышать о торжественных обрядах южноамериканских индейцев, – сказал Томек. – Говорят, что они готовятся к такому пиру несколько месяцев.

– Да, в особенности если приглашают представителей других родов, – ответил Уилсон. – Одна лишь варка чичи длится несколько дней.

– Наши сюбео все еще совещаются, в их салоне горит свет, – заметил Новицкий.

– Лишь бы вынесли решение благоприятное для нас, – ответил Томек.

* * *

На другой день, сразу же после рассвета, старейшина рода пригласил белых гостей в малока. В главном коридоре на полу, двумя рядами сидели все взрослые мужчины рода. Они были принаряжены в одежды, которые индейцы носят в торжественных случаях. Их головы украшали мапены, или султаны из перьев красного ара, прикрепленные шнурками из

обезьяньего волоса к головному убору, сплетенному из лиан. На руках были надеты магические браслеты, тоже украшенные разноцветными перьями, на шеях – ожерелья, похожие по форме на больших мотыльков, сделанные из серебряных треугольников. Многие из них носили в ушных раковинах и на нижних губах украшения из кости или дерева. Лица и тела индейцев были покрашены красной краской,

– Посмотри, как они вырядились, – шепнул Томеку капитан Новицкий.

– Видимо, они сейчас объявят нам свое решение, – тоже шепотом ответил Томек, с тревогой глядя на неподвижные, словно вырезанные из камня лица индейцев.

Старейшина рода пригласил гостей сесть на почетное место около входной двери, и начал торжественную речь:

– Белые люди – странные люди. Они говорят, что за большой водой у них есть огромные деревни с красивыми, большими, богатыми домами, а сами приходят к бедным индейцам, силой отбирают у них скромное имущество, обращают в рабство и заставляют тяжело работать. До прибытия к нам белых, индейцев было больше, чем деревьев в лесу. Теперь надо много лун ехать по реке, пока встретится индейская деревушка на ее берегу. Только отдельные белые – друзья индейцев. Сеньор Смуга был нашим другом. Он не позволял обижать сюбео, работавших в каучуковых лагерях, он оберегал их от злых белых людей и от метисов, которые ни белые, ни индейцы.

Смуга был другом всем добрым людям. Он не позволил, чтобы ягуа мучили душу молодого Никсона, и отобрал у них его голову. Выкупил из плена сюбео, захваченных злыми людьми на Путумайо. Уплатил за них выкуп и не потребовал, чтобы они ему отработали это. Храбрый Габоку хотел идти вместе с ним в погоню за злыми белыми, но благородный Смуга приказал ему вернуться к своим. Он не хотел подвергать опасности индейца. Так поступить может только настоящий друг.

Габоку подчинился приказанию белого друга сюбео. Вернулся домой и женился, а теперь приходят белые друзья Смуги и говорят: ты, Габоку, смелый человек, ты умеешь выследить в лесу зверя и человека, иди с нами искать сеньора Смугу. Что должен сделать Габоку? Индеец не оставляет друга в опасности. Совет старших решил: Габоку пойдет в поход вместе с белыми друзьями Смуги и другие сюбео тоже пойдут. Сюбео хотят видеть у себя друга индейцев, Смугу.

Обрадованный Томек произнес длинную, торжественную речь, в которой от имени Смуги поблагодарил сюбео за готовность помочь в поисках друга. После него говорил Уилсон. Заключительное слово сказал Габоку. Оказалось, что жена Габоку решила идти в экспедицию вместе с мужем. Томек и Новицкий обрадовались этому решению, потому что молодая индианка могла стать неоценимой помощницей Салли и Наташи, не очень привычных к путешествиям по диким краям.

После обмена речами, стороны начали обсуждать размеры вознаграждения, которое будет выплачено сюбео, участвующим в походе. Торг продолжался до обеда и закончился приглашением белых друзей на прощальный пир, который должен состояться на следующий день перед заходом солнца.

XVI

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПИР

Белые гости с удовольствием приняли участие в подготовке к торжеству. Капитан Новицкий отправился вместе с Габоку на охоту, а Уилсон на лодке поехал ловить рыбу. Томек остался в деревушке стеречь имущество экспедиции, сложенное в палатке.

По словам Уилсона понятие о собственности у сюбео во многом отличается от обычаев белых. Вообще говоря, у сюбео было три вида собственности. Итак, например, предметы сделанные старейшиной рода или его женой для общего потребления считались собственностью всего рода. К таким предметам принадлежали: большая лодка, рассчитанная на несколько десятков человек, большие сосуды для хранения чичи, печи для маниока, пресс для сахарного тростника и скамьи для гостей. Некоторые предметы, например, музыкальные инструменты и ритуальные принадлежности, хотя и считались собственностью всего клана, но находились в постоянном употреблении у отдельных лиц.

В то же время предметы домашнего обихода, лодки, оружие, украшения, одежда и товары приобретенные у европейцев считались личной собственностью владельца. Кроме того, сюбео не особенно стеснялись одолжать у других их лич-

ную собственность, даже не спрашивая согласия. Поэтому Томек должен был остаться в палатке, чтобы индейцы не растащили имущество экспедиции.

Впрочем, Томек не жаловался на необходимость вынужденного пребывания в деревушке сюбео. Воспользовавшись благоприятным случаем, он решил ознакомиться с бытом и обычаями индейцев сюбео. С этнографической точки зрения бассейны Амазонки и Ориноко все еще оставались неизученными. Об обитателях низменных саванн и тропических лесов Южной Америки почти ничего не было известно. Кроме того, изо дня в день вымирали целые совершенно неизвестные племена. Многие племена оставляли насиженные места и, объединившись с другими, теряли свои отличительные особенности. Многочисленные реки облегчали первобытным жителям лесов далекие путешествия. Поэтому на огромной площади бассейна Амазонки можно было встретить следы самых разнообразных обычаев и языков, родина которых зачастую находилась очень далеко. Жители лесов, индейцы, везде находили похожий климат, флору и фауну. Везде можно было вести привычный им образ жизни: лесной и речной. Легкость переездов с места на место на лодках по рекам и протокам, похожие условия существования образовали фундамент, на котором выростала культура всех жителей бассейна Амазонки, причем широко распространенные одинаковые способы посадки маниока и шаманизм придавали этой культуре единый характер.

Томек отдавал себе отчет в том, что редко кто из европейцев может непосредственно наблюдать жизнь индейцев сюбео, и потому с охотой вел наблюдения. Он, например, сразу заметил, что родители по-иному относились к дочерям, а совсем по-другому к сыновьям.

Все матери считали своих дочерей чем то вроде прислуги. По утрам дочери шли на маниоковое поле, где все время находились под неусыпным надзором матерей. Вернувшись с поля, девушки обязаны были помогать матерям в домашних работах.

Сыновья были любимцами матерей. Мальчики от шести до пятнадцати лет были организованы в группы; каждая из них выбирала своего вождя. Под его водительством они целыми днями играли на площади у малоки. Ходили на ходулях, выплетали из пальмовых волокон «змей», которые хватили за палец. Ватаги ребят сами добывали себе пропитание, купались в реке, бродили по лесу. Иногда они принимали участие в танцах и пеньи и даже в обрядах взрослых мужчин. Родители никогда не наказывали детей за шалости или за потерю чего-нибудь, потому что гнев у сюбео считался признаком плохого воспитания.

Томек обратил внимание на шамана, который на площади у малоки занимался «лечением» больных: Каждый род сюбео располагал своим шаманом, и все индейцы свято верили в его чудодейственную силу. По мнению сюбео, великие шаманы-ягуары могли произвольно вызывать сильную

бурю, ветер, град и туман, лечить и убивать людей. Томек вручил шаману несколько мелких подарков и стал незаметно расспрашивать его о разных обычаях индейцев сюбео. Когда шаман разговорился, Томек сказал ему, что добыча пищи не требует от сюбео больших трудов.

– Ты сказал правду, – согласился шаман. – Мы живем в лучшие времена. Прежде людям приходилось голодать, потому что они вынуждены были питаться только соком растений к древесной корой.

– Неужели? – удивился Томек. – А я думал, что индейцы уже давно знают маниок.

– Ты ошибался, первые люди не знали другой пищи, кроме сока растений и древесной коры, – ответил шаман. – Пользоваться маниоком и другими полезными растениями они научились гораздо позже.

– А кто их научил?

– Это было так! Однажды голодный старый индеец искал в лесу съедобную кору. В чаще леса он случайно набрел на аунгоку, то есть дерево, листья которого похожи на листья маниока. Плоды маниока падали с дерева на землю, но индеец не знал, что они съедобны. Дерево росло на поляне. Индеец заметил, что около него было много разных животных. Он задумался, что бы это значило. Тогда пришел мудрый агути¹¹⁶. Старик очень удивился, когда увидел, что агути ест

¹¹⁶ **Агути** (*Dasyprocta aguti*) или горбатый заяц, род млекопитающих семейства агутиобразных. Отличается густым, блестящим мехом красновато-желтого цвета

плоды, упавшие с дерева. В те времена плоды маниока были лишены скорлупы. «Что ты ешь?» – спросил старик у агути. Агути ответил – «маниок». Потом агути добавил, что люди должны раскорчевать лес и очистить поле, на котором надо посадить маниок. Старик вызвал людей из деревни, а когда они приготовили поле, агути приказал им срезать аунгоку. Индейцы срубили дерево каменными топорами. Вскоре дерево упало на землю, и все звери, сколько их было, подошли и стали есть его плоды. Старик увидел, что каждая ветка дерева носила другие плоды. На одной росли бананы, на другой – сахарный тростник, на третьей – пататы, на остальных – туру или яд. Агути сказал индейцам, чтобы они срубили по одной ветке и посадили их на поле. Так индейцы научились разводить разные полезные растения и с тех пор перестали голодать.

– Думаю, что и раньше им не приходилось голодать. Ведь леса были полны дичи, – заметил Томек.

– А вот и не могли они охотиться! – возразил шаман. – Первые люди не умели пользоваться оружием. Позднее Кувай¹¹⁷ научил их ловить рыбу на крючок и стрелять животных из лука. Кроме того, некоторых животных вообще

с примесью черных и бурых волос. Горло агути лишено меха. Обитает в Бразилии в бассейне Амазонки и в восточных областях Перу. Питается, в основном, плодами и семенами растений. Агути ведут обособленный образ жизни; при встрече с людьми быстро убегают. Самка строит в норе гнездо из мягкого пуха, где и выводит потомство.

¹¹⁷ **Кувай** – герой мифологии племени сьюбео.

нельзя есть. Например мясо ленивца¹¹⁸ сделало бы человека очень ленивым.

– Как видно, сюбео никогда не едят ленивцев, потому что работают с утра до вечера, – пошутил Томек. – Ваши женщины не отдыхают вообще, даже девушки работают без усталости весь день.

– Прежде, когда у женщин были барабаны и флейты, они целыми днями не хотели ничего делать, только играли, – ответил шаман. – Тогда Великий Дух разгневался на них, отобрал у женщин музыкальные инструменты и передал их мужчинам. С тех пор мужчины прячут от женщин барабаны и флейты, а если какая-нибудь из них увидит эти инструменты, она должна погибнуть от колдовства.

– Что же в таком случае делают женщины, когда мужчины играют на барабанах и флейтах? – спросил Томек.

– Они должны находится вне малоки и могут вернуться только тогда, когда мужчины спрячут инструменты.

Томек хотел еще продолжать расспросы, но около шамана

¹¹⁸ **Ленивцы** – животные отряда американских неполнозубых. В северной Бразилии и в Гвиане распространен ленивец унау или ай из вида двухпалых (*Choleopus didactylus*). Длина туловища не превышает 70 сантиметров. Шерсть зеленоватого цвета, белая на морде. Ленивцы принадлежат к числу самых оригинальных животных, обитающих в Америке. Водятся в лесах, питаются листьями и плодами деревьев. Обилие пищи позволяет ленивцам вести спокойный, медлительный образ жизни. Им нет нужды даже переходить с места на место. Благодаря мощным крючковатым когтям, они могут целыми днями висеть вниз спиной, на ветке дерева. Голова подвижна и может поворачиваться на 180°. Шерсть ленивца приспособлена к всяческому образу жизни и растет от брюха к спине.

собралась очередь пациентов, ожидающих врачебной помощи.

Капитан Новицкий и Габоку вернулись в деревушку около полудня.

– Как видно, охота была не очень удачной, – приветствовал Томек друга, увидев, что охотники выгрузили из лодки только молодого тапира и несколько птиц.

– Мы подстрелили двух тапиров, но одного из них Габоку отдал индейцам соседнего рода, на чьей земле тапиры были убиты, – пояснил моряк. – Это у них обычай такой – поохотишься удачно на чьей-нибудь земле, будь добр отдай половину хозяевам. Вроде дикари, а смотри какие честные, и как следят за порядком.

– Это надо записать, – сказал Томек. – А может быть вы говорили о чем-нибудь?

– Я пытался узнать у Габоку то да се, но он не хотел в лесу говорить. Он боялся, что нас могут подслушать великаны и напасть.

– Неужели вблизи живут индейцы высокого роста? – спросил заинтересованный Томек.

– Нет, браток! Это сказка, в которую они верят. Меня смех разбирал, когда такой отважный охотник, как Габоку, серьезно говорил о волосатых великанах с двумя лицами и липкими телами. Он уверял меня, что великаны с большим удовольствием охотятся на матерей с детьми, которых они поедают. Габоку рассказывал, что некогда один из его пред-

ков поймал и убил такого великана. Говорил, что убить великана можно только тогда, когда луна закрыта облаками, или находится низко над горизонтом.

– Надо будет при случае побеседовать с ним на эту тему. Это интересная легенда.

Перед закатом солнца все женщины скрылись в малоке. Это означало, что мужчины начинают ритуальный обряд. Белые гости, не желая мешать, отошли в сторонку, но с любопытством наблюдали за тем, что делается вблизи лодочной пристани, где собрались все мужчины рода. Некоторые из них достали, спрятанные в кустах священные рога и барабаны. При звуках этих инструментов Габоку и пять его товарищей искупались в священной реке. Во время купанья они натирали тела соками каких-то растений. Это делалось для того, чтобы снискать милость предков, которые должны вооружить воинов мужеством.

Потом воины стали соревноваться в силе и выносливости. Они бичевали друг друга розгами и держали руку в калечатсе, наполненной красными муравьями. После таких испытаний они обошли площадь около малоки, играя на священных барабанах и флейтах. Потом спрятали музыкальные инструменты и удалились в малоку; по приглашению старейшины туда же направились и белые гости.

Женщины подали обед, окончив который, мужчины уселись в два ряда на скамьях, установленных одна против другой и начали церемонию курения табака. Свернутые в си-

гары листья они держали деревянными щипцами, противоположный конец которых можно было вбить в землю. Между курильщиками кружили сразу несколько сигар. Каждый мужчина делал одну или две затяжки и передавал сигару соседу. Габоку позволил затянуться дымом также своей жене, что с его стороны означало огромное доверие.

Внезапно Томек локтем толкнул капитана Новицкого и шепнул:

– Черт возьми, несут чичу... Не знаю, сможешь ли ты проглотить ее.

– Это почему же? – удивленно спросил капитан Новицкий. – Я уже пил чичу, и считаю, что это довольно приятный напиток.

– А ты знаешь, как ее делают?

– Нет, а как?

– Ты в самом деле не знаешь?

– Я ведь не местный пивовар! – возмутился Новицкий.

– Ну, так слушай! Умягчив и высушив плод маниока, индейцы просеивают его через сито и кладут под пресс. Сухие комки немного поджаривают в печи и измельчают. Из полученной муки выпекают маниоковые хлебцы.

– Ты собирался рассказать, как делают напиток, а говоришь о выпечке хлеба, – возмутился Новицкий.

– Не перебивай! Вот именно, они пережевывают эти хлебцы во рту и выплевывают мякиш в специальный сосуд, где смешивают его с водой. Как только начинается брожение,

они добавляют в сосуд немного сахарного тростника и оставляют бродить еще на несколько дней.

– Ты, наверное, прав, чича сладкая, они несомненно добавляют к ней сахарный тростник, – согласился Новицкий.

– И ты в самом деле можешь ее пить?

– А что тебе не нравится в этом напитке?!

– Ведь чичу делают на человеческой слюне!

– А на чем ее делать, раз они не знают другого способа?

Ты разве не заметил, что сюбео чрезвычайно чистый народ?

После каждой еды чистят зубы и полощут рот!

– Ты шутишь!

– Послушай, браток! Лучше не заглядывай никому в горшки. Чего не видел, ты проглотишь без смущения. Мы не такие деликатесы ели в разных краях. Помнишь, как в Китайском Туркестане ты подбрасывал мне блюдо из засахаренных пиявок? В чужой монастырь со своим уставом не суйся!

Пока друзья переговаривались, мужчины внесли несколько больших сосудов, напоминавших деревянные барабаны. В них была чича. Ставя в коридоре эти ушаты, наполненные пьянящим напитком, они приговаривали:

– Никто из вас не уйдет отсюда, пока не будет выпита вся чича!

Остальные отвечали хором:

– Не выйдем, пока всю не выпьем!

Чичу передавали друг другу из рук в руки в малых ка-

лебассах. Томек, притворяясь что пьет, быстро совал сосуд с чичей приятелю, который не моргнув глазом, выпивал до дна всю чарку. Уилсон тоже выпил порядочно, потому что за долгую жизнь среди индейцев Бразилии он привык к их напиткам и кухне.

Томек с облегчением вздохнул, когда индейцы принесли барабаны и флейты. Он полагал, что пир закончится танцами. Томек с любопытством наблюдал за двумя парами мужчин, стоявших в глубине коридора в кухонном отделении. Обняв друг друга за шею, они стояли рядом, держа в одной руке длинные, достигающие уровня земли, флейты.

Танцоры стали играть мелодию, получившую название песенки мотылька. Им вторили музыканты, сидевшие поодаль и игравшие на дудках и барабанах. Не прерывая игры на флейтах, танцоры сделали один медленный шаг, потом остановились, сделали два коротких шага и опять остановились, потом пробежали еще три шага. Так они шли вдоль по коридору, ритмически изгибаясь телами вперед и назад и с грацией переходя с одной стороны коридора на другую.

В первом ряду танцевал старейшина рода, Габоку и два его брата. За ними сюбео, согласившиеся принять участие в экспедиции, остальные танцевали в третьем и четвертом рядах.

Вот танцоры дошли почти до половины длины коридора. Девушки пересмеивались, толкали друг друга локтями и поводили плечами в такт музыки. Одна из пожилых женщин

обратилась к ним:

– Идите танцевать!

Три девушки, преодолев стеснительность подбежали к танцорам. Они подскочили к мужчинам, каждая из них обняла партнера левой рукой за талию и танец начался. Девушки часто менялись. В конце коридора танцоры повернулись, издав протяжный, высокий клич.

Танцы вскоре прекратились. Женщины ушли в свои помещения. мужчины опять расселись на циновках, расстеленных на полу. Старейшина собственноручно вынес еще одну калембассу. Уилсон нагнулся к друзьям и тихо сказал:

– Теперь, пожалуй, лучше всего незаметно удалиться. Они будут пить священный напиток михи.

– А что это такое? Чужих они тоже им угощают? – спросил Новицкий.

– Угостить угостят, но михи они получают из наркотического растения. Напившись михи люди теряют сознание и видят странные сны.

– Вы правы, лучше всего уйти, – сказал Томек.

– Напиток вызывает видения? – с любопытством переспросил Новицкий.

– В Китае мне приходилось курить опий. Неужели михи действует так же, как опий?

– Не знаю, я боюсь наркотиков. Ну как, идем? – настаивал Уилсон.

– У меня идея! Вы идите в палатку, а я пока останусь, –

предложил Новицкий. – Томек интересуется разными вещами из жизни туземцев, а я готов пожертвовать собой ради науки!

– Сказки прямо, что тебя интересует действие наркотика, – проворчал Томек. – Твое любопытство к хорошему не поведет!

– Не каркай, браток! Ну, теперь давайте ходу отсюда, а то потом будет трудно...

Новицкий остался с туземцами. Как раз в этот момент старейшина передал одному из мужчин калобассу со священным напитком¹¹⁹, говоря:

– Пей быстро, чтобы скорей напиться!

– Теперь я скоро опьянею, – ответил мужчина.

Один из сьюбео после солидного глотка крикнул:

– Хо-хо-о-о, Хоооо! Вот приближается! Что чувствуешь?

– Хорошо, смотри, она горькая!

– Вкус горький. Наши предки тоже пили михи. Дай мне еще!

Все по очереди выпили по одной порции, потом повторили. Старейшина принес еще одну калобассу, полную михи. После третьей порции один из сьюбео, сидевший в первом ряду сказал:

– Довольно пить. Спасибо, я сажусь, чтобы меня посетили

¹¹⁹ Наркотическое средство михи индейцы получают из соков растения *Banisteriopsis caapi* и других. Вызывает рвоту, а при сильных дозах ужасные галлюцинации.

видения¹²⁰.

Капитан Новицкий не отказался от третьей порции. Он сидел опершись спиной о стену. В его глазах темно-коричневые тела пирующих налились кровавым пурпуром. Вскоре вся малока превратилась в огромное облако кроваво-красного тумана. В тумане стали появляться лица знакомые и незнакомые. Вот в ореоле красного облака показалось лицо Смуги. Новицкий хотел встать, чтобы приветствовать друга, но только тяжело опустился на циновку. Смуга остановился рядом. В одной руке держал голову незнакомого мужчины, в другой – свою собственную. Смуга потрясал этими головами, а они кривились в ужасных гримасах. Новицкий был поражен, у Смуги на плечах было две головы и даже три! Красивые и гибкие индейские девушки танцевали вокруг него. Среди танцующих Новицкий вдруг увидел Салли и Наташу... Потом все начали жевать маниоковый хлебец выплевывать его в огромные сосуды для чичи, которые танцевали вместе с ними. Потом девушки медленно исчезли в кровавом тумане. Теперь Новицкий очутился в джунглях, пестревших разнообразными цветами. Ветви каких-то незнакомых деревьев клонились к Новицкому. Он почувствовал легкий, одуряющий аромат. Ему стало душно. Его окружила толпа тибетских монахов, которые танцевали танец смерти. Он прикрикнул на них, требуя чтобы они удалились, но они стянули

¹²⁰ Обрядные слова во время принятия священного напитка михи, который по религиозным убеждениям должен подаваться в никогда не мытых сосудах.

с себя рясы вместе с телом и теперь перед глазами Новицкого танцевали голые скелеты. Вдруг среди них очутился старший Вильмовский. Суровым взглядом он отстранил ламов, а потом вперил взгляд в Новицкого. Погрозил ему пальцем, взял за руку и куда-то повел. Они очутились в парке. С волнением смотрел Новицкий на дворец в Лазенках. Вот мост, вот вода, а вот плывут лебеди. Вскоре появился Томек, а за ним длинная цепь различных зверей. «В Лазенках мы организуем зоологический сад», – говорит Томек. Львы, тигры, пантеры, ягуары, носороги и слоны строят себе клетки, входят в них и закрывают за собой двери. Они подмигивают Новицкому, требуя, чтобы он тоже построил себе клетку. Новицкий убегает от них на Повислье. Вот он уже рядом с домом, в котором провел детство. Вбегает на лестницу. Как вдруг ему преграждает путь Альварес. Одним ударом кулака Альварес валит его на землю и топчет ногами. Новицкий пытается руками заслонить себя от ударов, но ему это не удается. Вторичный удар вызвал приступ ужасной тошноты, появляется рвота...

Из пурпурного тумана возникает мрачный коридор малоки. Новицкий очнулся, будто вынырнул на поверхность из воды, в которой тонул...

Капитан с трудом встал с циновки. Шатаясь вышел из малоки. На берегу реки разделся до пояса и окатил себя прохладной водой. Дрожа от холода, взял одежду под мышки и проскользнул в палатку. Томек и Уилсон спали сном правед-

ников. Новицкий лег в гамак, накрылся одеялом и буркнул:
– Акуле в зубы проклятое михи, поделом мне, раз я не послушался умнейших.

Вскоре он опять гулял по Лазенковскому парку в Варшаве.

XVII

СТРАНА ЗОЛОТА И СОЛНЦА

Салли смотрела в лицо Томеку, который обнял и прижал ее к себе правой рукой. Салли хотела знать о чем думает муж? Она так сильно тосковала по нем все три недели ожидания в Икитос. Но теперь не смела прервать его размышления. Возможно он пытается отгадать тайну исчезновения Смуги? Ведь Томек теперь не был беззаботным пареньком, каким она его знала в Австралии! Салли чрезвычайно гордилась Томеком, ведь знаменитые и заслуженные путешественники относились к нему, как к равному. Например, в Икитос они встретились с полковником Рондоном, который пользовался в Бразилии не меньшей славой, чем Стэнли в Африке¹²¹. Так вот, полковник Рондон, в присутствии нескольких человек просил у Томека совета относительно организации

¹²¹ **С. Рондон** – полковник, исследователь и путешественник. В 1907—1913 годах он совершил шесть экспедиций по девственным местам Бразилии; в последней из них Рондону сопутствовал Теодор Рузвельт. Они изучили около 15 тыс. кв. км. неизвестных до того земель, куда не ступала нога белого человека, осуществили картографическую их съемку, строили дороги и телеграфные линии. Благодаря Рондону на картах Бразилии появилось множество раньше неизвестных рек, озер и горных цепей. Рондон пытался облегчить участь несчастных индейцев, которые считали его другом и опекуном. **Генри Мортон Стэнли** (родился в Англии в 1841 году, ум. в 1904 г.) – американский журналист и путешественник, один из первооткрывателей внутренних областей Африки.

в Бразилии отделения Общества покровительства индейцам. Ах, какой интересный разговор состоялся у них! Со своей стороны Рондон дал несколько ценных советов по организации экспедиции в Гран-Пахональ.

Никсон так полюбил энергичного и умного молодого человека, что сопровождал им от лагеря на реке Путумайо до Икитос. Кроме того, он сделал все, что от него зависело, чтобы ускорить отправку экспедиции. Благодаря связям и щедрости Никсона, они теперь ехали на пароходе вверх по Укаяли, тогда как по расписанию, этот пароход должен был отправиться за грузом каучука на две недели позже.

Три дня назад пароход отошел от пристани в Икитос вверх по реке Мараньоне¹²². Через две недели непрерывного плавания пароход дошел до места, где серые воды Мараньона сливаются с водами Укаяли, и вот уже три дня идет по этой таинственной реке.

Поужинав, Томек и Салли вышли на палубу подышать свежим воздухом. Они остановились рядом с надстройкой. Томек оперся спиной о стенку надстройки, обнял жену правой рукой и задумался. Салли смотрела на небо; среди мириад звезд ярко блестело столь знакомое ей созвездие Южного Креста. Стояла глухая, душная, тропическая ночь. Слы-

¹²² **Мараньон** – так называют Амазонку в ее верхнем течении. Истоки Мараньона находятся в Западной Кордильере на территории Перу. Мараньон вытекает из высокогорного озера Лаурикоча, находящегося на высоте 3653 м над уровнем моря. От места слияния с Укаяли до Риу-Негру, то есть от границы Перу с Бразилией, эту реку часто называют Солемеон, а дальше – Амазонкой.

шен был только монотонный шум волн, да хриплое шипение пара.

Время от времени Салли бросала на мужа испытующий взгляд. В конце концов не выдержала и спросила:

– О чем ты задумался, Томми? Мне кажется, тебя что-то угнетает...

Томек тяжело вздохнул и ответил:

– Не могу скрыть от тебя, что меня пугает ответственность добровольно взятая на себя. Правда, с помощью Уилсона, который так хорошо относится к Смуге, нам удалось преодолеть первые трудности, но главное еще впереди. Сможем ли мы достаточно быстро найти первые следы? У нас не очень много времени. Экспедиция поглотила почти все наши сбережения.

– Я тебя понимаю, Томми. Мы не можем злоупотреблять добротой Никсона. Он и без того много сделал для нас.

В это время на палубе показалась рослая фигура капитана Новицкого. Увидев молодых людей, он подошел к ним.

– Все уже легли спать, а вы все еще воркуете? – обратился Новицкий к Томеку и Салли.

– Мы не воркуем, капитан, – ответила Салли. – Томми обеспокоен нашим финансовым положением.

– Не беспокойтесь о деньгах. Мы как-нибудь справимся, – сказал Новицкий. – Деньги будут получены скоро.

– Откуда? – удивился Томек.

– Я об этом подумал еще в Манаусе. Написал твоему па-

паше, чтобы немедленно продал мою яхту. И послал ему соответствующую доверенность.

– Ах, что вы наделали! – возмутилась Салли. – Ведь «Сита» была для вас всем! Вы так радовались ей!

– Это правда, что радовался, но жизнь Смуги важнее. Взволнованный Томек с любовью смотрел на добродушного моряка. Яхта была подарена Новицкому благородной индейской рани, которая почти три года назад помогла им освободить Збышека из сибирской ссылки. Бедный моряк так гордился «Ситой». А теперь продал ее, чтобы спасти жизнь друга...

– Вы благородный и добрый человек... – шепнула Салли, взволнованная не меньше, чем муж.

– Послушай, голубушка! Смуга и Томек всегда могут рассчитывать на меня, – ответил Новицкий. – Они мне, как братья.

– Неужели у вас нет ни братьев, ни сестер? – удивилась Салли.

– Вот поэтому эти двое мне дороже родных. Кроме того, собственная яхта мне не к лицу. Мне кажется я создан быть всю жизнь бедняком. На кой ляд мне противиться судьбе! Уже поздно, пошли спать!

Капитан взглядом проводил Томека и его жену до двери каюты, а потом и сам пошел к себе.

Было начало февраля, когда на Укаяли высоко вздымаются паводковые воды. Река разлилась широко. Экипаж небольшого парохода постоянно находился на посту, потому что то и дело встречались опасные места. На реке много крутых поворотов, в главном русле бывали сильные водовороты, в некоторых местах путь преграждали огромные завалы из затопленных деревьев, застрявших на перекатах и создавших опасные заторы.

Оба берега Укаяли покрыты сплошным непроходимым лесом. Джунгли прямо вырастают из воды, далеко проникающей в глубину суши, и образовавшей неисчислимое количество протоков, каналов, заливов, озер и болот. Иногда можно было заметить ягуара, прикорнувшего на толстой ветке дерева, пуму или оцелота, которые, спасшись от воды, теперь погибали с голоду. Над ними вверху парили зловещие и жадные грифы. Дикие животные в панике уходили с затопляемых берегов, но птиц здесь было еще больше, чем на Амазонке. Иногда ястребы разгоняли стаи попугаев, которые с криками прятались в густых кронах деревьев. Кое-где на высоком берегу, можно было заметить индейскую хижину, построенную на сваях. Здесь, где реки постоянно выходили из берегов, такое строительство было единственно возможным, так как предохраняло людей от наводнений. Хижины, похо-

жие на навесы крытые пальмовыми листьями, были лишены боковых стен. Однако индейцы встречались чрезвычайно редко. Завидев белых, они скрывались в лесах, потому что банды искателей каучука постоянно охотились за рабами.

Томек и его друзья почти целые дни проводили на верхней палубе парохода. Скрывшись от безжалостного солнца в тени брезентового тента, они с любопытством смотрели на проплывавшие мимо берега реки. Здесь же находились индейцы сюбео во главе с Габоку, потому что на нижней палубе стояла невыносимая жара. Динго ни на шаг не отходил от Салли. Он ложился у ее ног и тоскливым взглядом провожал, пролетающих мимо парохода, птиц.

Берега реки казались пустынными, лишенными людей. Но это только так казалось. Во время встречи в Икитос, полковник Рондон предупреждал Томека о необходимости быть осторожным и бдительным. Многие индейские племена, относившиеся к белым крайне враждебно, жили в бассейне Укаяли. В верхнем течении реки Агуайтии обитали воинственные людоеды, кашибби¹²³, которые вели непрерывную войну с племенем чама¹²⁴. Кашибби снимали головы у мертвых врагов, отрезали руки и ноги, из зубов делали ожерелья, а из костей дудки и наконечники копий. К стрелам привязывали пучки женских волос, что, по поверью, должно бы-

¹²³ **Кашибби**, – кашибос – на языке чамов – «люди-нетопыри».

¹²⁴ **Чамы** – «мать комаров» – название происходит от множества насекомых, тучами носящихся над селениями этого племени.

ло принести удачу стрелку. Чамы жили в нижнем течении Агуайтии, вплоть до ее впадения в Укаяли. Чамы делились на три клана: кунибо, ссипибо и ссетебо, которые всегда выступали вместе на войну. В битвах они пользовались огромными мечами, вытесанными из необычайно твердой древесины. Детям они еще в ребяческом возрасте деформировали головы, сжимая их так, чтобы лоб наклонялся назад. Они это делали будто бы для того, чтобы отличить людей от обезьян. Племя амагуаков занимало территории вдоль верхнего течения правобережных притоков Укаяли. Люди этого племени избегали встреч с белыми людьми. К числу самых многочисленных и могущественных племен в бассейне Укаяли принадлежали кампы. Гордые индейцы не хотели подчиняться белым. Во время войны отличались особой жестокостью. В нижнем течении реки Тамбо жили многочисленные роды племени пиров, состоявшие в союзе с Варгасом.

Но опасности подстерегали экспедицию не только со стороны индейцев. В лесах Монтании росло множество деревьев гевеи. Среди сборщиков каучука было немало различных авантюристов, которые ни в грош ставили человеческую жизнь. Одним из таких авантюристов и был Панчо Варгас, в гациенду которого сейчас направлялась экспедиция. Не постарается ли он помешать экспедиции в поисках Смуги? К его услугам сотни усердных и доверенных пиров.

Участники экспедиции строили все новые планы, высказывали различные предположения, а тем временем паро-

ход шел вверх по реке. На седьмой день путешествия с восточной стороны показалась горная цепь Серра ди Контамана. Это были единственные горы на правом берегу Укаяли. Вскоре на левом берегу показался городок Контамана, столица провинции Укаяли. Здесь кончалось и без того слабое влияние перуанских властей. Как бы в подтверждение этого, сама природа пыталась уничтожить следы пребывания здесь белых. Быстрое течение реки систематически подмывало берег, вынуждая жителей городка переносить строения в глубину материка.

Контамана состояла из нескольких каменных правительственных зданий, церквей и нищенских хижин туземцев. Томек и его друзья сошли на пристани с парохода и вдоль аллеи из манговых деревьев отправились в городок пешком, чтобы по совету префекта в Икитос поговорить с начальником местного полицейского участка.

Оказалось, что в этом маленьком городке магазины прекрасно снабжены всем необходимым. Дело в том, что искатели каучука закупали здесь различные продукты, да и туземцы продавали все, что давали им джунгли. Томек и капитан Новицкий отправились в полицию, а остальные участники экспедиции решили сделать необходимые покупки.

Прочитав официальную бумагу префекта Икитос, начальник местной полиции сделался предупредительно вежливым, а когда Томек рассказал ему о цели экспедиции, полицейский бессильно развел руками и сказал:

– Варгас не сможет ничего сказать, даже если вы найдете средство развязать ему язык.

– В случае необходимости я сумею с ним побеседовать по-матросски, – пригрозил капитан Новицкий.

Начальник полиции одобрительно взглянул на высокого, широкоплечего моряка, и ответил:

– Думаю, что вам удалось бы развязать ему язык, но Варгаса, к сожалению, нет в Уаире.

– А куда он девался, если можно спросить? – отозвался Томек.

– Два месяца назад из Лимы пришел приказ арестовать Варгаса. Он обвиняется в убийстве и торговле рабами, – ответил начальник. – Я лично пытался его арестовать, но его, видно, предупредили, потому что он сумел заранее улизнуть в джунгли к своим приятелям пирам.

– И что будет дальше? – спросил Новицкий.

– А что должно быть? – удивился начальник полиции. – Лима далеко, а мстительные пиры – близко. Здесь, в этом участке, кроме меня есть еще двое полицейских. А у всякого гациендера к услугам множество индейских рабов. Когда в Контаману приезжают вооруженные банды искателей каучука, я со своими людьми запираюсь в участке и терпеливо жду их отъезда.

– Да, вы довольно ясно обрисовали положение, – насмешливо сказал Новицкий. – Видимо, нам придется как-нибудь справляться самим.

– Советую сохранять сугубую осторожность, в особенности в Гран-Пахонали. С кампами шутить не стоит.

– Мы знаем это. Пожалуйста, сообщите префекту в Икитос, что мы посетили вас. Мы еще сегодня уходим из Контаманы.

Друзья вышли на улицу. Вместе с остальными вернулись на пароход. Там как раз кончалась погрузка дров. Вскоре пароход отчалил от пристани в Контамане. Вечером друзья собрались на совещание. Они решили направиться в Уаиру, несмотря на бегство Варгаса. Ведь Смуга ушел в Гран-Пахональ из Уаиры. Друзья надеялись узнать там кое-что от индейцев пиров.

Шли дни... Время от времени пароход приставал к берегу, пополнял запасы дров и отправлялся дальше. По обоим берегам реки простирались непроходимые джунгли. С берегов в воду спускались густые заросли тростника. Иногда среди зелени открывались желтые песчаные отмели, на которых грелись на солнце крокодилы. Водяные курочки, цапли, разнообразные виды попугаев и множество птиц других пород водились здесь в неисчислимом количестве. Это было настоящее птичье царство. На западном горизонте все чаще можно было видеть цепи неприступных гор Андийской Кордильеры. Очарованный красотой пейзажа, Томек всматривался в необозримые дали и сказал:

– Здесь можно понять, почему Перу часто называют Стра-

ной Золота и Солнца¹²⁵.

– Верно, Томек. Солнца здесь хватает, и как я узнал из книги, которую ты дал мне прочесть, испанцы нашли в Перу много золота, – согласился Збышек.

Именно жадность и жажда золота привлекли испанцев в Южную Америку, – сказал Томек. – Некоторые из них стремились также насадить здесь христианство.

Испания особенно нуждалась в золоте, поскольку длительные войны истощили казну. Многие испанцы, лишённые земли, стремились здесь разбогатеть. Они опустошали страны Латинской Америки, грабили и убивали индейцев. Не иначе относились к местному населению и португальцы, прибывшие сюда тоже за богатством. Не найдя золота, они занялись разведением сахарного тростника, пользовавшегося

¹²⁵ **Перу** (Перуанская республика) – государство в западной части Южной Америки на побережье Тихого океана. Занимает площадь 1285 тыс. кв. км. Численность населения по оценке 1973 года составляет – 14,9 мил. человек, из которых 80 процентов – это индейцы кечуа и аймары, метисы и креолы. Кроме того, в Перу живут: негры, мулаты, китайцы и другие. Государственный язык испанский, хотя большинство индейцев пользуется языками кечуа и аймара. Плотность населения больше в центральных и северных районах. Индейцы живут в основном в Андах и в восточной части страны. Столица – Лима с населением ок. 2000 тыс. человек, главный морской порт – Кальяо, речной – Икитос. Свыше 60 процентов населения занято в сельском хозяйстве, на лесных разработках и ловле рыб. Транспортная сеть развита слабо: протяженность железнодорожных линий составляет 4200 км, шоссеинных – 39933, включая Панамериканскую автомобильную дорогу. Перу принадлежит к числу самых богатых ископаемыми стран Южной Америки. В Перу есть: медные руды, цинковые, свинцовые, есть залежи антимона, марганца, вольфрама, молибдена и ртути. Добывается каменный уголь, каменная соль, калийные соли, гуано, золото и серебро.

ся большим спросом в Европе, а для работы на плантациях стали привозить в Америку негритянских рабов. Другие европейские страны стали завидовать Португалии. Они тоже стремились к разведению собственных плантаций сахарного тростника, но испанцы и португальцы сумели отстоять свои завоевания.

Захватчики долго грабили богатства Латинской Америки, Только лишь на рубеже XVIII и XIX веков революционные завоевания народов Северной Америки и Франции позволили населению испанских и португальских колоний в Америке добиться независимости. После длительных войн испанские и португальские колонии превратились в ряд независимых государств.

– Эх, пройдет еще немало времени пока здесь воцарится справедливость, – заявил капитан Новицкий. – Мы воочию убедились, что в Амазонии и на берегах Укаяли царит вопиющее беззаконие.

– Томек прав, говоря, что конкистадоры опустошили Южную Америку, – вмешалась в беседу Наташа. – Я слышала, что у инков было прекрасно организованное государство.

– Не могу в это поверить, им не было известно даже колесо, – сказал Новицкий.

– Не будьте таким самоуверенным, капитан, – возразила Салли. – Не так давно я слушала в университете лекцию на эту тему. Инки были превосходными инженерами, строили в горах висячие мосты, на склонах устраивали террасы, что-

бы предохранить почву от размыва. Умели строить оросительные системы на полях. Правда, они не знали колеса, но несмотря на это умели передвигать каменные глыбы весом в десятки тонн, из которых строили храмы и дворцы. Огромные каменные глыбы они не крепили раствором, но умели их так точно пригнать друг к другу, что в шов между ними не проходит острие ножа. Сооружения возведенные инками устояли против всяких бурь и землетрясений, которые легко разрушают дома, построенные современными инженерами.

Инки умели украшать керамические изделия; из золота и серебра они выделывали высокохудожественные вещи. Они не знали письменности в нашем понимании, но изобрели способ «записи» чисел в десятичной системе с помощью узлов на шнурах.

– Послушай, Томек, неужели эта пигалица говорит правду? – недоверчиво спросил Новицкий.

– Ты что, забыл? Ведь Салли изучает археологию. Должен сказать, что она превосходно запомнила лекцию. Огромная империя инков простиралась от северного Эквадора до центрального Чили. Основные города были: Кито в Эквадоре и Куско в Перу. Инки подчинили себе силой множество индейских племен. Население империи оценивалось на шестнадцать и даже тридцать миллионов человек. Правительство указывало своим подданным, где селиться, что разводить, сколько времени работать в день, когда охотиться и даже решало вопрос кто с кем и когда должен жениться. Все мате-

риальные ценности находились в исключительном владении царя, который распределял их между подданными по своему разумению. Царь решал все споры, жизненные проблемы людей и требовал беспрекословного подчинения. Когда испанцы завоевали империю инков, население было так приучено к послушанию, что подчинялось конкистадорам без особых протестов, так как люди считали, что произошла нормальная смена владетелей.

– Ну и просчитались, потому что попали в тяжелое рабство, – добавил Новицкий.

– Верно, инки, правда, тоже управляли своими подданными железной рукой, но, по крайней мере, заботились об их потребностях и защищали от нападения чужестранцев. А вот испанцы, убивали, грабили и вывозили все, что представляло для них какую-нибудь ценность.

– Интересно, сумели ли инки спрятать от испанцев хотя бы часть своих богатств?

– Думаю, что сумели, – вмешался Збышек. – В недоступных горах достаточно укромных мест.

– Кто знает? Есть еще столько совершенно необследованных районов, – согласился Томек.

– А что бы мы сделали, если бы нам удалось найти сокровища инков? – пошутила Наташа. – Я, например, сразу же поступила бы в Париже на медицинский факультет, а то я не смогла закончить курсы в Москве.

– А я организовала бы археологическую экспедицию в

Египет или на Ближний Восток, – сказала Салли. – А ты, Томми? Можешь не говорить, я без того знаю! Ты организовал бы огромный зоологический сад в Варшаве, а может быть и этнографический музей?

– Прекрасная идея, я ее не забуду, – весело согласился Томек. – А ты, Тадек?

– Я? Я вам уже говорил, что не создан быть богатым. Разделил бы свою часть между вами и все.

– А я знаете что бы сделал? – воскликнул Збышек. – Я купил бы на Укаяли кусок земли и основал бы колонию для политических эмигрантов из Польши. Я бы назвал ее «Новая Варшава»¹²⁶. Что вы скажете на это?

¹²⁶ Идея Збышека оказалась вполне осуществимой. Польские помещики вознамерились в 1928—1933 годах создать польскую колонию на берегу Укаяли. Некто Казимеж Вархаловский, житель Параны, в 1927 году получил от Перуанского правительства концессию и разрешение на основание польской колонии в районе реки Агуайтии. Вархаловский организовал кооперативное поселение под названием «Польская колония», причем первое поселение должно было возникнуть в Пукальпе. Одновременно Польско-американский колонизаторский синдикат, организованный во Львове тоже получил в 1928 году концессию в Кепе на реке Урубамбе. Польское правительство направило в Перу исследовательскую экспедицию. Положительные, в общем, выводы экспедиции вызвали возражения со стороны одного из ее участников, знатока предмета – Мечислава Лепецкого. Польское правительство отказалось финансировать колонию. Тогда инициативу взяли на себя помещики из Малопольши (быв. краковское и львовское воеводства). По согласованию с Эмиграционным управлением из Польши выехали 7 или 8 транспортов с эмигрантами общей численностью свыше ста человек. Отсутствие организационной и финансовой помощи, плохой подбор кандидатов (в первом транспорте из девяти человек был только один крестьянин) и огромное расстояние, отделявшее колонию от ближайшего города Икитос (1700 кило-

– Внеси меня в списки поселенцев, – смеясь сказал Новицкий. – Я организую там судоходную компанию, которая соединит твою колонию с Икитос.

– А мы будем постоянно приезжать к вам в гости, – добавила Салли. – Отца мы выберем начальником колонии.

– Теперь дело за маленьким – надо только найти сокровища инков, – закончил Томек шуточные проекты.

На десятый день путешествия на реке стали встречаться сплавщики леса, которые гнали плоты из красного и кедрового дерева в Икитос. Как правило, сплавщиками были индейцы племени чамов. Некоторые из них, рядом с шалашами из пальмовых листьев, построенными на плотках, развели костры, пекли на них бананы и варили рыбу. В основание костров они клали толстый слой глины, а костер складывали из трех поленьев, которые горели только в местах соприкосновения друг с другом. Приготовив пищу, сплавщики раздвигали поленья, которые после этого долгое время тлели, сохраняя огонь до следующего раза.

Участники экспедиции с огромным интересом смотрели на сплавщиков леса. Ведь через два или самое большое через

метров), стали причиной неудачи всего мероприятия. Польские колонии в Перу просуществовали всего лишь 4 года, после чего поселенцы взбунтовались, силой завладели судном и с оружием в руках выгрузились в Икитос. По требованию Перуанского правительства Польское правительство решило эвакуировать неудачных поселенцев. Часть из них, не желая возвращаться в Польшу, выехала в Бразилию, где поселилась в поселке Агия-Бланка (Белый Орел) в штате Эспириту-Санту, а часть отправилась в Парану.

три дня им предстояло высадиться в Уаире, где они должны были непосредственно встретиться с жителями этих мест.

Ландшафт берегов Укаяли изменился. По мере продвижения вверх по реке, ее берега становились выше, вода все реже заливала сушу. К берегам вплотную подступили высокие горные цепи. Живительная прохлада, идущая с горных склонов несколько умеряла дневную жару, но зато ночи становились холоднее.

Пароход миновал место впадения реки Пачитеи в Укаяли, прошел рядом с небольшим городком Масисеей, откуда караванные пути через Кордильеру вели в Лиму. Масисея была также условной границей между нижней и верхней Укаяли. Здесь, вдоль левого берега реки простиралась Гран-Пахональ, где обитали индейцы племени кампа, а на противоположном берегу были владения пиров. Далеко выдвинувшаяся в реку огромная скала, казалось преграждала дорогу в царство индейцев. Вспененные буруны реки и коварные водовороты грозили катастрофой смелым путникам.

Прошло уже тринадцать дней с тех пор, как пароход отчалил от пристани в Икитос. Теперь он подходил к месту слияния реки Урубамбы и Апуримака¹²⁷, которые дают начало Укаяли. Как раз вблизи места слияния этих двух рек стояла резиденция Варгаса, Ла Уаира¹²⁸.

¹²⁷ Река Апуримак вытекает из озера Виллафро в Андах; в нижнем течении носит на коротких участках названия: Перене и Тамбо.

¹²⁸ Земли, на которых была расположена гащиенда Варгаса, были в 1927—1928

В полдень пароход пристал к берегу. Участники экспедиции стали помогать при разгрузке багажа, с любопытством поглядывая на поселок и гациенду Варгаса. Поселок выглядел неважно. Среди банановой рощи стоял ряд хижин, лишенных боковых стен, с крышами, покрытыми пальмовыми листьями. Капитан парохода показал нашим спутникам дом Варгаса, который отличался от других разве что большими размерами.

– Они не очень обрадовались нашему приезду, – сказал Новицкий Томеку, наблюдая толпу нагих детишек, с некоторого расстояния следивших за выгрузкой пассажиров парохода.

– Старшие спрятались от нас, они еще не знают кто приехал, – ответил Томек. – Соблюдают осторожность.

– Ничего удивительного, раз Варгасу грозит арест... – буркнул капитан Новицкий.

– Кто его здесь арестует? По-моему, со стороны перуанских властей Варгасу ничто не угрожает. Скорее какой-нибудь обиженный сообщник пырнет его ножом.

– Капитан парохода пошел в деревню, чтобы разведать обстановку. Индейцы его знают, может быть станут смелее.

– Ты прав, он уже возвращается с индейцами. Мы сможем поговорить с ними.

Вскоре к ним подошел капитан парохода, окруженный

годах переданы Перуанским правительством польским поселенцам для организации колонии.

толпой мужчин и женщин. Мужчины с чертами лиц монгольского типа, хорошо сложенные, носили короткие штаны, а некоторые – только набедренные повязки. Женщины были только в коротких юбках не доходивших до колен. Изможденный вид женщин свидетельствовал о том, что на них были возложены все тяжелые работы.

– Варгаса в деревне нет, и неизвестно когда он вернется! – воскликнул капитан. – Я сказал пирам, что вы не имеете ничего общего с полицией, и они пришли поговорить с вами.

Прежде чем начать беседу с туземцами, Томек раздал женщинам по стеклянному ожерелью, а детишек угостил конфетами. Новицкий предложил мужчинам табак. Благодаря этому, холодок первого знакомства быстро развеялся. Как этого требовали правила хорошего воспитания, индианки выразили свою благодарность пискливыми восклицаниями.

Капитан парохода должен был отправиться в путь сразу же после высадки пассажиров в Уаире. Он спешил в лагерь сборщиков каучука, находящиеся в верховьях Урубамбы.

Капитан любезно распрощался со своими недавними пассажирами.

– Не доверяйте здесь никому, – предупредил он Томека и Новицкого. – Это дикая страна, и индейцы ненавидят белых. Искатели каучука им здорово залили сала за шкуру. Возможно, что в верхнем течении реки в деревушках пиров я встречу Варгаса. Что ему передать от вас?

– У нас к нему письмо от его хорошего знакомого из Ма-науса, сеньора Педро Альвареса. Скажите ему это. Может быть тогда он не будет нам мешать, – ответил Томек.

– Хорошо, я ему скажу. Пирам я сказал, что вскоре здесь появится большая экспедиция. Они будут опасаться в чем либо вредить вам.

– Спасибо, мы тоже как раз собирались сказать это, – поблагодарил Новицкий. – Ах, проглоти их акула, здесь больше баб, чем мужчин!

– У пиров многоженство в обычае. Чем больше ясен у кого-нибудь из них, тем большим уважением он пользуется среди своих, – ответил капитан. – Примерно через месяц я буду возвращаться в Икитос. Буду здесь спрашивать о вас. Оставьте мне письмецо.

– Мы оставим вам письмо, в котором сообщим, что намерены делать дальше, – ответил Томек.

Вскоре пароход отчалил от пристани Уаиры. Збышек Карский взял на себя функции заведующего хозяйством экспедиции, в чем он уже имел опыт, приобретенный во время путешествия по Новой Гвинее. Теперь под его руководством сюбео ставили палатки. Салли и Наташа занялись приготовлением обеда, а Томек и Новицкий пошли в деревушку пиров. Они намеревались найти семьи индейцев, пропавших в Гран-Пахонали вместе с Кабралом, Хозе и Смугой.

Томек не жалел табака и мелких подарков, поэтому у пиров языки развязались очень скоро. Большинство жителей

Ла Уайры прекрасно помнили Смугу. Они считали, что он поступил опрометчиво, так как по их мнению на территориях, где обитают свободные кампы находиться белому очень опасно.

Старейшина индейцев, Курака, замещавший Варгаса во время его отсутствия, нагнулся к белым и сказал:

– Плохо сделал, сам пропал и погубил остальных. Оттуда никто не вернется. Там живут дикие индейцы.

– Я слышал, что пиры живут с кампа в мире, – вмешался Томек.

– Дикие индейцы считают всех, кто дружит с белыми предателями, – сказал Курака. – Этот белый не был умным человеком, у него не было даже жены.

– Интересно, сколько жен у тебя? – спросил Новицкий.

Курака сразу же погрузнел.

– Три, – ответил он. – У нас плохо. Есть и такие, у которых всего одна или две жены. Вы тоже, видать, не очень богаты. С вами всего лишь две женщины. Чьи они?

– Одна из них – моя жена, а вторая – жена брата, – ответил Томек.

– А у тебя сколько жен? – обратился Курака к Новиickкому.

– Столько, сколько у тебя пальцев на руках и на одной ноге, – сохраняя серьезность в голосе, – ответил Новицкий, незаметно подмигивая другу.

– В самом деле?! – изумился Курака. – Где же они?

– Я оставил их дома, пусть работают. Они приготовят гору

еды. Когда я вернусь, буду лежать на гамаке целый день и есть.

В глазах Кураки появилось выражение восхищения и зависти.

– Столько жен, это много стоит... – шепнул он.

– Мы тебе дадим много подарков для жен, а может быть ты купишь себе еще одну, – предложил Новицкий.

– А что вам надо за это? – полюбопытствовался Курака.

– Ничего, или почти ничего... Ты покажешь нам только тех, которых отцы или сыновья пошли в Гран-Пахонали с теми белыми и исчезли, – пояснил Томек.

– Неужели только это?

– Да, кроме того, скажешь им, чтобы говорили правду.

– Хорошо, я сделаю это.

До наступления вечера друзья провели много бесед. Каждая из них неизменно кончалась вручением более или менее ценного подарка, в зависимости от важности полученных сведений. Из показаний пиров вытекало, что крупную роль во всем деле исчезновения Смуги играл проводник из племени кампа, который сам предложил Смуге свои услуги. Это он, оказывается, посоветовал Кабралу и Хозе скрыться от Смуги в Гран-Пахонали, и показал им дорогу к развалинам древнего города в горах. Видимо, потом он повел туда же и Смугу.

Многие из пиров бывали в Гран-Пахонали, куда ходили вместе с Варгасом на охоту за рабами. Томек и Новицкий

расспрашивали их о древнем городе. Почти все индейцы слышали о существовании в горах каких-то развалин. В качестве ориентиров индейцы указывали на «маркас», то есть камни с начертанными на них знаками. Во время поездки по Гран-Пахонали один из индейцев видел их собственными глазами. Он нарисовал на песке дорогу к ним. Томек перенес маршрут в записную книжку и спросил:

– Если вы знаете дорогу, то почему до сих пор никто из вас не нашел этот древний город?

– Никто не дойдет туда, – шепнул индеец, оглядываясь тревожно, не подслушивает ли кто-нибудь.

– Почему?! – удивился Томек.

– К западу от знаков находится Ужасный лес. Это лес смерти. «Кто туда попадет, непременно умрет. Я тебе сказал об этом, но прошу не ходи туда, иначе вы все погибнете.

– Кто же запрещает ходить в тот лес?

– Дикие индейцы из племени кампа... – совсем тихо ответил индеец. – Когда-то двое белых хотели увидеть древний город. Один из них даже взял с собой много вооруженных людей. Ни один не вернулся.

XVIII

УМИРАЮЩИЙ КАМПА

Вот уже три дня, как наши путешественники, оставив Уаиру шли через леса перуанской Монтании¹²⁹, придерживаясь северо-западного направления. В Ла Уаире Томек нанял было нескольких носильщиков из числа индейцев пира, но те, пройдя с экспедицией всего лишь два дня, категорически отказались идти дальше. Никакие убеждения, ни обещания хорошего вознаграждения не помогли. Пире попрощались и ушли обратно в свою деревушку.

Участники экспедиции предвидели, что в дороге могут оказаться без носильщиков. Поэтому еще в Манаусе они до минимума ограничили багаж. Когда пире ушли, Томек разделил багаж между индейцами сюбео, и экспедиция снова двинулась вперед, хотя теперь уже несколько медленнее.

Девственный лес Монтании поражал красотой пейзажа и пышностью растительности. Путников в особенности удиви-

¹²⁹ В физико-географическом отношении территория Перу делится на три района, типичные для стран на Тихоокеанском побережье Южной Америки, а именно: берег, горная полоса, и восточная равнина. Полоса вдоль побережья Тихого океана шириной от 50 до 150 километров называется Коста; параллельная, горная полоса, состоящая из Перуанской Кордильеры называется Серра; на юге в пределах Перу находится часть центрально-горного плато, носящего название Пуна, а на склонах Восточной Кордильеры и у ее подножия простирается холмистая предгорная равнина – Монтания.

ло огромное разнообразие видов деревьев. Рядом с лесными великанами росли низкие и даже маленькие, хилые деревья. Жадно поглощая лучи живительного солнца, большие деревья не давали другим растениям развиваться вокруг себя. Густой стеной лиан, росших от вершины до самой земли, они ревниво ограждали себя от проникновения других. Одни из величественных деревьев росли в одиночестве, другие – группами или парами. Рядом с палисандровыми и красными деревьями росли кедры, каучуконосы и другие виды, отличающиеся иногда твердой, как сталь, древесиной. Между крупными деревьями простиралась чаща подлеска, состоявшего из густого покрова низких деревьев, кустарников, часто колючих, и великолепных пальм, поражающих разнообразием форм. Кокаиновые кусты¹³⁰, с ароматным, возбуждающим запахом листьев, росли рядом с плотоядными, хищными растениями, или такими, сок которых способен ослепить, отравить или, наоборот, вылечить человека. Сваленные бурей на землю огромные стволы деревьев, часто преграждали путникам путь, другие стволы, увитые лианами висели в воздухе. Деревья, их кроны и стволы опутаны здесь тыся-

¹³⁰ В тропической зоне Южной Америки и на Антильских островах встречается около 90 видов низких кокаиновых деревьев и кустов. В Перу распространен *Erythroxylon coca* – кустарник, листья которого содержат кокаин. Туземцы издавна употребляют листья этого кустарника с добавкой извести в качестве возбуждающего и тонизирующего средства. Прием внутрь сока из листьев коки действует возбуждающе на психику человека, снимает усталость, подавляет чувство жажды и голода. Однако частое потребление листьев коки приводит человеческий организм к физическому и психическому истощению.

чами различных вьющихся растений, похожих на огромных змей. Они соединяли вершины деревьев в единое целое, создавая сверху сплошной покров, только кое-где, в разрывах, пропускающий солнечные лучи вниз.

Во главе каравана шли Томек, Габоку и Динго. В нескольких шагах позади, находились Наташа, Салли, Мара – жена Габоку, и Збышек. За ними гуськом шли сюбео с поклажей на спинах, а шествие замыкал капитан Новицкий. Во время путешествия по лесу все по индейскому обычаю сохраняли полное молчание.

Динго бежал впереди. Он ежеминутно настораживал уши, но поднимал морду вверх или опускал ее почти до самой земли, все время что-то вынюхивая и к чему-то прислушиваясь.

Томек не спускал взгляда с верного Динго. Он знал, что великолепно выдрессированный пес предупредит его заранее об опасности. Габоку тоже время от времени бросал взгляд на четвероногого проводника, но и сам внимательно следил за всем, что происходит вокруг. Он непрерывно вглядывался в густую чащу леса, вслушивался в звуки, доносившиеся из глубины джунглей и время от времени носом глубоко втягивал воздух, пытаясь уловить запах, несущий опасность. Остальные сюбео во всем следовали ему, ведь все они тоже были частичкой этих диких тропических лесов и были знакомы со всеми их особенностями. Белые участники экспедиции, видя это, проникались к сюбео глубоким доверием.

Уход пиров совсем не обескуражил индейцев сюбео. За-

ставил только удвоить бдительность. В Икитос все сюбео получили современные винтовки, с которыми они не расставались. Кроме огнестрельного оружия, сюбео взяли с собой луки и колчаны со стрелами, а также щиты из дубленой шкуры оленя, тапира или ягуара. Во время боя они вбивали один конец щита в землю и, прячась за ним, стреляли в неприятелей. После ухода носильщиков сюбео пришлось нести не только оружие, но и багаж экспедиции, то есть: палатку для женщин, несколько одеял, гамаки, москитьеры, запасы продовольствия, а именно: фасоль, рис, муку, сахар, жиры, чай и консервы. Мара, жена Габоку, несла часть снаряжения наравне с мужчинами. Томек не мог возражать против этого, так как у индейцев тяжелая работа женщин была в обычае, которого он не мог нарушать. Кроме того, все белые несли в рюкзаках свои лучшие вещи и неприкосновенный запас продовольствия.

К вечеру третьего дня путешествия экспедиция вышла из леса в обширную долину, прорезанную руслом небольшого ручья. Воды в ручье было мало. На песчаных островах отдыхали крокодилы, тучи птиц взлетали в воздух, испуганные появлением людей. Томек стал искать место, удобное под разбивку стоянки на ночь. Все были голодны и до крайности измучены.

Караван остановился на небольшой поляне, на берегу ручья. Мужчины с помощью мачете расчистили место, разбили палатку, внутри которой подвесили гамаки для женщин.

Для себя такие же гамаки они развесили между деревьями, росшими вокруг полянки.

Габоку с двумя помощниками сюбео насобирали веток тефрозии¹³¹, вырванной из земли вместе с корнями. Из корней этого растения индейцы добывали яд для ловли рыбы. Почти в каждой хижине, в любой индейской деревушке, можно было найти сосуд с этим ядом. Во время похода индейцы не делали настойки из тефрозии, а просто разбивали их ветки и корни камнями и собирали сок.

Собрав достаточное количество яда, двое туземцев отправились вверх по течению ручья, и бросили в воду размозженные камнями корни и стебли растения. Вскоре мимо стоянки путешественников стали плыть рыбы, ошеломленные сильнодействующим ядом. Чтобы предохранить себя от возможного нападения жадных пираний, туземцы громко хлопали ладонями по воде, после чего храбро входили в русло ручья и руками выбрасывали рыбу на берег.

Индианка Мара и Салли занялись чисткой улова. Проголодавшийся капитан Новицкий охотно помогал им, несмотря на то, что днем во время похода сильно пострадал от укусов ос. Наташа уселась у костра на сваленном стволе дерева. Збышек помогал ей выдавливать клещей, впившихся в кожу ног. Сюбео, как только закончили неотложную работу по устройству лагеря тоже занялись борьбой с клещами и в

¹³¹ **Тэфрозия** (*Tephrosia toxicaria*) – кустарник, растение, ядовитые соки из корней которого или настойку на них туземцы употребляют для ловли рыб.

особенности с земляными блохами, от которых страдали босые индейцы.

Томек устал не меньше других, но решил до наступления ночи осмотреть ближайшее окружение лагеря. Взял с собой штуцер и свистом позвал Динго.

– Я скоро вернусь, – сказал он Новицкому. – Необходимо убедиться, что нам ничто здесь не угрожает.

– Разнюхай немного, это не повредит, – согласился моряк. – Скорее бы настала ночь. Покоя не дают надоедливые москиты.

– Вечером на нас нападут комары.

– Это верно, но я предпочитаю комаров. А то эта мошкара кусается целый день. Возвращайся скорее, сейчас будет готов ужин.

– Будь осторожен, Томми! – шепнула Салли, посылая мужу улыбку.

Томек пошел берегом вверх по течению ручья, потом полукругом стал обходить лагерь. Когда он стал подходить к берегу ручья несколько ниже места, где была разбита стоянка, Динго, который все время сохранял полное спокойствие, вдруг ошетирил шерсть на загривке и гневно оскалил зубы. Томек жестом приказал ему успокоиться, а сам стал внимательно всматриваться в лесную чащу впереди. Ничего подозрительного не заметил. В лесу царила полная тишина, только слышался шум быстрого течения ручья. Томек не вдруг понял о какой опасности предупреждает его четвероногий

друг.

Они как раз стояли на тропе, протоптанной животными, идущими на водопой. На ней было множество следов капибар. На самом берегу росло высокое раскидистое дерево. С одной из толстых ветвей, горизонтально нависшей над водой ручья, неподвижно свисал огромный анаконда¹³². Если бы не Динго, Томек не заметил бы буро-желтое тело удава, покрытое черными, круглыми пятнами, весьма похожее на одну из свисавших с дерева лиан. Огромная змея обвила хвостом ствол дерева, остальным туловищем нависая над местом водопоя.

Томек сообразил, что собака избавила его от грозной опасности. Ведь он собирался дойти до берега ручья по проделанной капибарами тропинке, над которой как раз и висел анаконда. Удав становился особенно опасным, если ему представился случай опираться о ствол дерева. Тогда его сила удесят�ерялась, так как он сдавливал жертву с силой рычага, используя в качестве опоры древесный ствол. Анаконды очень охотно душили в своих объяттях капибар, агути и других мелких млекопитающих, хотя не брезговали и птицами. Томек предпочитал не думать о том, что могло бы произойти, если бы он, не подозревая о грозящей опасности, остановился бы под свисающим анакондой. Томек осторожно от-

¹³² **Анаконда** (*Eunectes murinus*) – змея семейства удавов, достигает длины 6—9 и даже 11 метров. Обитает на территории Бразилии, Гвианы; ведет в основном водный образ жизни; способен длительное время находиться под водой. Любит греться на солнце, лежа на сваленных стволах деревьев или на песке.

ступил в лес и вернулся в лагерь.

– Ну, как, все в порядке? – спросил у него Збышек.

– Я не заметил ничего подозрительного, – ответил Томек. – В лесу множество звериных следов, можно бы поохотиться на заре. Почувяв запах жаренной рыбы я понял, что очень проголодался.

– Как раз капитан жарит рыбу на раскаленных камнях, – вмешалась Салли. – А мы приготовили фасолевый суп.

Сюбео насобирали в лесу валежника на ночь. Теперь они купались в водах ручья. Как видно, они не опасались пираний, ядовитых хвостоклов, скатов и маленьких рыб канеро, которые впивались в тела животных и людей.

После ужина Томек достал карту Перу и долго размышлял над ней. За это время Новицкий распределил ночные дежурства и присел рядом с Томеком. Остальные участники экспедиции легли спать.

На небе появились яркие звезды. Некоторое время Новицкий смотрел на созвездие Южного Креста, потом подложил в костер дров; со склонов гор с ветром шла волна холода. Закурил трубку.

– Ну как, ты определил маршрут на завтра? – спросил Новицкий.

– Я не совсем уверен, но, пожалуй, скоро нам придется отклониться к северу, – ответил Томек – Где-то поблизости должна находиться индейская тропа, ведущая в Гран-Пахональ.

– Думается, ты прав, пиры говорили, что до тропы можно дойти за три дня.

– Я не уверен можно ли доверять их словам.

– Мы, пожалуй, уже подошли к Гран-Пахонали, раз пиры не хотели идти с нами дальше. Любопытно посмотреть на этот лес смерти, которого они так боятся. А может быть они только хотели нас напугать?

– По словам полковника Рондона в тех местах обитают немирные индейские племена, которые с оружием в руках преграждают путь на свои земли.

– В чаще мы не сумеем защитить себя от отравленных стрел из засады.

– Я как раз об этом думал, – ответил Томек. – Лес смерти отделяет Гран-Пахональ от долины, которая ведет в глубину гор, где будто бы находятся развалины древнего города.

– Они в степи нас высмотрят, а потом в джунглях перестреляют как миленьких.

– Посмотри, Тадек, восходит луна. В неверном ее свете все предметы приобретают странные очертания.

– Ах, проглоти тебя акула! Романтическое настроение мне ни к чему...

– Не в том дело.

– А в чем? Стой, ты сказал, что все предметы в лунном свете приобретают странные очертания... Неужели ты намерен пробраться через степь ночью? Как пить дать, идея хорошая! Думаю, что у индейцев в степи есть дозоры. Если они

нас не заметят, то в лесу о нас не будут знать.

– Я как раз об этом и думал, – согласился Томек. – Мы можем идти ночью, а днем скрываться в чаще.

– В светлую ночь горы хорошо видны на фоне неба, и не дадут нам заблудиться. Ах, если бы только знать, как выглядит эта их Гора Сына Солнца!

– По-видимому, это один из действующих вулканов, ведь по словам пиров, духи инков, кроющиеся в горе иногда проявляют свой гнев, зияя огнем.

– Ой, сдается мне, мы не найдем развалин того города...

– А я и не намерен искать город; мы просто идем по следам Смуги. Только так можно что-либо узнать о его судьбе.

– Ты прав. Если завтра мы найдем тропу, то это подтвердит правдивость слов пиров.

* * *

Экспедиция тронулась в поход сразу же после рассвета. Путники шли вверх по берегу ручья. На отдых Томек решил задержаться только к вечеру. Но караван с самого утра стал встречать на своем пути различные препятствия. Сначала Мара чуть не наступила на курукуку, одного из самых ядовитых пресмыкающихся этих мест. К счастью, индианка несла в руках щит, принадлежавший мужу, колчан со стрелами и лук. Когда курукуку бросился на нее, норовя укусить в бедро, Мара машинально заслонила щитом. Благодаря

этому змея не укусила ее, а прежде чем она успела возобновить нападение, сбео зарубили ее мачете.

Не прошло и часа со времени нападения змеи, как Томек поскользнулся и упал на колючий куст и получил ряд весьма болезненных царапин. Потом на членов экспедиции напали разозленные осы, а в конце Динго стал проявлять явное беспокойство. Он стал вынюхивать следы на земле, сосредоточенно втягивать воздух, поворачивать морду против ветра, потом стал отбегать в лес, возвращаться оттуда, пока Томек не задержал всех, тихо говоря:

– Динго хочет нам что-то сказать...

– Может быть он предупреждает об опасности? – спросил Збышек.

– Пожалуй, нет. Если бы нам что-нибудь угрожало, он взерошил бы шерсть и оскалил бы зубы. Ну, в чем дело, Динго?

Пес потерся боком о ноги Томека и стал поглядывать то на него, то в чащу леса.

– Гляди, браток! Он что-то нашел в лесу, – сказал Новицкий.

– Надо проверить, в чем тут дело, – ответил Томек.

– Пойдем вместе. Габоку командуй здесь, вместо нас!

– Остановитесь здесь и немного отдохните, – добавил Томек. – Два выстрела подряд из винтовки будут значить, что нам требуется помощь. Ищи, Динго, ищи!

Пес бросился в лес, вынюхивая следы на земле. Через

некоторое время стал кружить на месте, будто потерял след, но вскоре уверенно пошел дальше. Вдруг остановился, поднял морду вверх и стал принюхиваться.

– Что он нашел? – шепотом спросил Новицкий.

Томек красноречиво приложил палец к губам.

Динго оглянулся на них, потом, как тень исчез в кустах.

Томек осторожно раздвинул ветки и углубился в чащу.

Новицкий достал из кармана револьвер. Держа его на взводе, направился за Томеком. Пройдя несколько шагов, они остановились. Кончились заросли низкого кустарника. На полянке перед ними росло огромное дерево с зонтичной кроной из перистых, темно-зеленых листьев¹³³. Плоды на дереве и вся его кора были покрыты длинными колючками. От цветов шел сильный аромат. Под сенью дерева стоял примитивный шалаш. Его каркас был сделан из нескольких низкорослых пальм, притянутых верхушками друг к другу и связанных лианами.

Динго стоял у входа в шалаш. Он ежеминутно оглядывался на чащу кустов, словно приглашая, прячущихся мужчин, войти.

– Ах, проглоти тебя акула! – буркнул Новицкий. – Там, пожалуй, лежит кто-то?

¹³³ Такие деревья принадлежат к семейству бобовых. Речь идет о *Caesalpinia echinata*, или о фернамбуковом дереве. Раньше ценная красно-золотистая древесина этого дерева называлась бразиль, откуда и пошло название Бразилия. Потом этот вид стали называть фернамбуком. Местность, где добывали это дерево и порт, через который вывозили древесину был назван Пернамбуко.

– Идем, Динго держится спокойно.

Через минуту друзья очутились у входа в шалаш. Томек осторожно раздвинул листья, закрывавшие вход. В шалаше, на подстилке из пожелтевших пальмовых листьев лежал полюбленный индеец. Все тело его было покрыто гнойными струпьями и ранами. Голова опиралась на толстую, высохшую ветку. Из-под полузакрытых век, лихорадочно блестя глаза.

– Этот человек умирает... – шепнул Томек.

– Да, остались от него, как говорится, рожки да ножки. Насекомые поедают его, хотя душа еще держится, – тихо сказал Новицкий.

– Посмотри, сколько здесь веточек кустарника кока!

– Черт возьми! У него старое индейское ружье и современная винтовка! А несмотря на это, он умирает с голоду.

Томек проскользнул в шалаш. Чтобы лучше присмотреться к умирающему, убрал прикрывавшие его листья.

– Вот что, Тадек, позови-ка наших, этого человека нельзя так оставить.

– Ясно, что ему надо помочь. Возьми мою манерку с ромом и влей в рот несколько капель.

Новицкий исчез в чаще.

Томек нагнулся над умирающим. Осторожно раздвинул ему губы и влил несколько капель рома. Это подействовало моментально. Костлявыми пальцами индеец схватил руку Томека, притянул к себе манерку и сделал порядочный

глоток. Чуть не захлебнулся. Томек с силой вырвал у него манерку из рук. Ведь большая доза алкоголя могла ускорить конец. Этот человек умирал не столько от ран, покрывавших его тело, сколько от голода и жажды. Видно было, что он очень давно ничего не ел и не пил.

Индеец тяжело дышал. Видимо, он пришел в себя, потому что взгляд его стал осмысленнее.

– Дай кока... – шепнул он.

– У меня нет, – ответил Томек, удивленный требованием умирающего.

– Растет... близко...

Томек поднялся и вышел из шалаша. Он сообразил, что кусты кока должны находиться где-то очень близко, раз около умирающего было столько веток, лишенных листьев. Томек сразу же понял, что сок из листьев коки поддерживал силы умирающего. Впрочем, он знал, что уже поздно спасти этого истощенного человека.

Индеец с трудом жевал листья коки, принесенные ему Томеком. Во всяком случае, еще до прихода остальных членов экспедиции в глазах индейца появилось оживление. Казалось силы возвращаются к нему.

Через каких-нибудь полчаса хрипло залаял Динго, и ткнул мордой в колено Томека. Подходили остальные участники экспедиции. Вскоре они очутились рядом с шалашом. Наташа, исполнявшая в экспедиции функций~врача, нагнулась над умирающим.

– Ему, видимо, нельзя ничем помочь, – сказал Томек. – Искорка жизни тлеет в нем главным образом благодаря листьям коки. Он умирает.

– В каком ужасном состоянии он находится... – сказала Салли, потрясенная видом индейца.

– Как видно, он уже давно лежит здесь без движения, – сказал капитан Новицкий. – У него не было сил даже защитить себя от укусов насекомых.

– Интересно, кто он и откуда? Со мной он говорил по-португальски, – заметил Томек.

Новицкий нагнулся над индейцем. Влил ему в рот несколько капель воды. Вдруг раздался пронзительный крик Наташи. Молодая женщина разразилась рыданиями. Только теперь Томек заметил, что Наташа судорожно сжимала в руках пояс, прикрепленный к кожаной сумке индейца.

– Наташа, что случилось? Что с тобой? – озаренный внезапной догадкой, воскликнул Томек.

Наташа с трудом пыталась овладеть собой. Через минуту прерывающимся голосом она шепнула:

– Это дорожная сумка Смуги. Я сама ее купила перед отъездом из Манауса...

– Ты в этом уверена? – крикнул Новицкий.

– Наташа, возьми себя в руки, неужели это возможно?! – воскликнула Салли.

– Здесь его... монограмма... серебряная... Это подарок... от меня...

Новицкий выхватил у нее кожаную сумку. Нашел в ней несколько патронов, компас и немного мелких монет.

– Откуда это у тебя, говори! – хрипло спросил он, подсовывая индейцу под нос сумку Смуги.

Индеец молчал. Как видно, он снова стал терять силы, потому что только водил тусклыми глазами по лицам, окружавших его людей.

Как вдруг к Новицкому подошел Габоку. Он взял из его рук сумку, тщательно осмотрел ее, потом поднял с земли винтовку и кремневое ружье индейца. Присел у ложа умирающего. Левой рукой схватил его за плечо, а правой достал из-за пояса нож. Приставил острие к горлу индейца.

– Что ты сделал с тем белым, паршивый пес? – с угрозой в голосе спросил он.

– Габоку, спрячь нож! Этот человек умирает! – приказал Томек.

Габоку посмотрел на него. В его глазах не было и тени жалости.

– Сумка, винтовка сеньора Смуги, – сказал он. – Этот проклятый кампа был у Смуги проводником.

– Ты не ошибаешься? – недоверчиво спросил Новицкий.

– Я узнал этого паршивого пса!

– Ты... Габоку, – шепнул умирающий.

Томек приблизился к индейцу. Жестом попросил всех соблюдать тишину. Нагнулся над постелью больного.

– Так это ты вывел нашего друга в Гран-Пахональ? – спро-

сил он. – У тебя его сумка и винтовка. Он погиб? Говори правду!

Индеец взглянул на Томека так, будто совершенно пришел в себя.

– Слушай внимательно! Смуга наш друг. Мы ищем его. Ты умираешь и мы ничем не можем тебе помочь. Скажи правду, это даст тебе облегчение. Тот белый погиб?

– Вы все его друзья? – тихо спросил индеец.

– Да, все.

– Ты, паршивый пес, погубил настоящего друга всех индейцев, – не выдержал Габоку. – Ты знал, что белый выкупил из рабства у Варгаса людей моего племени. Он выкупил и тебя, и твою жену. Ты не индеец, если твое сердце забыло о благодарности.

Умирающий приподнялся, опираясь на локоть. Неожиданно сильным голосом ответил:

– Не говори так! Я свободный индеец! Я не выслуживаюсь белым!

– Тот белый, которого ты погубил, был также другом храбрых индейцев из племени кампа. Ты прекрасно знаешь, что он преследовал злых белых.

– Он жив...

– Скажи, где он? Эти белые его и наши друзья. Ты знаешь, что пришел твой конец, отплати этим белым добром за добро!

Индеец тяжело упал на подстилку. Он с трудом дышал.

Долго собирался с силами, потом начал говорить:

– Белый достиг цели. Догнал одного из двух убийц. Тот уже умирал, раненый стрелой. Знал меня... Это я посоветовал белым убийцам спрятаться в развалинах города, а потом привел туда и вашего друга. Когда умирающий обвинил меня в предательстве, метис, который шел с вашим другом выстрелил в меня из револьвера. Я лежал без сил. Потом пришли наши. Они, видимо, уже поймали белого. Думали, что я мертв... Они убили мою жену, чтобы никто не мог сообщить об их делах. Когда они ушли, я спрятался в лесу. Нашел винтовку и сумку, в ней было немного продуктов. Я спасся, но знал, что наши выслеживают меня. Они меня убили бы, хотя я один из них. Я знал тайну. В лесу я прятался много, много лун. Боялся, что за мной следят. Однажды падающее дерево раздавило мне ногу. Я добрался сюда, построил шалаш и стал ждать смерти.

– Скажи, белый находится в древнем городе?

Умирающий в ответ кивнул утвердительно головой.

– Ты знаешь дорогу туда? – спрашивал Габоку.

– Это тайна племени кампов, тайна индейцев, – ответил умирающий.

– Я такой же индеец, как и ты! Скажи как пройти в тот город? Мы должны спасти нашего друга. Скажи только одному мне. Я готов присягнуть на души наших предков, что никогда и никому не покажу дорогу, которую ты мне укажешь.

– Если узнаешь дорогу – погибнешь! Погибнешь так же,

как погибаю я. Они догадались, что я уцелел. Много, много лун ищут меня. Ходят здесь близко. Поэтому у меня есть ружье и патроны, я не мог охотиться – боялся выстрелом привлечь врагов. Из-за этого умираю. Ты тоже хочешь погибнуть?

– Я готов умереть, чтобы спасти друга!

– Хорошо, духи наших предков, которые уже пришли за мной, говорят, что ты тоже индеец. Ты сохранишь тайну. Пусть все выйдут отсюда и оставят нас одних.

Габоку взглянул на друзей. На его лице, словно выточенном из цельного куска камня, нельзя было прочесть обуревавших его чувств.

– Пусть все уйдут на берег ручья. Ждите меня там.

– Берегитесь, кампы близко!

Томек протянул умирающему руку.

– Прощай, воин! Мы все стали твоими друзьями. Нам очень жаль, что ничем не можем тебе помочь. Я обещаю тебе, что никогда и никому мы не выдадим тайны свободных кампов.

Умирающий с трудом подал Томеку руку. Потом с ним попрощался капитан Новицкий и все, кроме Габоку, вышли из шалаша.

Им пришлось довольно долго ждать на берегу ручья. Томек даже выслал в разведку троих сюбео, которые вернулись через час с сообщением, что нигде нет каких-либо подозрительных следов. В конце концов появился и Габоку.

– Идем! – кратко сказал он.

– Ну, что с этим несчастным? Можем ли мы оставить его так без всякой помощи? – возмущился Новицкий.

– Мы должны остаться с ним, пока он еще жив, – сказала Салли. – Необходимо помочь ему.

– Его дух уже в Стране Предков. Ему уже больше ничего не надо, – пояснил Габоку.

– Он умер? В твоём присутствии? А может быть?... – Новицкий замолчал и красноречиво посмотрел на рукоятку ножа, торчавшего из-за пояса индейца.

Габоку ничуть не смутился. На его лице не дрогнул ни один мускул.

– Умер, как и положено свободному индейскому воину. Разве тебе этого мало?

ХІХ

К РАЗВАЛИНАМ ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Габоку ничего не сказал о последней беседе с бывшим проводником Смуги. Он заявил только:

– Идем, теперь я поведу вас!

Габоку занял место впереди каравана. Новицкий приказал Збышеку идти в арьергарде, а сам, с Томеком и Динго пошел в нескольких шагах сзади Габоку. В таком порядке, в полном молчании, они прошли около полукилометра вверх по течению реки.

– Интересно, что Габоку узнал от индейца, – на польском языке обратился Новицкий к Томеку.

– Думаю, что этого он нам никогда не скажет, – ответил Томек. А нам неудобно его спрашивать.

– Верно, но речь идет о безопасности всей экспедиции. Ты хоть немного ориентируешься в том, где мы находимся?

– Конечно!

– И сумеешь найти дорогу обратно в Ла Уаиру?

– Ничуть не сомневаюсь в этом, – уверенно сказал Томек. – Правда, этот район на карте пока еще обозначен белым пятном, но я ежедневно наношу на нее пройденный маршрут. Вчера вечером я даже начертил свою собственную

карту, притом, надеюсь, довольно точною.

– Я знаю, браток, что ты такой же прекрасный географ, как и твой папаша. Помни, однако, что в этой твоей карте может быть будет единственное наше спасение.

– Ты не доверяешь Габоку? – удивился Томек.

– Не в этом дело! Живая, ходячая карта с винтовкой в руках, – слишком легко ее потерять. Я предпочитаю бумажную карту в твоём кармане.

– У нас нет выбора, Тадеуш.

– Знаю это, но надо все предусмотреть. Слушай, ты начальник экспедиции, на тебе лежит огромная ответственность.

– Что ты хочешь этим сказать? Говори без обиняков!

– Мы обещали кампе, что никому не выдадим тайну свободных индейцев, и сдержим данное слово. Но все же ты смотри в оба, замечай дорогу, наноси ее на карту, чтобы в случае чего мог вывести нас назад в цивилизованный мир. Потом можешь эту карту сжечь.

– Я об этом уже думал. Сделаю так, как ты советуешь. Если со мной что-нибудь случится, карта будет лежать в левом кармане блузы. Понимаешь?

– Понимаю, и сожгу ее в свое время.

Примерно через час Габоку повернул к лесу. Здесь довольно часто приходилось прорезать себе дорогу с помощью мачете. Скорость похода значительно уменьшилась. Вскоре экспедиция опять очутилась на берегу какого-то ручья и Га-

боку повел ее вверх по течению. В этот день путники еще несколько раз углублялись в лес, переходили все новые и новые ручьи, пока, наконец, перед самым закатом солнца остановились на ночлег на берегу одного из них. Сюбео развели костер на индейский манер. Они старательно подобрали дрова из пород не дающих дыма, столб которого мог привлечь внимание врагов. После ужина Новицкий распределил дежурства и, следуя установившемуся обычаю, уселся рядом с Томеком, тщательно изучавшим карту.

– Возможно ли, чтобы Габоку мог со слов кампы запомнить такой сложный путь, по котором мы шли сегодня? Каким образом, умирающий мог ее так точно описать? Большую часть дня мы шли по бездорожью, – тихо сказал Новицкий.

– Я нигде не заметил каких-либо знаков или ориентиров, – согласился Томек.

– Ты прав, я знаю одно – мы переправились через семь ручьев.

– Только через два, Тадеуш, – возразил Томек. Кроме ручья, на берегу которого скрывался кампа, мы шли еще по берегу второго ручья, впадающего в первый.

– Не говори глупостей, я очень тщательно считал все переправы!

– Не сомневаюсь в этом, но я уверен, что мы несколько раз переходили через один и тот же ручей. Габоку нарочно кружил, чтобы сбить нас с толку. Понимаешь?

– А ты, случайно, не ошибаешься?!

– Нет, я в этом уверен вполне. Подобный фокус пытался со мною сыграть и Красный Орел в Мексике, когда вел меня на встречу с Черной Молнией. Он тоже не хотел выдать убежище вождя свободных апачей.

– Да, да, теперь я вспомнил, ты мне рассказывал об этом.

– Сегодня я всю дорогу сверялся с компасом и обращал внимание на положения солнца и горных цепей. Поэтому я не дал себя обмануть. Отсюда я могу показать прямую дорогу в Уаиру.

– Ну, ну, у тебя недаром башка на плечах! Деньги, что выложил на науку твой папаша не пропали. Может быть ты скажешь далеко ли мы отошли от вчерашней стоянки?

– Недалеко, не больше двенадцати или пятнадцати километров. Посмотри на горы, разве мы приблизились к ним?

– Черт возьми, ты прав.

– Вдоль первого ручья мы шли прямо на запад, к горам, и прошли около пяти километров. Потом стали идти вдоль его левого притока, который течет с севера, значит, поднимаясь по нему вверх, мы шли на север. Вот поэтому мы так мало приблизились к горам.

– Ты меня поражаешь, браток. Ты нанес этот маршрут на карту?

– Да, сейчас тебе покажу. – Томек достал из подручной сумки зарисовку маршрута и продолжал: – Вот здесь Укаяли, Урубамба и Ла Уаира. В этом месте от нас ушли индейцы

из племени пиров, а вот ручей и шалаш умиравшего кампы. Потом Габоку сделал круг на одном месте, и мы подошли к этому ручью. Впереди, то есть к северу от нас расположена Гран-Пахональ, а к западу Андийская Кордильера.

– Ага, значит завтра мы дойдем до Гран-Пахонали?

– Мне кажется, отсюда мы пойдем в горы.

– Почему ты так думаешь? Ведь для того, чтобы добраться до леса смерти надо пройти через Гран-Пахональ?

– Кампа ручался, что никто не пройдет через лес смерти. Раз Габоку взял на себя роль проводника, значит кампа рассказал ему о другой, безопасной дороге, а та может вести только через горы.

– Это, пожалуй, логично, но прав ли ты, узнаем завтра.

– Кто стоит на часах после нас?

– Збышек и Сатуру, а в самое опасное время, перед рассветом, Габоку со своим дружкойм.

– Прекрасно. Индейцы, как правило, нападают перед самым рассветом. Но, думаю, нам пока это не грозит. Динго весь день держался спокойно, да и теперь посматривает на нас одним глазом.

– Умнейший пес. Это он помог нам найти умирающего проводника Смуги.

В полночь друзья разбудили очередных часовых. Ночь прошла спокойно.

Сразу же после восхода солнца, путники отправились в дальнейшую дорогу. После нескольких часов марша Новиц-

кий подошел к Томеку и шепнул:

– Ты угадал правильно. Мы идем в горы.

– Габоку перестал кружить на месте. Он, видимо, считает, что здорово нас провел и мы потеряли уже ориентировку.

– Бедняга! Он думал провести на мякине такого старого воробья, как ты!

Томек посмотрел в сторону горной цепи, которая высилась на горизонте синеватой полосой.

– Мы идем по другой дороге, не по той по которой шел Смуга. Он, пожалуй, первый поляк, которому удалось пройти через Гран-Пахональ¹³⁴, – вполголоса сказал Томек.

– Мне тоже хотелось бы побывать в Гран-Пахонали, но с нами женщины, поэтому лучше обойти лес смерти сторо-

¹³⁴ Незадолго до второй мировой войны поляк, инженер Станислав Голевский, в обществе нескольких индейцев из племени кампа, отправился из Чикозы на Укаяли в Орою и прошел через пользовавшуюся плохой известностью Гран-Пахональ, затем через Кордильеру, колонию Перене и Тарму. От Орои начиналась уже железнодорожная линия в Лиму. Вывший работник польской колонии в Кумарии, Голевский, получил от Перуанского правительства концессию на постройку железной дороги, которая должна была соединить берега Укаяли с побережьем Тихого океана. Таким образом, столица Перу, Лима, при посредстве Укаяли была бы соединена с бассейном Амазонки и, следовательно, с Атлантическим океаном. Проводя изыскания будущей трассы, Голевский встретился в Гран-Пахонали со свободными индейцами племени кампа. Позднее Голевский вместе с капитаном Алварино проводил аэрофотосъемку территории Гран-Пахонали. Во время этой съемки самолет погиб вместе с пассажирами, по-видимому, в результате вынужденной посадки. Считалось, что Голевский и капитан Алварино попали в плен к индейцам кампа, которые всей душой ненавидели белых угнетателей. Проект строительства железнодорожной линии остался неосуществленным, вследствие ликвидации польских колоний на Укаяли.

ной, – ответил Новицкий.

– Ну, наши женщины держатся молодцом!

– Да, а наша голубка лучше всех! Бой-баба! Мара прямо-таки молится на нее.

– Я немного беспокоюсь о Наташе. Она не очень хорошо чувствует себя в этой экспедиции.

– Ее очень взволновало исчезновение Смуги.

– Тише! Посмотри на Динго!

– Что это он так взъерошил шерсть! Может быть почуял зверя?

– Подождем наших. Теперь лучше подтянуться и идти большой группой.

Друзья остановились, скрывшись в тени большого каменного валуна. Уже несколько дней они шли по холмистому предгорью. Им все чаще встречались поросшие лесом холмы, огромные валуны и каменные осыпи.

– Места здесь самые подходящие для засады, – буркнул Новицкий, внимательно оглядываясь вокруг. – Плохо, что Габоку так неосторожно выдвинулся вперед.

– Я думаю, он вскоре остановится, чтобы подождать нас. Проверит дорогу...

– Динго все еще неспокоен, но я никого не вижу между валунами.

– Я тоже не замечаю ничего подозрительного. А вот и наши подходят.

– Вы решили передохнуть? – воскликнула Салли. – Мы

все время взбираемся в гору. Здорово устали.

– Нагоним Габоку, и тогда отдохнем, – ответил Томек.

– По твоим расчетам мы уже должны находиться близ Гран-Пахонали, – сказала Наташа.

– Но теперь нас ведет Габоку, а не я, – ответил Томек. – Мы, по-видимому, идем другой дорогой. Ксерофитная растительность свидетельствует о том, что мы находимся на краю пустынного плато¹³⁵. Если повернуть немного к северу, то мы, несомненно, очутились бы в Гран-Пахонали.

Подошли носильщики, вслед за которыми появился Збышек. Капитан Новицкий, который непрерывно наблюдал за всем, что делается вокруг, снял винтовку переброшенную через плечо и щелкнул затвором. Поделав эту операцию, он сказал:

– Не останавливаться! Вперед! Ты, Збышек, не отставай. Всем держаться вместе!

– Ты, Тадеуш, будь около женщин, – вмешался Томек. – Я с Динго пойду вперед!

Держа штуцер под мышкой, Томек на несколько шагов выдвинулся вперед. Посматривая на Динго, он внимательно оглядывал скалы, валуны и росшие кое-где кустарники. Собака все время вела себя беспокойно – к чему-то принюхивалась, ерошила шерсть, скалила зубы.

Салли поняла, что положение ухудшилось. Поправила по-

¹³⁵ **Ксерофитная растительность** – сухолюбивые растения, присущие пустыням, лишенным достаточного количества влаги.

яс с револьверами так, чтобы можно было моментально выхватить револьверы и начать стрельбу.

Вдруг Томек, как молния, прыгнул в сторону, стал на одно колено и, почти не целясь, выстрелил. Длинная, черная стрела, которая секунду назад была нацелена прямо ему в грудь, впилась рядом в землю. Томек в последний момент увидел индейца, высунувшегося из-за валуна. Быстрая реакция спасла ему жизнь. Стрелявший в него индеец, получив смертельное ранение, упал на край валуна и скатился с него прямо под ноги Томеку.

Однако прежде чем стихло эхо выстрела Томека, раздался ужасный боевой клич кампов. В воздухе просвистели стрелы.

– Динго, к Салли! – крикнул Томек.

Салли заставила Наташу и Мару скрыться за выступом скалы. Сама Салли тоже спряталась за валуном и, достав револьвер стала осыпать пулями нападающих. Верный Динго подбежал к ней: он взъерошил шерсть на спине, гневно оскалил зубы, готовясь броситься на защиту хозяйки. Жена Габоку, Мара, притаилась за скалой, держа наготове лук со стрелами.

Один из сюбео, шедший впереди всех остальных, сразу за женщинами, вдруг пошатнулся, выронил багаж, который нес, и с хриплым стоном повалился на землю. Черная стрела, выпущенная воином кампа пробила ему шею навывлет.

– Укрыться за камнями! – скомандовал Новицкий, но сам

и не думал прятаться. Ловкий и подвижный он непрерывно стрелял, выпуская пули одну за другой, причем ни одна не миновала цели.

Збышек присел за скалой, рядом с женщинами. Он не был метким стрелком, вдобавок неожиданное нападение в первый момент лишило его самообладания. Поэтому он то и дело промахивался. Зато, оставшиеся в живых четверо сюбео храбро и успешно поддерживали Томека и Новицкого. От вражеских стрел сюбео укрылись за щитами, а сами ружейным огнем метко поражали атакующих воинов.

Некоторое время в битве сохранялось равновесие сил и трудно было определить на чью сторону клонится победа. Большинство кампов были вооружены луками, только у некоторых были старые кремневые ружья. Томек и Новицкий мгновенно разделили между собой площадь обстрела. Томек, притаившись за скалой рядом с женщинами, держал под обстрелом правую сторону котловины, Новицкий – левую. Оба они опасались за жизнь Габоку. Почему он не вернулся, услышав выстрелы? Неужели погиб? Моментальная смерть сюбео, которому стрела пробила шею возбуждала подозрение, что индейцы применяют отравленные стрелы.

Томек заметил индейца, ползком пробиравшегося между камней. Прицелился в него. Высунувшись из укрытия, нажал курок. Сухой щелчок иглы подсказал ему, что магазин опустел. В этот момент индеец выстрелил из кремневки. Томек упал на колени, в глазах у него потемнело, кровь зали-

ла лицо. Увидев, что муж ранен, Салли побледнела, но как и пристало дочери австралийского пионера, спокойно нажала курок револьвера. Индеец вдруг выпустил из рук еще дымившееся кремневое ружье и сам упал на него. Тем временем Томек успел прийти в себя; пуля только оцарапала ему голову, на время ошеломив его. Держа в руках штуцер, он поднялся с земли. Это был самый трагический момент боя. Один из сюбео, увидев падающего начальника экспедиции, бросился ему на помощь. Но стоило ему только высунуться из-за щита, как оперенная стрела вонзилась ему в грудь. Вскоре сюбео умер. Наташа тоже хотела подбежать к Томеку, но с криком боли отпрянула на прежнее место. Стрела угодила ей в правое плечо.

Уверенные в победе индейцы, с адским воем бросились в рукопашную. Закаленный в трудах многих путешествий Томек, сумел преодолеть слабость. В его руках появились два револьвера. Новицкий тоже отбросил винтовку и взялся за револьверы. Серия метких выстрелов заставила индейцев приостановиться. Правда, трое из них набросились на Новицкого, но обозленный моряк из Варшавы справился с ними за несколько считанных секунд.

Томек выпустил из револьверов все пули и, заметив замешательство в стане врагов, схватил штуцер и побежал к женщинам. Салли пыталась остановить кровотечение из раны у Наташи, а Збышек не переставая стрелял из винтовки.

– Стрела или пуля?! – воскликнул Томек, обращаясь к же-

не.

– Стрела, рана пустяковая, – ответила та.

– Не перевязывай! – приказал Томек. Вырвал у Збышека винтовку и тремя меткими выстрелами вынудил индейцев залечь среди камней.

Не теряя времени Салли стала заряжать штуцер Томека. А тот вернул брату винтовку, говоря:

– Целься спокойнее, плавно нажимай курок. Скорее по-падешь...

Томек нагнулся над лежавшей Наташей. Стрела попала в плечо наискосок, и нанесла не очень глубокую рану.

– Надо выжать кровь из раны, тебе будет немного больно, Наташа, – сказал Томек.

Когда Томек дотронулся до плеча, молодая женщина побледнела. Потом на ее лице появилась гримаса боли – она потеряла сознание. Томек с силой нажимал на мускулы вокруг раны, отчего снова обильно потекла кровь. Потом Томек высосал кровь из раны и смазал ее йодом.

– Томми, кампы бегут! – вдруг крикнула Салли. – Наши погнались за ними. Габоку напал на кампов с тыла.

Держа винтовку наперевес, Збышек побежал вслед за Новицким и индейцами сюбео. Динго помчался за ним.

В суматохе боя никто не обратил внимания на Мару, которая тем временем, выпустив все стрелы находившиеся в колчане, прокралась в ближайшие кусты. Она вернулась оттуда с пучком трав в руках.

– Приложи к ране, листья хороши против отравы... – обратилась она к Томеку.

– Кто тебя научил собирать целебные травы?

– Мой отец. Он великий шаман, я часто помогала ему собирать зелье. Не бойся, приложи к ране...

Томек обложил рану Наташи, принесенным Марой зельем, перевязал плечо и подsunул ей под нос флакон с нашатырным спиртом.

Наташа пришла в себя. Взглянула на Томека глазами полными слез, улыбнулась и шепнула:

– Плакса я... Ты весь в крови, я сейчас займусь тобою.

– Пустяки, мне ничего не будет. Ты лучше спокойно полежи, у тебя еще не унялось кровотечение. Пришлось разбедить рану, потому что чем больше вытечет из нее крови, тем лучше. Возможно, стрела отравлена ядом.

– Знаю, Томек, знаю.

– Мара насобираала целебных трав, которыми я обложил рану.

– Кто погиб из наших? Я видела смерть двоих...

– Больше никто не погиб. Габоку ударил на индейцев с тыла и тем принес нам победу. Вскоре наши вернутся из погони.

Мара принесла воды из ручья. Вместе с Салли они смыли кровь с лица Томека и наложили повязку. Пуля царапнула кожу на виске, но не нарушила кости.

Сюбео, бросившиеся под командованием Новицкого и Га-

боку в погоню, вернулись только через два часа. Они шли медленно. Салли сразу увидела, что они несут кого-то на носилках из веток.

– Томми, еще одна жертва... – тихо, чтобы не разбудить Наташу сказала она.

Томек достал бинокль. Какое-то время наблюдал за группой возвращавшихся товарищей. С тяжелым вздохом спрятал бинокль в футляр.

– Они несут сюбео, кажется, он мертв, – мрачно сказал Томек. – Мы понесли тяжелые потери. Придется пересортировать багаж. Часть вещей надо будет бросить.

Томек, Салли и Мара в молчании ждали прихода друзей. Высунув язык и часто дыша от быстрого бега, первым явился Динго. За ним подошли мужчины. Окровавленный, покрытый ссадинами Новицкий, устало присел на камень. Сюбео положили носилки на землю и стали собирать камни, чтобы прикрыть ими тела погибших товарищей.

– Что с Наташей? – спросил Новицкий. – Стрелы у кампов отравленные...

– Рана поверхностная. Так, царапина, – ответил Томек. – Я выжал и высосал рану и обложил ее целебными травами, которые насобирала Мара. Она говорит, что знает их действие.

– Кроме того, Мара сварила настойку из трав. Наташа выпила и заснула, – добавила Салли.

– Это хорошо. У индейцев есть свои противоядия, – за-

метил Новицкий.

– Теперь пересмотрите поклажу, мы возьмем с собой только самое необходимое. Как только похороним убитых, пойдем дальше. Габоку советует еще до ночи дойти до гор.

– Да, в горах легче укрыться, – сказал Томек.

– Вот именно. Можно ожидать погони. Несколько индейцев сумели удрасть. Несмотря на то, что мы дали им хорошую взбучку, они опять устроили на нас засаду. Вот тогда мы и потеряли еще одного сюбео.

Томек с женой и Марой взялся за сортировку багажа, все остальные занялись погребением убитых. Сюбео укутали их тела одеялами, уложили мертвецов в наспех вырытые могилы, вместе с оружием и личными вещами, после чего засыпали землей и заложили камнями. По обычаю своего племени, Габоку сказал над могилами приличествующую случаю речь:

– Храбрые воины сюбео сложили головы в бою с подлыми кампами. Прежде чем умереть, сами убили множество врагов. Они погибли защищая друзей, поэтому после смерти будут жить в большом доме счастья, где будут находиться в обществе наших великих предков, а не в собачей будке, как коварные кампы.

– Мы вечно будем помнить храбрых воинов сюбео, которые не покинули нас в момент опасности, – добавил Томек.

Совершив печальный обряд, путники не теряя времени отправились в дальнейшую дорогу. Идти пришлось медлен-

но, потому что кроме багажа надо было нести на носилках Наташу, погруженную в глубокий сон. Все же еще до заката солнца они очутились в прохладной тени горной цепи. Усталые путники медленно поднимались по каменистому склону. Возможная погоня здесь уже не могла обнаружить их следы. На ночь путники остановились в ущелье под нависшей скалой. Вблизи шумел небольшой водопад.

Все были до крайности измучены. Путники решили отдохнуть здесь денек или два. Они с трех сторон обложили место стоянки камнями и сделали насыпь из гравия. Отгородившись таким образом от холодного ветра, сели ужинать.

Наташа не проснулась даже тогда, когда ее переносили на постель из одеял. Салли и Мара легли рядом с ней. Они решили по очереди дежурить при Наташе.

Легли спать и мужчины.

Капитан Новицкий получил в бою несколько незначительных царапин и синяков, поэтому решил держать первую вахту. Сначала он выкупался в водах ручья, потом глотнул стаканчик ямайского рома и уселся у входа в импровизированную пещеру. Сохраняя необходимую предосторожность, раскурил трубку. Динго улегся у ног капитана. Верный пес и во сне продолжал нести свою службу – он ежеминутно приподнимал то одно, то другое ухо, прислушивался, нюхал воздух и успокоенный засыпал опять.

Новицкий хмурился, раздумывая над созданным положением. Теперь он понял какую оплошность допустили они с

Томеком, взяв с собой женщин в столь опасную экспедицию. Уже в первой стычке с кампами экспедиция понесла большие потери, а что будет дальше? Пришлось бросить большую часть снаряжения. Теперь у них нет палатки, да и с удовольствием плохо. Что будет с Наташей? Полный опасений за жизнь Наташи, Новицкий встал и подошел к постелям, на которых спали женщины. Холодный, серебристый свет луны покрывал бледностью их личики. Женщины спали, как убитые. Новицкий нежно коснулся рукою лба Наташи. Лоб был холоден и сух. Несколько успокоенный этим, Новицкий вернулся на прежнее место. Динго лежал и дремал. Новицкий погрузился в невеселые мысли. Оперся спиной о выступ скалы. Монотонный Шум падающей воды действовал как лучшее снотворное. Новицкий на момент закрыл глаза.

Проснулся он от ворчания Динго. Схватил винтовку, стоявшую рядом. Пес с тревогой смотрел вверх. Новицкий стал осматриваться вокруг и прислушиваться. Только спустя некоторое время он понял причину тревожного поведения Динго. В воздухе бесшумно носились черные тени. Это они встревожили Динго. Новицкий вспомнил рассказы о нетопырях-вампирах, сосущих кровь у животных и людей. Быстро встал и пошел к постелям, спавших товарищей. Вспугнутый кровосос пролетел в сантиметре от его лица. Новицкий склонился над Наташей. Она спала спокойно. Ровное дыхание ритмично поднимало и опускало грудь. Новицкий раз-

будил Габоку, а сам успокоенный лег спать.

* * *

После двухдневного отдыха в здоровом, горном климате участники экспедиции почувствовали себя много лучше. Даже Наташа почти поправилась и утверждала, что дальше может идти самостоятельно. Поэтому на третий день экспедиция продолжала путь.

Как и раньше, впереди шел Габоку. Два дня путешественники то взбирались по горным склонам вверх, то спускались вниз в долины, покрытые джунглями. Тишину девственных лесов нарушали здесь только голоса птиц, да шум быстрых вод многочисленных ручьев.

Настроение у Томека ухудшалось изо дня в день. Теперь он не мог, даже приблизительно, наносить пройденный путь на карту. Ему оставалось только обращать внимание на положение солнца. К удивлению Томека, Габоку опять взял направление на восток. Томек догадался, что по горному маршруту они обошли стороной лес смерти, а теперь подходили к развалинам древнего города инков с противоположной стороны.

На пятый день после ухода с последней длительной стоянки, Габоку вдруг перестал маскировать свои чувства. Остановился и в крайнем волнении воскликнул:

– Наконец нашел! Она существует на самом деле! Кампа

не лгал!

– Что ты нашел? – спросил капитан Новицкий.

– Смотрите сами! – восторженно кричал Габоку.

Они находились в долине, расположенной высоко в горах.

– Мне кажется, мы открыли следы какой-то старой дороги, – сказал Томек.

– Видимо, ты прав, здесь даже видны остатки мостовой, – согласился Новицкий.

– Ты искал эту дорогу, Габоку? – спросил Збышек.

– Давно, давно, эту дорогу построили властелины этой земли, – ответил индеец. – Кампа уверял меня, что она ведет к развалинам древнего города, где находится сеньор Смуга¹³⁶.

– Лишь бы Смуга там действительно был, – шепнула Наташа.

– Если найдем город, то я уверена – найдем и Смугу, – сказала Салли.

– Веди, Габоку! – приказал Новицкий.

Старинный тракт вел вниз по склону. В колдобинах и щелях между камнями мостовой росла жесткая трава, но ме-

¹³⁶ Задолго до завоевания испанцами государства инков, там существовала сеть благоустроенных дорог, общей протяженностью около 10000 километров. Из них Великая царская дорога имела в длину 5600 километров, при ширине от 1 до 8 метров. Трасса этой знаменитой дороги проходила по местам, достигавшим почти 5000 метров высоты над уровнем моря. По сообщению газеты «Курьер Польский» с июня 1965 года, Великая царская дорога будет восстановлена, на что предполагается израсходовать 500 миллионов долларов.

стами дорога, построенная много веков назад была видна совершенно ясно. Вдали в небо поднимался столб черного дыма.

Когда солнце стало подходить к зениту, Габоку снова остановился у нескольких камней. На одном из них он нашел рисунок, изображавший солнце. Теперь Габоку сошел с дороги в ущелье. Вскоре путники вышли на небольшое каменистое плато. Остановились, как зачарованные. В широкой долине у их ног простирались руины крупного города. Среди деревьев, кустарника и высокой травы виднелись белые стены домов, построенных из крупных камней. Над обширной площадью, занятой старинными постройками, высоко в небо врезалась гора с плоско срезанной вершиной, над которой поднимался столб черного дыма.

XX

ГНЕВ БОГОВ

– Выходит, что затерянный в горах город, о котором нам говорили пиры, существует на самом деле, – тихо сказал Томек. – Неужели кампы скрываются в этих развалинах?

Капитан Новицкий на минуту оторвал взгляд от окуляров бинокля и ответил:

– Нигде никого не видно. Везде мертво и пусто. Во многих местах растительность джунглей покрыла улицы и дворы этого города.

– Идите сюда, мы нашли дорогу вниз, в долину! – воскликнула Салли.

На левом краю террасы стоял огромный скальный обломок, у подножия которого проходила узенькая тропинка, нависшая над глубокой пропастью. На тропинке стояли Наташа и Салли.

– По этой тропинке можно дойти до ступеней, вырубленных в скале, – сказала Салли.

Томек взглянул на почти отвесную стену, над которой висела узкая платформа, огибавшая обломок скалы. Повернулся к жене и с упреком сказал:

– Салли, нельзя так неосторожно ходить по этому узкому балкону над пропастью! У нас и без того множество хлопот!

– Я не страдаю головокружением и, кроме того, почему только мужчины должны рисковать?

– Довольно вам, теперь не время спорить, – вмешался Новицкий. – Томек, бери веревку.

Томек опоясался концом веревки, и ступил на узкую платформу над бездной. Моряк держал второй конец веревки. Томек исчез за изломом скалы.

– Здесь может пройти только один человек; я привязал веревку, идите по одному, – воскликнул Томек. – Сам я схожу вниз! Динго, ко мне!

По примеру Томека, опасное место перешел сначала Габоку, за ним Збышек, трое сюбео, женщины и капитан Новицкий.

Вырубленные в скале высокие ступени вели под платформу, висящую над пропастью, а потом по почти отвесной стене зигзагами спускались на дно долины. Томек подумал, что если это единственная дорога, ведущая в город, то его жители, конечно, давно уже заметили путников. Примерно, через полчаса все участники экспедиции благополучно спустились в долину.

– На ступенях Динго все время к чему-то принохивался, – заявил Томек.

– Я не заметил следов на камнях, – ответил Новицкий. – Неужели, все-таки, здесь до нас ходили люди?

– Кто знает, в чем здесь дело? Во всяком случае, мы не должны идти в город сплошной группой, – ответил Томек.

– В городе, наверное, живут духи кампов? – тревожно шепнул Габоку.

– Недалеко от нашей деревни тоже есть скалы, где обитают духи. Туда никому нельзя ходить.

– Здесь тоже, наверное, есть духи! Пес умный, он их чувствует, – добавил один из сюбео.

Томек знал, что сюбео, до безумия отважные в бою, как огня боятся всяческих духов и чар. Поэтому он скрытно улыбнулся и сказал:

– Здесь, конечно, нет никаких духов. Лишь бы мы не встретили враждебных кампов. Остановитесь и смотрите в оба! Я с Динго пойду в разведку. Если кого-нибудь встречу, выстрелю два раза.

Взяв на поводок Динго, Томек осторожно подходил к каменной стене, окружавшей развалины города. Вскоре он остановился у весьма оригинальных ворот. Они состояли из двух огромных, гладко отесанных обломков скал, с третьим обломком, уложенным поперху поперек. На поперечине виднелись какие то знаки, или рисунки, в центре которых стояло изображение солнечного диска. Массивная, каменная стена, окружавшая город, была во многих местах разрушена. Отдельные камни разошлись и даже вросли в землю. Томек спустил Динго с поводка, и держа в руках штуцер, миновал ворота. Город был расположен на двух террасах, похожих на ступени гигантской лестницы, вырубленные в склоне горы. Широкая мощенная улица вела от ворот к каменным ступе-

ням лестницы на верхнюю террасу. По обеим сторонам улицы стояли дома, сооруженные из гладко отесанных камней, плотно пригнанных друг к другу и уложенных без раствора. Большинство домов было лишено крыш, потому что деревянные стропила, видимо, давно сгнили. Только несколько крупных сооружений были покрыты каменными плитами.

Томек осторожно, шаг за шагом, шел по главной улице, заглядывая в боковые ответвления и в развалины домов. Везде чувствовался неприятный запах гнездовой летучих мышей. На улице во многих местах встречались провалы и глубокие трещины. Стены некоторых домов лежали в развалинах, или провалились в глубокие расщелины, образовавшиеся во время землетрясения. Среди развалин и покрытых трещинами мостовых, росли деревья, трава и дикий кустарник. Не было сомнений, что город погиб в результате землетрясения, которые столь часто бывают в Андах¹³⁷.

¹³⁷ **Анды** – горы в западной части Южной Америки; самая длинная на земном шаре горная цепь, вторая по высоте после Гималаев в Азии. Колоссальная стена, протяженностью 7500 километров, тянется вдоль побережья Тихого океана, через весь континент – от Карибского моря на севере, до Огненной Земли на юге. Между отдельными горными хребтами находятся долины и плоскогорья, дно которых лежит на высоте от 2 до 3 километров выше уровня моря. В геологическом отношении Анды или, как их еще называют. Андийские Кордильеры – горы молодые. Хотя они поднялись с морского дна много миллионов лет назад, но все еще в них происходят процессы горообразования. Некоторые вершины их являются до сих пор действующими вулканами; в Андах довольно часто случаются землетрясения. Самая высокая гора Анд и вообще всего материка – Аконкагуа (6960 м.н.у.м.). Растительный покров в северной части Анд примерно такой же, как и на равнинах: тропический лес на увлажненных почвах и трава или скрэб

Чем дольше Томек знакомился с развалинами древнего города, тем большее любопытство охватывало его. Со всей очевидностью установил, что город был уничтожен землетрясением много веков назад. По всему видно, что город был построен задолго до испанского нашествия. Возможно, здесь скрывалось племя, которое не желало подчиняться власти белых захватчиков? Ведь развалины города находились в совершенно неисследованной местности, обозначенной на картах белым пятном. Кроме того, город был полностью отрезан от остальной страны, потому что воинственные кампы преградили к нему доступ. Но пока что не было никаких следов того, что где-нибудь вблизи находятся люди. Почему же, в таком случае, индейцы держат здесь Смугу?

По главной улице Томек дошел до лестницы, ведущей на верхнюю террасу. Динго остановился, долго нюхал воздух, потом по каменным ступеням выбежал на мощенную площадь. Там он остановился, тихо завыл и махнул хвостом.

Сердце в груди Томека забилось живее. Динго вел себя так только тогда, когда находил знакомый след. Не колеблясь больше ни минуты, Томек вышел на обширную площадь.

– Ищи, Динго, ищи! – обратился Томек к своему любимцу.

Пес пытался обнаружить следы, бегая вокруг и поглядыва-

– на сухих. К югу, где климат холоднее и суше, растут хвойные и лиственные леса. Анды богаты ископаемыми – здесь встречается серебро, золото, железные, медные, свинцовые, вольфрамовые руды, нефть, каменный уголь и чилийская селитра.

вая на Томека. Динго то махал хвостом и тихо подвывал, то скалил зубы и ежил шерсть на загривке.

– Ну, что нашел? Что хочешь мне сказать? Неужели нам грозит опасность? – спрашивал Томек.

Пес повернулся к нему и заворчал.

– Ага, значит, все-таки предупреждаешь об опасности! Неужели в самом деле здесь скрываются люди! – буркнул Томек.

Он повесил штуцер на ремень через плечо и достал револьвер из кобуры. В его положении короткое скорострельное оружие казалось удобнее, чем длиннствольный штуцер.

Держа в руке револьвер на взводе, Томек остановился, внимательно оглядываясь вокруг. Две стороны обширной площади оказались обрамленными колоссальными зданиями. Стены одного из них почти до половины высоты были разрушены, второе здание выглядело совсем целым. Между этими зданиями, на противоположном конце площади, находились другие полуразрушенные сооружения, значительно меньших размеров.

– Динго, ищи! – вновь приказал Томек.

Пес кружился по всей площади, постепенно приближаясь к хорошо сохранившемуся зданию. Остановился на каменных ступенях крыльца, покрытых многочисленными трещинами.

– Ищи, Динго, – повторил Томек.

Томек стал осторожно подниматься на ступени крыльца.

Над широким фронтоном двери виднелся резной символ солнца. Вскоре Томек очутился в огромном зале. Несколько мгновений он стоял не двигаясь, чтобы приспособить зрение к полумраку, царившему внутри. Потом стал разглядывать обширный, совершенно пустой зал. На его стенах сохранились следы росписи. Постепенно Томека стала охватывать тревога. Он вдруг заметил, что каменные плиты пола чисто подметены. В других домах, которые он видел по дороге полы были покрыты мусором и толстым слоем нечистот, оставленных летучими мышами. Несомненно кто-то поддерживает здесь чистоту, то есть в развалинах города живут люди! Томек сразу же коснулся пальцем курка револьвера.

В обоих боковых стенах зала находились глубокие ниши. На противоположной стене от входа чернел узкий проем. Томек заглянул в ниши, потом подошел к темному отверстию. Вдруг Динго глухо заворчал, сделал несколько длинных прыжков и исчез в проеме. В темноте послышался громкий лай собаки, удесятенный эхом пустого зала. Вдруг Динго завыл от боли и стал громко лаять, словно вел борьбу с каким-то врагом.

Томек немедленно бросился на помощь четвероногому другу. Протиснулся в узкий проем. Непроницаемая темнота заставила его остановиться на месте. Спешно достал из кармана коробок со спичками. Револьвер заткнул за поясок брюк. Динго продолжал завзято лаять. При слабом свете спички Томек увидел собаку, которая в гневе бросалась на

совершенно пустую каменную стену.

Используя полкоробка спичек, Томек обошел кругом всю небольшую комнату. К своему удивлению, он никого не нашел. Комната была лишена окон и дверей. Динго все еще продолжал ворчать и, взъерошив на загривке шерсть, обнюхивал гладкую стену.

Вдруг послышался глухой, тягучий грохот. Стены массивного, каменного здания дрогнули. В узком проеме показалась сероватая полоса света. Пронзительный вой Динго вывел Томека из оцепенения. Он нагнулся и выбежал из таинственной комнаты.

На площади, у здания, где стоял Томек, очутились остальные участники экспедиции, оставленные им у ворот, ведущих в развалины древнего города. Его друзья медленно отступали к центру площади, а за ними широким полукругом продвигалась цепь вооруженных, молчаливых индейских воинов.

Томек моментально понял, что произошло. Видимо, во время его отсутствия кампы неожиданно окружили экспедицию. Поскольку они не начинали битвы, Новицкий стал медленно отступать к развалинам города, чтобы там соединиться с разведчиком.

– Динго, к ноге! – вполголоса скомандовал Томек.

Кампы шли широкой цепью. Их нагие тела были прикрыты только малыми набедренными повязками, поддерживаемыми шнуром из лиан. Их лица и тела были размалеваны

фантастическими узорами синего и красного цветов. На головах красовались короны из пальмового волокна, украшенные птичьими перьями, сзади на спину ниспадали пучки разноцветных высушенных колибри. Из проколотых ушных раковин торчали деревянные украшения.

Индейцы хранили красноречивое, грозное молчание. Они шаг за шагом шли вслед за белыми, держа в руках луки с черными стрелами, на натянутых до отказа тетивах.

Томек сообразил, что о сопротивлении нечего и думать. Слишком велико численное превосходство индейцев. Кроме того, если они были жителями этого древнего города, Смуга был в их руках.

Только спустя довольно долгое время, Томек заметил, что небо, до того сиявшее солнцем, закрылось тяжелыми, серыми тучами. Он вспомнил, что уже несколько дней наблюдал в северо-восточной части горной цепи черный столб дыма, вздымавшийся над одной из вершин. Несколько минут назад, началось, видимо, извержение вулкана.

Нельзя было терять ни минуты времени. Малейшее движение, которое могло показаться индейцам подозрительным, повлекло бы за собой безнадежную борьбу, а исход ее был ясен – смерть всех участников экспедиции.

Томек сбежал с крыльца вниз. Динго заворчал, оскалил зубы.

– Тихо, тихо, Динго! Иди к Салли! – кратко приказал Томек.

Он медленно подошел к своим товарищам. Индейцы подняли луки и направили черные стрелы прямо ему в грудь. Томек всадил револьвер в кобуру. Обогнул группу друзей и остановился впереди, между ними и воинами. Длительное время он всматривался в их грозные лица.

– Приветствую воинов свободного племени кампов, – сказал он на испанском языке.

Индейцы стояли как каменные изваяния.

– Мы пришли к вам как друзья, – сказал Томек. – Пусть мои братья опустят стрелы вниз и поведут нас в свою деревню. Там мы скажем, с какой целью прибыли к вам.

Трудно было определить, поняли ли кампы слова Томека, потому что на их лицах не дрогнул ни один мускул. Они смотрели на белых и продолжали держать луки в прежнем положении.

– Я начальник экспедиции, и хочу говорить с вождем свободных кампов, – снова сказал Томек.

Один из индейцев направился к нему. Он шел осторожно до тех пор, пока острое стрелы его лука чуть не коснулось груди Томека. Крепче натянул тетиву. Томек спокойно смотрел прямо ему в глаза. Индеец неожиданно ослабил тетиву и снял стрелу с лука. Из мешочка, висевшего у него на шнурке, опоясывавшем талию, достал фотографию. Томеку достаточно было бросить один взгляд, чтобы узнать ее. Он побледнел от впечатления. Это была свадебная фотография его и Салли.

А кампа смотрел то на фотографию, то на Томека. Внезапным движением сорвал шляпу с головы Томека. Снова взглянул в лицо, потом на фотографию. Повернулся к женщинам. Вперил взгляд в Салли. Спрятал фотографию в мешочек.

Кампа бросил воинам какое-то приказание. Индейцы окружили группу участников экспедиции. Кампа пронзил Томека испытующим взглядом и сказал по-испански:

– Будешь говорить с вождем свободных кампов. Скажи своим, чтобы не сопротивлялись. Мы должны завязать вам глаза.

– Значит, ты не вождь? – спросил Томек.

– Молчи и делай то, что я сказал!

Томек подошел к товарищам. Повторил слова кампы по-испански, потом добавил на польском языке:

– У него моя и Салли свадебная фотография. Получить ее он мог только от Смуги.

– Хорошая новость, хотя я чувствую себя, как в пасти бешеной акулы, – ответил Новицкий.

Кампы завязали пленникам глаза, потом взяли их за руки и повели.

Томек вскоре догадался, что их ввели в таинственное здание, в котором Динго лаял на невидимого врага. Только в это здание вели ступени крыльца. Также легко догадался, что они вошли в другую, маленькую, темную комнату. Как видно, из этой комнаты вел потайной ход, потому что потом они

долго шли по каким-то переходам, которые то спускались вниз, то поднимались вверх. Томек вскоре потерял представление о направлении, в котором их вели. Через некоторое время кампы остановились и сняли им с глаз повязки.

Оказалось, что они очутились в обширном зале. Грозные, вооруженные воины куда-то исчезли. Несколько кампов, одетых в обширные кусьмы с видимым любопытством смотрели на них.

– Отложите в сторону оружие, – приказал один из них.

Томек без колебаний снял пояс с револьверами и вместе со штуцером положил их на пол.

Другие последовали его примеру.

– Оставьте также здесь все свои вещи, – снова приказал кампа.

Когда все подчинились его приказанию, кампа повел их по коридору в огромный зал. В одном его конце несколько вооруженных, одетых в кусьмы воинов, стояли полукругом у ступеней трона из чистого золота, на котором сидел бородатый мужчина. Он держал руки на коленях и молча всматривался в подходивших к нему пленников. Они остановились в нескольких шагах от трона. Динго хрипло лаял, рвался с поводка, но Салли его держала крепко.

Кампа, приведший их в этот зал, приблизился к трону и подал сидевшему на нем бородачу фотографию, которую достал откуда-то из фалд своей обширной кусьмы. Бородатый мужчина кивнул головой и, не говоря ни слова, одним дви-

жением руки отправил кампу из зала.

Томек и его друзья стояли в полном молчании. Им казалось что бородач – белый мужчина. Конечно, он предводительствовал кампам, ведь иначе не сидел бы на золотом троне, в окружении племенных вождей. Длинные, черные волосы ниспадали ему до самых плеч, борода закрывала грудь. Одет он был в кусьму из мягкой, златотканой ткани. Под его босые ноги была подстелена шкура ягуара.

Вождь несколько подался вперед и сказал на чистом польском языке:

– Здравствуйте, дорогие друзья! Я не могу вас теперь обнять и прижать к сердцу. Эти вооруженные воины следят за каждым моим движением. Будьте осторожны, потому что вы находитесь в пещере разъяренного ягуара.

Динго махнул хвостом и залаял.

– Ах, проглоти меня акула, ведь это наш Смуга! – тихо сказал капитан Новицкий.

– Наконец мы вас нашли! – воскликнул Томек, с трудом подавляя волнение.

– С тех пор, как я попал в плен, я больше всего боялся этой минуты, – ответил Смуга. – Уже несколько дней я дрожу в тревоге за вас...

– Значит вы знали, что мы направляемся сюда? – изумился Томек.

– Мне донесли об этом на другой день после вашей битвы с кампами. Я знал, что вы потеряли троих людей.

– Как так? Неужели это возможно?

– Потом поговорим. С момента того боя за вами непрерывно следили. Я с превеликим трудом добился от кампов, чтобы они привели вас сюда живыми. Тем не менее, и вы, и я находимся в смертельной опасности. В довершение зла проснулся проклятый вулкан и уже несколько дней пышет огнем. Кампы считают, что ваше присутствие в их стране вызвало гнев богов.

– Как вы попали сюда? Почему они держат вас в плену? – спросил Томек.

– Мой проводник был посланником свободных индейцев. Он поймал меня в расставленную ловушку. Индейцы искали белого вождя, способного научить их военной тактике белых захватчиков. Они готовят вооруженное восстание.

– Мы нашли вашего проводника. Умирая, он успел показать нам дорогу сюда, – пояснил Томек. – Предал своих, чтобы мы могли поспешить к вам на помощь.

– Он прекрасно знал, что отсюда вы не выйдете живыми. Это древнее обиталище инков. Здесь они прятались от испанцев. Когда землетрясение уничтожило город, стоявший в долине, инки построили другой, на возвышенности. Потом здесь обосновались свободные кампы, считающие себя прямыми потомками инков.

Один из вождей, стоявших близ Смуги, что-то произнес гортанным голосом.

– Теперь вы должны уйти. Я увижу вас потом, – сказал

Смуга. – Ты, Томек, ничего не предпринимай пока мы не поговорим. Отдыхайте спокойно. Идите!

Томек и его друзья вышли из зала. В коридоре их ждал знакомый кампа, который сопровождал их к Смуге. Он повел их по каменным ступеням. Пройдя так насколько этажей, очутились в двух обширных комнатах, отведенных им для ночлега.

– Смотрите-ка! Вернули нам все вещи, – обрадованно воскликнул Збышек, когда кампа исчез за циновкой, которой был завешен входной проем.

– Но оружие оставили у себя, – заметил капитан Новицкий. – Впрочем, дьявол с ними! Главное, что мы нашли Смугу!

– Хороший, верный Динго! Он первый узнал Смугу, – взволнованно говорила Салли. – Как только мы вошли в тронный зал, Динго чуть не вырвался из моих рук.

– Еще в развалинах древнего города мне показалось, что Динго напал на знакомый след, – сказал Томек. – Видимо, Смуга там бывал не раз.

– Прямо-таки трудно поверить, что мы в самом деле нашли Смугу, – заявила Наташа. – Но меня встревожили его слова.

– Ба, положение у нас не из веселых, но не в таких переделках приходилось уже бывать, – ответил капитан Новицкий. – Раз Смуга уже несколько дней знал, что мы лезем прямо акуле в пасть, то наверное раздумывал и о способах спа-

сения. Кроме того, и мы сами пошевелим мозгами. Я очень доверяю Смуге и Томеку. Вдвоем они что-нибудь да придумают.

– Верно, капитан! Я ничуть не боюсь, – вмешалась Салли.

– Интересно, как Смуга узнал о нашей битве с кампами? – сказал Томек. – Неужели по примеру древних инков, индейцы передают сообщения по эстафете?

– Видимо, да, – ответила Салли. – Отдельные гонцы бегом передают известие от одного племени к другому. Мне приходилось читать, что во времена инков известия передавались по эстафете со скоростью двухсот пятидесяти километров в день.

К беседующим подошел Габоку, который все это время выглядывал в окно, выходявшее на внутренний двор.

– Здесь множество воинов, – сказал он. – Нас окружают высокие горы. Бегство отсюда невозможно, а духи великой горы ужасно разгневаны. Они черными тучами закрывают солнце. Кампы испуганы, нам может быть плохо.

– Ты прав, Габоку, – ответил Томек. – Хорошо бы разведать положение.

– Я уже выглядывал в коридор, нас не сторожат, – тихо сказал Новицкий. – Однако я не знаю, разумно ли будет что-нибудь предпринимать без Смуги. Кампы явно взволнованы, нам лучше подождать, пока появится Смуга.

Прежде, чем кто-нибудь успел ответить капитану, в проеме двери появились индианки с подносами в руках. Они

поставили их на циновках, а сами удалились.

– Вот, пожалуйста, они не намерены уморить нас голодом, – обрадовался Новицкий. – Эге, да здесь рис, фасоль, варенная курица и напиток в жбане! Садитесь, у меня давно кишки марша играют. На голодный желудок никто и никогда ничего хорошего не придумал!

После обеда Томек приказал двоим сюбео стать на страже в коридоре, чтобы предупредить о появлении чужих. Участники экспедиции намеревались обсудить трудное положение, в какое попали. Вскоре, однако, они пришли к заключению, что без Смуги нельзя составить план действий. Что могли они сделать без оружия, в городе, в котором полно враждебно настроенных кампов? Спасти их может только счастливое стечение обстоятельств или какая-нибудь хитрость.

– Лучше всего – лечь спать, – заявил Новицкий. – Черт его знает, что нас ждет завтра. Вулкан дымит, как сотня паровозов, мчащихся на перегонки... Надо собрать силы...

– Совет хорош, мы все взволнованы и устали. Идите ко сну, а я еще попытаюсь пополнить мою карту.

Томек уселся у окна, разложил карту на подоконнике и долго что-то чертил. Потом, когда на землю спустилась ночь, стал с тревогой смотреть на небо. Багровые отблески огня, вырывающегося из кратера вулкана, отражались от черных туч дыма. Томека все больше охватывало чувство тревоги, он знал, что смертельная опасность приближается семимильными шагами.

XXI

КРОВАВАЯ ЖЕРТВА

Настала ночь. Томек сидел на циновке, расстеленной под окном, и в угнетенном состоянии духа смотрел на небо. Черные тучи отражали багровые блики огня. Все чаще слышался глухой, тягучий грохот вулкана.

До наступления темноты Томек через окно успел ознакомиться с главной квартирой воинственных кампов. Небольшой городок представлял из себя недоступную крепость, расположенную на высокой каменистой платформе, которую с трех сторон окружали почти отвесные склоны горы. Большинство каменных домов одной стороной непосредственно примыкало к горной стене.

Томек догадывался какие опасения обуревают его друзей. Они считали, притом не без основания, что очутились в отчаянном положении. Ведь никто иной, а сам Смуга предупредил о нависшей над ними смертельной опасности. Несмотря на это, Томек не жалел, что отправился в рискованное путешествие, каким оказалась экспедиция в Гран-Пахональ. Ведь они нашли Смугу... Однако Томек корил себя за то, что взял с собой женщин. Это была крупная ошибка. Теперь он больше всего опасался за них.

Вдруг Динго поднял голову и пошевелил ушами. Потом

поднялся и тихо завыл.

– Тише, Динго... – шепнул Томек.

Заслонявшая дверной проем циновка, медленно приподнялась и за ней, в слабом свете горевшей в коридоре лампы, показался темный силуэт человека. Томек встал, придерживая Динго за ошейник. Он знал, что это пришел Смуга, потому что Динго вырывался из рук, проявляя неумную радость.

Смуга вошел в комнату и заслонил циновкой проем.

– Я здесь, – тихо отозвался Томек.

Смуга долго обнимал Томека, который с трудом подавлял волнение, слезы радости набегали ему на глаза.

– Я как раз и боялся, мой дорогой, что ты будешь меня искать, – шепотом говорил Смуга. – Хотя наше положение очень плохое, я все же рад, что ты помнил обо мне. Только такой необыкновенный парень, как ты, мог сюда добраться.

– Новицкий, Салли и все остальные тоже очень хотели вас найти, – ответил Томек.

– Знаю, только настоящие друзья могли пойти на такой риск. Они спят?

– Спят...

– Мне надо с тобой поговорить, Томек, но не здесь. Время не терпит... разбуди Новицкого! Другие пусть лучше ни о чем не подозревают...

Томек исчез во второй комнате; Смуга нагнулся над верным Динго. Прижал его голову к своей груди.

Через несколько минут Смуга уже обнимал Новицкого.

– Ну, есть у нашего парня башка, нет? – взволнованно сказал Новицкий. – Я был уверен, что он приведет нас к вам! И вот, пожалуйста, мы опять вместе! Однако сдаётся мне, что надо немедленно ставить паруса, пока есть еще время.

– Вы не ошибаетесь, капитан, – ответил Смуга. – Оружие при вас?

– У нас отобрали все, даже ножи.

– Я принес револьвер, немного патронов и нож. А вот ножи для Габоку и его людей. Оружие спрячьте хорошенько. Я теперь беру с собой Томека, а вы сторожите здесь пока он не вернется. До утра вам ничто не угрожает.

– Вы планируете бегство?

– Да, но мне надо посоветоваться с Томеком. Он вам все расскажет.

– Идите и советуйтесь, я буду бодрствовать!

– Нам надо незаметно пройти по коридору, снимите сапоги, Томек!

Смуга отвернул циновку, закрывавшую дверной проем и выглянул в коридор.

– Никого нет, идем, – шепнул он.

Никем не потревоженные друзья дошли до конца коридора и потом по каменным ступеням лестницы спустились на нижний этаж. Здесь Смуга остановился у стены с рельефными изображениями голов разных животных. Обеими руками повернул голову ягуара, придав ей обратное положение.

Толкнул стену. К удивлению Томека часть стены повернулась вокруг невидимой оси. Смуга скользнул в образовавшееся отверстие и потянул за собой Томека. Они очутились на узкой каменной лестнице. Смуга закрыл подвижную стену. В потайном коридоре горела масляная плашка.

– Здесь никто нас не найдет, – шепнул Смуга. – Видишь ли, голова ягуара соединена с рычагом, находящимся на внутренней стороне двери. Поворот рычага поднимает защелку, запирающую замок. Стоит поставить защелку на прежнее место и голова ягуара вернется в исходное положение.

Смуга взял плашку и повел Томека по узким ступеням лестницы. Ступени кончались в нижнем коридоре. Сделав несколько шагов, Смуга остановился, и осветил механизм на стене, замыкающий еще один потайной проход.

– Я живу за этой стеной, короче говоря – там моя тюрьма, – сказал Смуга. – К счастью, кампы не знают этого потайного хода, Я его обнаружил сам. У меня было довольно свободного времени, ведь меня не стерегли непрерывно. Хорошенько присмотришься к механизму и запомни, что в ход его пускает голова ягуара. Завтра утром вас посадят в мою комнату...

– Посадят?!

– Да, Томек! Но не будем терять времени, иди за мной!

Смуга опять повел Томека по спиральной лестнице. Вскоре они очутились внутри естественной пещеры.

– Теперь слушай внимательно и постарайся все запомнить, – продолжал Смуга. – Ты видишь здесь на стенах изображение трех символов солнца. Левое изображение маскирует проход к гробницам и в сокровищницу инков. Среднее – замыкает путь в потайной ход, ведущий за пределы города. С помощью правого изображения можно открыть проход в пещеру, расположенную над пропастью, куда инки бросали девушек, приносимых в жертву богам.

Томек недоверчиво посмотрел на Смугу.

– Ущипните меня, пожалуйста, а то мне кажется, что я сплю, и меня мучает ужасный кошмар – попросил Томек.

– Ах, если бы это был только сон... – ответил Смуга. Во времена инков строители отличались фантазией, размахом и необыкновенной терпеливостью. Отдаешь ли ты себе отчет в том, сколько времени понадобилось на то, чтобы вытесать в скале такой город? А потайные ходы и подземные дороги с их укрытыми механизмами? Мне кажется, что именно здесь инки спрятали часть своих сокровищ от жадных добычи испанцев. Сейчас ты увидишь этот клад.

Смуга подошел к стене пещеры, и передвинул барельеф с изображением солнца; открылся проем через который друзья вошли в подземный зал. Вдоль одной из стен зала стояли огромные саркофаги, сделанные из глины и гравия, облицованные снаружи базальтовыми плитками. В каждом из саркофагов виднелось небольшое узкое отверстие.

– Перед тобой, Томек, древнеперуанские чульпас, или

гробницы, – сказал Смуга, освещая плоской базальтовые стенки саркофагов. Обрати внимание, что вход во все усыпальницы выходит на восток, к лучам восходящего солнца. Инки были солнцепоклонниками, они почитали солнце, Инти, как божественного основателя всей династии. Загляни в саркофаги. Ты увидишь там мумии людей, которые сотни лет назад владели этой обширной и суровой страной.

Томек взял в руки плоску и с трудом примкнул к узкому отверстию саркофага. Внутри саркофаг был полукруглой формы со стенами покрытыми светлой краской. В глубине, в сидячем положении, находилась мумия, спеленатая мягко выделанными шнурами лам, поверх которых были надеты торжественные одеяния. В том месте, где должно находиться лицо мумии, на шкуре были нарисованы глаза и губы. Судя по тщательной прическе и длинным косам, что была мумия женщины. Ее ноги, по тогдашней моде богатых перуанок, от щиколоток до колен были окрашены в красный цвет. Рядом с мумией находились разные предметы женского обихода: коробочки с пудрой, благовониями, красками для волос, зеркало из полированного камня, гребни, сосуды с пищей и остатки одеяний, которые, видимо, должны были служить покойнице во время загробной жизни. В саркофагах мужчин находилось оружие и украшения, а в гробницах детей – игрушки.

Томек почувствовал робость и прекратил осмотр саркофагов.

– Ну, как? Видел? – спросил Смуга.

– Да, мумии прекрасно сохранились. Это, видимо, благодаря сухому горному климату?

– Несомненно. Перуанцы, как правило, закладывали вход в гробницы камнем. Здесь им не нужно это делать. Идем, я покажу тебе сокровищницу.

Друзья вошли в соседний зал. Смуга поднял плашку выше, чтобы лучше осветить помещение. Томек изумленно смотрел на изваяния царей и богов, сделанные из чистого золота и серебра, на символические скульптурные изображения Инти, богини Солнца, усыпанное драгоценными камнями, на сосуды и миски, наполненные золотым песком и жемчугом, на золотые щиты. После длительного молчания, Томек сказал:

– Итак, вы открыли *бонанцу*¹³⁸. Как видно, это часть сокровища, которым Атауальпа¹³⁹ пытался купить себе жизнь.

– Инки и их подданные спасли эти сокровища ценой большой крови. Если бы белые узнали о существовании этих сокровищ, страна свободных индейцев опять стала бы ареной битв и кровопролития, – ответил Смуга, внимательно наблю-

¹³⁸ **Бонанца** (*испан.*) – сокровище, неожиданное обогащение, в переносном смысле то, что приносит прибыль, доход. Это выражение появилось в США во время золотой лихорадки.

¹³⁹ **Атауальпа** (род. 1500 г., ум. в 1533 г.) – последний царь инков, был хитростью взят в плен конкистадорами под водительством Писарро. Этот последний нарушил данное слово и приказал казнить Атауальпу, несмотря на уплату последним обещанного выкупа.

дая за выражением лица молодого человека.

– Вполне уверен в этом! Идем отсюда, потому что на этих сокровищах лежит проклятие коварно замученных и убитых индейцев. Никому не надо говорить об этом кладе, даже самым близким людям.

– Я рад, Томек, что ты предложил это. Мы с тобой, конечно, сохраним тайну. Идем, у нас осталось очень мало времени, а еще многое надо обсудить.

Смуга тщательно запер дверь усыпальницы, и, повернув правое изображение солнца, открыл новый потайной ход. Войдя в него, друзья очутились в небольшой пещере, которая, впрочем, походила скорее на грот в отвесной горной стене, так как она была открыта в сторону бездонной пропасти. В отверстии грота-пещеры стояли два, широко расставленных столба. Между ними, низко над каменным полом висела большая овальная рама из бамбуковых стволов, заполненная сеткой из лиан.

В гроте было довольно светло, так как ночь была лунная и, кроме того, в пещеру проникали багровые отсветы вулкана. Смуга поставил плоску на пол и подвел молодого друга к самому краю пропасти.

– Что за странное устройство? – спросил Томек, рассматривая овальную сетку.

– Я тебе говорил, что эта пещера находится непосредственно под выступом скалы, с которой инки сбрасывали в пропасть людей, приносимых в жертву богам, – ответил Сму-

га. – Жертвами были обыкновенно молодые девушки, часто дочери вождей, государственных мужей и даже царей. Хитрые жрецы, как видно, не очень боялись гнева своих богов, потому что иногда использовали это устройство для спасения жертв от гибели.

– Я уже догадался как они это делали, – сказал Томек, – Они выдвигали сетку наружу, а когда в нее попадала девушка, втягивали я ее в пещеру.

– Вот именно, они так и делали, а потом объявляли верным, что боги, вняв их мольбам, вернули жертву.

Томек нагнулся над сеткой. Лианы были свежи и гибки. Он попробовал выдвинуть раму с сеткой наружу. Устройство действовало безотказно.

– Странно, что это устройство так прекрасно сохранилось, – сказал Томек, взглянув на друга.

– Это я поставил новую раму и сетку, – пояснил Смуга.

Томек придвинулся к другу.

– С какой целью вы меня привели сюда? Зачем рассказываете обо всем этом? – срывающимся голосом спросил он.

– Я хочу во что бы то ни стало спасти твою жену и Наташу. Перед моим приходом к тебе совет вождей вынес решение умиловать богов и принести им в жертву белых женщин. Если бы не этот проклятый вулкан, возможно мне удалось бы отговорить их от этого безумия. Ты видел внизу развалины города? Легенда гласит, что город был разрушен землетрясением, которому сопутствовало извержение вулкана.

Теперь этот вулкан опять гремит и дымит. Кампы убеждены, что вы, проникнув в их долину, навлекли на них гнев богов. Это им подшепнул здешний верховый жрец.

– Значит, они хотят сбросить со скалы в пропасть Салли и Наташу?! – пораженный до глубины души, спросил Томек. – А как с Марой, женой Габоку?

– Я как раз собирался тебя спросить об этой женщине. Оказывается это жена храброго Габоку?. Ей ничто не грозит. Умилостивить богов может только жертва из двух белых женщин. Мужчины, если согласятся стать воинами племени кампов, сохранят жизни.

– Нельзя ли их как-нибудь убедить отказаться от этого ужасного намерения? Может быть вместо женщин они принесли бы в жертву меня и Новицкого?

– Нет, женщины им не так нужны, как вы! Они восхищены вашей отвагой, проявленной во время битвы. А я должен сохранять мнимый нейтралитет в этом деле.

– Что вы предлагаете? – кратко спросил Томек.

– Сегодня с утра все вы, за исключением Салли и Наташи будете заперты в отведенном мне помещении. Жертвоприношение должно состояться в момент, когда солнце станет в зените. Сначала будут совершены молебствия, потом начнутся танцы. Тогда ты используешь потайной ход, который я тебе показал и проведешь всех в пещеру. Постарайся не забыть поставить в нормальное положение защелку дверного запора. Придешь сюда вместе с Новицким и будешь ждать.

Надо предупредить Салли и Наташу, чтобы они перед самым прыжком в пропасть громко крикнули. Услышав крик, немедленно подставляй сеть.

– А не будет ли слишком поздно?

– Думаю, нет.

– А что делать потом?

– Уходить из города потайным ходом. В пещере для вас приготовлены кусьмы. Набросите их поверх собственной одежды. Кроме того, я достал две винтовки, револьвер, патроны, луки со стрелами и три ножа. Насобираю и немного продовольствия, которого, однако, хватит не больше, чем на два или три дня. Потом вам придется охотиться с луком и стрелами. С огнестрельным оружием будьте осторожны. Горное эхо далеко несет звук.

– Вы говорите так, будто сами не собираетесь бежать с нами?!

– Послушай, дружище, я теперь делаю все возможное, чтобы спасти ваши жизни. Если бы я ушел с вами, индейцы подняли бы на ноги все окрестные союзные им индейские племена. А тогда... никто уже не спасется. Я у них своего рода вождь-фетиш. Уже несколько раз я командовал в битвах против кашибе и амагукам, с которыми кампы ведут непрерывную войну.

– Когда они убедятся, что мы бежали, они убьют вас!

– Не перебивай меня, Томек. В качестве вождя я принимаю участие в жертвоприношении. Сделаю все возможное

для того, чтобы кампы не смешали вам карты. Все время буду рядом с Наташей и Салли. Потом, когда обнаружится ваше отсутствие в моей комнате, я скажу, что, видимо, вас похитили злые духи.

– Разве они поверят этому?

– Думаю, да. Кампы большие, наивные дети. В повседневной жизни они даже веселы и симпатичны. Но они, как огня боятся всякого рода волшебств и волшебников. Здесь, в Перу, пожалуй, только кампы сохранили древнюю религию инков, то есть поклонение солнцу. Меня они сами привели сюда и, хотя держат в плену, ничего плохого не делают. Я даже пользуюсь у них некоторым влиянием. Думаю, что после вашего бегства мне удастся справиться с ними.

– Неужели вы решили остаться здесь навсегда?! – спросил Томек.

– Ах нет, что ты! Если они вас не поймают, я попытаюсь тоже бежать. Я уже давно готов к этому. Есть у тебя карта?

Томек достал карту Южной Америки и свой эскиз маршрута. Друзья уселись на землю и Смуга с интересом стал рассматривать сделанный Томеком чертеж.

– Твоя карта и в самом деле верх совершенства, – похвалил он. Во время погони за беглецами по Гран-Пахонали я тщательно изучал местность. Слушай внимательно, я скажу тебе куда надо бежать. По Пачитеи ходят пароходы в Лиму, но до Пачитеи очень далеко. Мы находимся где-то здесь, в Андах. Если вы пойдете на юго-восток, то через несколько

дней дойдете до Пирене, откуда через Тарму идет дорога в Орою. Из Орои по железной дороге доедете до Лимы¹⁴⁰. Когда-то в Лиме жил мой хороший знакомый по фамилии Габих¹⁴¹. Он был там профессором. Попытаешься его найти, и он вам поможет.

– А в какую сторону вы сами намерены бежать?

– Два раза бежать по тому же пути нельзя. Если мне повезет, я пойду прямо на юг, к границе Боливии.

– В одиночестве это очень опасно. Я отвезу женщин в Лиму, а сам немедленно отправлюсь вам на помощь. Вот здесь, – Томек показал точку на карте, – мы будем поджидать вас с запасами продовольствия и оружия. Я говорю мы, потому что со мной несомненно пойдет капитан Новицкий, и, думаю, Збышек и Габоку со своими людьми.

¹⁴⁰ Железная дорога из Лимы и Кальяо через Орою к побережью Атлантического океана была запроектирована Эрнестом Малиновским, участником восстания 1830—1831 гг., эмигрировавшим в Перу в 1852 году. Трасса железнодорожной линии ведет из Лимы в Орою. Участок на территории Перу строился под непосредственным руководством Малиновского; железнодорожная линия в Орою весьма сложное сооружение, так как проходит по высокогорью и в одном месте достигает отметки 4769 м над уровнем моря, где сооружен туннель длиной 1200 метров. Общая длина туннелей на этой линии составляет 6 километров, а самый высокий мост достигает 70 м высоты.

¹⁴¹ **Эдвард Габих** (1835—1909) инженер и математик, участник восстания 1863 года, полномочный комиссар Национального правительства в Галиции. В 1869 году поселился в Лиме, где организовал первое в Латинской Америке высшее горно-инженерное училище. К преподаванию в этом училище Габих привлек многих польских инженеров. Был организатором перуанской технической прессы. В Лиме находится его мавзолей.

– Ты серьезно собираешься это сделать?

– Даю слово, что сделаю это обязательно! – твердо ответил Томек. – Мы будем ждать вас на границе Боливии, хотя бы всю остальную жизнь. Отсюда я уйду без вас, только из-за Салли и Наташи.

Смуга некоторое время о чем-то сосредоточенно думал, потом опять обратился к карте.

– Ну, что ж, раз ты так решил, даю тебе два месяца на то, чтобы добраться с женщинами до Лимы. Потом организуй экспедицию и жди меня, где-то в этом месте. Я пойду вот по этому маршруту, – Смуга показал на карте, и сделал пометку на эскизе Томека. – Если вас не поймают и не приведут обратно, я попытаюсь исчезнуть отсюда спустя ровно шестьдесят дней после вас.

– Понимаю. Я, со своей стороны, буду сразу же после заката солнца давать вам знак, то есть буду разводить костры на вершине одной из гор.

– Ну, Томек, скоро рассвет, нам надо прощаться, – сказал Смуга, пряча в карман одну из карт. – Я проведу тебя. Расскажи нашим о плане бегства. Помни, что малейшая ошибка может повлечь за собой трагические последствия! Обними там всех от меня!

Томек бросился в объятия Смуги. Он с трудом подавил рыдания, вырывавшиеся из груди. Но он знал, что если план разработанный Смугой не удастся, то Салли и Наташа погибнут ужасной смертью. Поэтому он не видел другого выхода,

кроме бегства без Смуги.

А Смуга прекрасно понимал все, что чувствовал молодой человек. Пожалуй впервые в жизни в неустрашимом сердце Смуги поселился страх. Он без всяких колебаний отдал бы жизнь за своих друзей, но никак не мог рассчитывать на милосердие кампов. Ведь сам он был только их пленником! Смуга собрал всю силу воли, чтобы изгнать из сердца всякое сомнение в успехе предприятия.

– Томек, всех нас ждет тяжелое и жестокое испытание. Держись крепко, дружище! Я уверен в тебе, Новицком и Габоку. Лишь бы только Салли и Наташа достойно выдержали экзамен.

Томек улыбнулся сквозь слезы и ответил:

– Я вполне уверен, что Салли прекрасно сыграет свою роль. Вы знаете, что ее хлебом не корми, а только дай переживать необыкновенные приключения и опасности. Ей надо бы родиться мужчиной. Вот за Наташу я боюсь. С тех пор как вы исчезли, у нее шалют нервы.

– Ты убеди ее, что в последнюю минуту я буду с ней.

– Хорошо, это ее несомненно поддержит.

Друзья обменялись крепким рукопожатием.

– Помните, что я поведу экспедицию вдоль восточных склонов Андийской Кордильеры. Через шестьдесят дней мы будем ждать вас в условленном месте, – еще раз повторил Томек.

– Если ты твердо решил, что ж, я согласен. Идем!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БЕГСТВО

С утра извержение вулкана усилилось. Грохот и гром раздавались почти непрерывно, из кратера высоко в небо вырывались огненные языки пламени, а черный дым застилал все небо. Толпа женщин, мужчин и детей, собравшаяся на вымощенной каменными плитами площади, со страхом и набожным вниманием глядела на огнедышащую гору. Сумеют ли жрецы умиловить разгневанных богов? Кампы с тревогой ждали выхода вождей и жрецов.

Солнце подходило к зениту. На пороге дома советов показался вождь свободных кампов. Это был белый пленник. Жрецы и воины посадили его в крепость, потребовав чтобы он научил их военному искусству белых. Они хотели выкопать топор войны против всех белых захватчиков и нанести им такое поражение, какое вынудило бы белых отказаться раз и навсегда от посягательства на земли свободных индейцев.

Сначала кампы относились к пленнику несколько свысока, а иногда даже с презрением. Но с течением времени мудрый и благородный пленник сумел завоевать уважение и доверие индейцев. Его советы были всегда хороши, он умел лечить болезни, от которых страдали туземцы, и, что важнее

всего, был неустраслимым вождем, при упоминании о котором, враги кампов дрожали от страха.

Толпа туземцев терялась в догадках. Неужели отважный вождь не воспротивится жертвоприношению двух белых женщин, что должно умиловать разгневанных богов. Ведь эти женщины были соплеменницами вождя! Если бы не его просьбы, а потом резкий протест, все белые погибли бы, не дойдя до стен разрушенного города. Неужели теперь и он испугался страшного гнева богов? Неужели он принесет в жертву друзей, чтобы спасти от гибели своих преследователей?

Тем временем вождь торжественно подошел к золотому трону, установленному рядом с жертвенником. Длинные, черные волосы и борода, резко выделялись на фоне белоснежного, утканного золотыми нитями одеяния вождя. Вот он уселся на золотом троне, который сейчас же окружили племенные вожди.

Из ворот каменного храма показалось шествие жрецов. В сосредоточенной тишине они подошли к жертвеннику и расставили вокруг него изваяния богов. Одно из них, сделанное из чистого золота, изображало Виракочу, творца вселенной и источник божественной силы. Золотой щит с изображением лучезарного человеческого лица был символом Солнца, то есть прародителя всех инков. Серебряный щит символизировал богиню Луны, а изваяние человека в сияющем одеянии с булавой в одной руке и пращом – в другой, изобража-

ло бога Громовержца. Рядом с изображениями богов жрецы поставили четыре саркофага с мумиями вождей.

Несколько жрецов поднесли к устам раковины. Раздались глухие, стонущие звуки. Верховный жрец и его помощники остановились у трона вождя. Они поклонились ему до самой земли, вытянув вперед руки с открытыми ладонями. Потом стали целовать кончики своих пальцев, словно собирались послать вождю воздушные поцелуи.

Смуга важно кивнул головой. Все жрецы стали хором читать молитву. Закончив ее, они положили на жертвенник дары богам: кукурузу, картофель, листья коки и табак, который у кампов считался целебным средством. Эти дары были преданы торжественному обряду сожжения на огне.

После этой церемонии служительницы храма принесли сосуды, наполненные чичей. Они подошли к вождю и подали ему золотую чару.

Послышалась тихая музыка флейт в сопровождении барабанов. Держась за руки, мужчины, женщины и дети начали танец под монотонный, повторяющийся мотив. Тихая и размеренная первоначально музыка, постепенно превращалась в бурную, ритмическую мелодию.

Смуга осторожно взглянул на окна своей квартиры, где были заперты его друзья. Достал из-под кусмы носовой платок и несколько раз вытер им вспотевший лоб. Это был условный знак товарищам, что приближалась решительная минута. Томек и остальные должны уйти в таинственное

подземелье.

Гремели барабаны, танцоры впадали в экстаз.

В сердце Смуги застыл ледяной холодок ужаса. В оконном проеме показался ответный знак белым платком. Томек с друзьями уходил.

Смуга облегченно вздохнул, дело видимо, удалось! Никто не помешал бегству друзей в подземелье.

Из ворот храма вышла вереница женщин. Прислужницы богов вели на казнь Наташу и Салли. Настало время принести богам человеческую жертву.

Смуга взглянул на небо. Может быть он возносил молитву за дарование жизни молодым женщинам, а может быть обратил внимание на то, что небо еще больше покрылось черными клубами дыма. Из кратера вулкана выстрелили к небу огненные языки пламени, в горах раздалось удесятеренное эхо грома.

Музыка прекратилась. Танцоры остановились, как вкопанные. Салли и Наташа были одеты в длинные, до пят, белые одеяния. Их головы украшали венки из белых цветов. Держась за руки, они шли в центре процессии прислужниц. Шествие остановилось у подножия трона. Верховный жрец подошел к трону и глубоко поклонился Смуге, ожидая его приказаний.

Смуга взглянул на две несчастные жертвы суеверия. Салли держалась молодцом. У дочери австралийского фермера было отважное сердце. Она подмигнула Смуге, словно хоте-

ла придать ему мужества. Наташа ужасно побледнела. Ноги подгибались под ней. Смуга взял себя в руки. Поднялся с трона. Стиснул в правой руке булаву, символ верховной власти. Булава, украшенная золотом и драгоценными камнями была сделана из твердой, как железо древесины.

Внезапный взрыв в кратере вулкана снова потряс горы до основания. Земля задрожала под ногами людей. Из уст собравшейся толпы вырвался крик ужаса. Испуганные люди бросились на колени.

Решительным движением Смуга повернулся к племенным вождям и жрецам.

– Вы сказали, что мои белые друзья разгневали богов своим приходом, – громко и выразительно произнес он. – Мы все же остаемся вашими друзьями, поэтому, чтобы жертва оказалась богам приятнее, я, ваш белый вождь, сам принесу женщин в жертву. Ты, верховный жрец, говори – что я должен делать!

Оробевшие и испуганные кампы, затаив дыхание смотрели на Смугу. А он подошел к женщинам, взял их за руки и повел на конец каменной площадки, под которой разверзлась тысячеметровая бездна.

– Вы это замечательно сделали! – шепнула Салли.

– Поспешим, пока они не одумались... – Тихо ответил Смуга. – Ты, Салли, бросайся в пропасть первая...

– До самой смерти у меня будет что рассказывать, – успела шепнуть бойкая молодая женщина.

Изумленный и ошеломленный жрец шел вслед за ними. Послышались стонущие звуки раковин.

– Пусть бросаются в пропасть по очереди, – сказал жрец. – В будущей жизни их ожидает вечное счастье и богатство, которое дадут им наши боги.

Девушки уже стояли на краю пропасти.

– Да будет принесена жертва! Бросайся в пропасть, Салли! – громко крикнул Смуга.

Жрец поднял руки к небу и... подошел к краю пропасти.

Громко крикнув, Салли отважно наклонилась над пропастью, увидела выставленную внизу сеть и прыгнула вниз. Находясь на краю пропасти, верховный жрец увидел, что произошло с первой жертвой. Его охватил бешеный гнев. Белый вождь обманул их. Движимый гневом, жрец схватил Наташу и отстранил ее от края пропасти.

В это мгновение Смуга понял, что жизнь его самого и друзей висит на волоске. Он подскочил к жрецу и изо всех сил ударил его по голове булавой.

– Наташа, твоя очередь! Прыгай! – крикнул он не своим голосом так, что пораженная толпа повалилась на колени.

Наташа дрожала, как в лихорадке. Она не могла произнести ни слова. Смуга обнял ее за талию и подвел к краю пропасти. Заглянул вниз. Увидел выдвинутую сеть.

Смуга легонько подтолкнул, пораженную ужасом женщину. Подождал пока сеть исчезнет в пещере. Потом повернулся к толпе. Индейцы стояли потрясенные необыкновенными

событиями.

Смуга подошел к мертвому телу верховного жреца, поднял его и бросил в бездонную пропасть.

Глухой гул послышался в толпе, собравшейся на площади жертвоприношений.

– Этот человек оказался подлым предателем, – громко заявил Смуга. – Вы все видели, что он хотел удержать белую женщину и не отдать богам должную жертву.

* * *

Как только Наташа очутилась в безопасности в объятиях друзей, она схватила Томека за руку и сказала:

– Смуга убил жреца, который открыл нашу хитрость! Жрец заметил, что произошло с Салли и бросился на меня. Мы спасены, но Смуга погибнет!

Томек и Новицкий обменялись взглядами. Смуга должен погибнуть в одиночестве для того, чтобы спасти друзей!

– Збышек, вот тебе карта! – не задумываясь воскликнул Томек. – Веди по маршруту, показанному на ней. Габоку, назначаю тебя начальником экспедиции. Бегите отсюда!

Новицкий уже открыл проход в подземный коридор и спешно подавал друзьям припасы, оставленные Смугой.

– Поспешите, надо помочь Смуге! – подгонял он друзей. – Если мы вас не догоним, не ждите.

– Мы возьмем револьверы и ножи, – сказал Томек, об-

нимая на прощанье жену. – Идите скорее, я запрю за вами дверь. Салли, дерзки Динго на поводке и наблюдай за его поведением. Ты знаешь, что на него можно положиться.

На долгие проводы у них не было времени, хотя они знали, что это прощанье могло быть последним в жизни.

Новицкий и Томек изо всех сил мчались по крутой лестнице вверх. Вскоре они очутились у стены, за которой находилась комната Смуги. Вбежали туда. Новицкий сейчас же бросился к окну.

– Эй, браток, наша взяла! Со Смугой порядок! Вожди и жрецы кланяются ему в пояс. Чтоб его акула проглотила, вот черт, всегда на четыре лапы падает, как кот! Интересно, что он им сказал?

– Необыкновенный человек! – шепнул Томек.

– Слушай, браток, мы шли ему на помощь, а на самом деле он спас нас всех. Что ж ему делать одному в этом осином гнезде? Я останусь с ним. Вдвоем легче будет улизнуть отсюда. Организуй новую экспедицию и жди нас два месяца в условленном месте.

– А может быть, лучше мне остаться со Смугой? – ответил Томек.

– Нет, ты скорее найдешь дорогу. Ты должен вызволить из ловушки женщин! Ах, молодцы наши бабы! Но раньше позаботься о них, а потом приходи на помощь нам. Иди уже! Я расскажу кампам, как боги пришли вам на помощь!

Капитан Новицкий улыбнулся, представив удивление

Смуги и индейцев. Крепко обнял Томека и вытолкнул его на лестницу; тщательно закрыл потайной ход. Опять подошел к окну.

В окружении племенных вождей Смуга возвращался во дворец. Новицкий улегся на циновку. Его клонило ко сну...

* * *

Первые три дня беглецы ежеминутно останавливались и прислушивались, нет ли за ними погони. Время от времени Томек или Габоку взбирались на вершины гор и с тревогой глядели на вулкан. Им казалось, что извержение несколько уменьшилось, и огненные языки реже вырывались из кратера. Хотя сами они находились в весьма тяжелом положении, они все же возвращались мыслями к друзьям, оставшимся в лапах воинственных кампов.

Вскоре, однако, опасности путешествия полностью поглотили мысли участников неудачной экспедиции. Скромных запасов продовольствия хватило всего лишь на два дня. Сюбео занялись поиском съедобных клубней, иногда им удавалось подстрелить из лука попугая. Всем приходилось голодать. По совету Габоку путники подкрепляли силы листьями кустарников кока, но путешествие пешком по горам подтачивало их силы.

Ночи в горах стояли холодные. С покрытых снегами горных вершин дул холодный ветер. На каждом ночлеге при-

ходилось строить шалаши и, несмотря на это, холод пробирал путешественников до мозга костей. Подаренные Смоггой кусьмы, плохо защищали от холода. Поэтому, дрожа всю ночь, друзья с тоской ожидали восхода солнца.

К счастью, по дороге им стали попадаться люди. Путники все смелее шли на юго-восток. На шестой день Томек осмелел на столько, что разрешил развести костер. Ослабевших от голода путешественников славно подкрепил суп, сваренный из подстреленного попугая, и рыба испеченная на раскаленных углях костра.

Десятую ночь они провели в опустевшем пастушеском шалаше, а на следующий день впервые зашли в селение индейцев племени кечуа. Кечуа жили в хижинах, сложенных из камней и присыпанных землей. Занимались разведением лам и овец. Однако оказалось, что с кечуа невозможно договориться. Они не знали ни испанского, ни португальского языков, притом с недоверием относились к белым пришельцам. Томек купил у них ягненка, которого путешественники зажарили целиком. Переночевали в хижине одного из кечуа. Утром с пастбища пришел молодой индеец, знавший несколько португальских слов. От него Томек узнал, что на расстоянии всего лишь двух дней пути от дереvушки находится хижина человека, занимающегося наймом мулов и лошадей. Дорога, у которой жил этот человек вела в Тарму. За револьвер и несколько патронов к нему молодой индеец взялся проводить белых до этой дороги.

Прошло пятнадцать дней со времени бегства путешественников из города свободных индейцев. Томек ехал верхом на муле сразу же за проводником и поминутно оглядывался на Салли и остальных участников экспедиции. За исключением Габоку, все они дремали, мерно покачиваясь в седлах. Мулы постанывая, упорно шли вперед по ухабистой дороге.

Томек исхудал, был измучен не меньше остальных, он ни на минуту не закрывал глаз. До Орои было совсем близко, а там они сядут на поезд и покатят в Лиму со всеми удобствами. Томек уже перестал опасаться за Салли, Наташу и Мару. Они были в полной безопасности. Он мучительно раздумывал над подробностями будущей спасательной экспедиции в Боливию. Время от времени он доставал из сумки карту. Старался вспомнить все, что знал о Боливии. Его ожидало множество хлопот. Надо было быстро организовать новую экспедицию. Томек надеялся, что деньги за проданную яхту уже поступили на расчетный счет в банке в Икитос. Как же предусмотрительно поступил Новицкий, дав ему полномочие на получение денег.

Томек знал, что не успокоится до тех пор, пока не вызволит из плена Смугу и Новицкого. Неужели все, что проделано до сих пор так и останется без последствий? Нет, этого

